

Источник: Бесплодные усилия любви. Пер. П. И. Вейнберга // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Т. 1, 1903. с. 113-180.

113

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ПЕРЕВОДЪ

П. И. ВЕЙНБЕРГА.

Съ предисловіемъ

П. О. МОРОЗОВА.

<Титульный лист комедии вписан в «стилизованную во вкусъ французскаго ренессанса, съ наваррскими эмблемами, заглавную рамку фр. художника Жака Лемана (Lemaire, род. 1829)».>

114

<Сверху на странице расположена фотография «Французскій королевскій замокъ XVI столетія (Замокъ Шамборъ, построенный въ 1526 году)».>

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

Разсматриваемая комедія была одною изъ 15-ти пьесъ Шекспира, изданныхъ при его жизни. Ея первое изданіе вышло въ 1598 г., подъ заглавіемъ: «Забавная и остроумная комедія, называемая «Бесплодныя усилия любви» какъ она была представлена предъ Ея

Величествомъ въ минувшее Рождество. Вновь исправлена и дополнена В. Шекспиромъ». Въ позднѣйшее время она не издавалась отдѣльно до 1631 г. Въ первомъ собраніи драматическихъ сочиненій Шекспира — in folio 1623 г., — текстъ ея, за исключеніемъ незначительныхъ и, вѣроятно, случайныхъ отступленій, ничѣмъ не отличается отъ первоначальнаго изданія, повторяя даже всѣ его опечатки.

Заглавіе этого первоначальнаго изданія свидѣтельствуетъ, что пьеса уже раньше была известна публикѣ, — иначе слова: «вновь исправлена и дополнена» не имѣли бы смысла. Относительно времени ея сочиненія нѣтъ болѣе точныхъ указаній; несомнѣнно только, что она, вмѣстѣ съ «Двумя веронцами» и «Комедіей ошибокъ», принадлежитъ къ самымъ раннимъ комедіямъ Шекспира. Это подтверждается и особенностями ея слога и языка, сохраняющими юношескую манеру драматурга. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ отличительныя черты «первой манеры» Шекспира: и слишкомъ частое упоминаніе мифологическихъ именъ и лицъ изъ древней исторіи, и обиліе иностранныхъ словъ и фразъ, и пристрастіе къ риѣмованнымъ стихамъ, въ особенности къ такъ называемымъ «догтрелямъ» или риѣмованнымъ сентенціямъ въ стилѣ народной поэзіи, къ которымъ Шекспиръ питалъ, въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, слабость, въ послѣдствіи исчезнувшую; наконецъ, встрѣчается здѣсь также и аллитерація, нѣкогда очень распространенная въ англо-саксонскомъ и англійскомъ народномъ стихотворствѣ. Самое заглавіе комедіи въ оригиналѣ — *Love's Labour's lost* — представляетъ аллитерацію; педантъ Олофернъ, называющей этотъ пріемъ искусствомъ играть буквой, пользуется имъ для сочиненія стиховъ о принцессѣ: «*The preuyful princess pierced and pricked a pretty pleasing pricket*», и т. д.

По своему общему характеру, комедія принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ «масокъ», т. е. маскарадныхъ представленій, которыя устраивались обыкновенно на святкахъ въ королевскомъ дворцѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ и имѣли самое разнообразное содержаніе, — болѣею частью аллегорическое, нерѣдко — пасторальное и любовное и всегда — веселое, съ

примѣсю шаржа и буффонады и съ непремѣннымъ участіемъ клоуновъ и другихъ шутовскихъ фигуръ. Исслѣдователямъ до сихъ поръ не удалось опредѣлить источника, изъ котораго Шекспиръ могъ заимствовать содержаніе своей пьесы; да въ заимствованіи не было и надобности, такъ какъ фабула комедіи крайне проста и бѣдна дѣйствіемъ. Конечно, въ общемъ она навѣяна знакомствомъ автора съ старинными новеллами и рыцарскими романами, рассказами о «любовныхъ судахъ» и любовныхъ приключеніяхъ королей и принцевъ; но въ ней нѣтъ опредѣленнаго

«анекдота», и даже нѣтъ того, что принято называть «развязкой», какъ это признаетъ и самъ Шекспиръ. Исторически никогда не существовавшій король наваррскій Фердинандъ вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми изъ своихъ приближенныхъ мечтаетъ устроить свою жизнь на новыхъ, идеальныхъ началахъ строгаго цѣломудрія и спокойнаго созерцанія; его дворъ долженъ на нѣкоторое время подвергнуться особому, стѣснительному искусу: въ продолженіе трехъ лѣтъ никто изъ членовъ этой «смиренной академіи» не смѣетъ смотрѣть на женщинъ, и всѣ должны строго соблюдать установленныя правила относительно порядка жизни, относительно пищи и сна. Но какъ разъ въ то время, когда король торжественно принимаетъ это рѣшеніе, къ нему является, въ видѣ посланницы, французская принцесса въ сопровожденіи своихъ прекрасныхъ дамъ. Появленіе этихъ гостей разрушаетъ всѣ хитроумные замыслы: король и его друзья забываютъ о своихъ обѣтахъ, всѣ влюбляются и начинаютъ сочинять пламенные сонеты и дѣлать разныя глупости. Въ концѣ пьесы, въ самый разгаръ веселья, внезапно приходитъ печальная вѣсть о кончинѣ французскаго короля, отца принцессы; влюбленные пары должны разстаться, по крайней мѣрѣ, на годъ, въ теченіе котораго кавалеры своимъ постоянствомъ и трудомъ должны заслужить благосклонность своихъ дамъ. «Мы кончили не такъ, какъ въ старыхъ пьесахъ влюбленные оканчиваютъ: Петръ не женится на Марьѣ», говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. «Эти дамы своею благосклонностью могли бы окончить все развязкою комедій». — «Что жъ, — подождемъ», отвѣчаетъ король: «всего, вѣдь, годъ и день, — и явится развязка!» — «Нахожу я этотъ срокъ для пьесы слишкомъ длиннымъ».

Шекспиру и не нужна обычная развязка: его вниманіе сосредоточено вовсе не на интригѣ, которая здѣсь почти отсутствуетъ, а на діалогѣ; вся пьеса — не что иное, какъ непрерывный словесный турниръ между лицами разныхъ положеній, которыя только и дѣлаютъ, что «срѣзываютъ» другъ друга ловкими отвѣтами и насмѣшливыми возраженіями. Стилъ комедіи представляетъ много сходства съ сонетами Шекспира, написанными около того же времени; нѣкоторыя мѣста ея и по формѣ, и по содержанію, являются почти дословными заимствованіями изъ этихъ сонетовъ. Сонетъ, какъ извѣстно, былъ любимой поэтической формой эпохи Возрожденія не въ одной только Италіи, но и въ Англіи, гдѣ въ ту пору итальянское вліяніе чувствовалось особенно сильно, — и Шекспиръ въ своей пьесѣ очень удачно схватилъ и воспроизвелъ придворный тонъ этого времени, живого, страстнаго, причудливаго, оригинальнаго, съ его культомъ женщины и любви, изливающимся въ цвѣтистой, фантастически-своеобразной рѣчи. Рудольфъ Женэ справедливо видитъ въ этой комедіи интересный pendant къ первымъ опытамъ Шекспира въ области трагедіи: какъ тамъ, напр., въ «Титѣ Андроникѣ», Шекспиръ преувеличивалъ трагическое, т. е. собственно ужасное, такъ и тутъ онъ доходитъ до излишества не въ комическихъ положеніяхъ, а въ остротахъ, въ игрѣ словами. Здѣсь и не перечестъ всѣхъ метафоръ, замысловатыхъ фразъ, каламбуровъ и т. п., которыми такъ и

сыплють дѣйствующія лица, всѣ безъ исключенія и каждое на свой особый ладъ. «Они — въ хорошемъ расположеніи духа, и заставляютъ свой умъ галопировать и черезъ возможное, и черезъ невозможное; они играютъ словами, извращаютъ ихъ смыслъ, выводятъ изъ нихъ нелѣпыя и смѣшныя заключенія, стрѣляютъ ими другъ въ друга, словно ракетами.... всѣ свои мысли одѣваютъ въ оригинальную и блестящую форму.» (Тэнъ). Передъ нами словно состязаніе искуснѣйшихъ фехтовальщиковъ, показывающихъ чудеса своей ловкости: клинки мелькаютъ такъ быстро, что нѣтъ возможности уловить ихъ движенія, и при каждомъ ихъ ударѣ другъ о друга сверкаютъ искры остроумія, живого, веселаго, заразительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканнаго до крайности. «Этотъ языкъ, говоритъ Тэнъ, слѣдуетъ представлять себѣ не безжизненнымъ, какимъ мы его встрѣчаемъ

116

въ старыхъ книгахъ, но порхающимъ по устами молодыхъ дамъ и кавалеровъ въ вышитыхъ жемчугомъ камзолахъ, оживленнымъ ихъ звучнымъ голосомъ, ихъ смѣхомъ, блескомъ глазъ, движеніями рукъ, которыя играютъ эфесомъ шпаги или мнутъ край шелковаго плаща. Они въ ударѣ; ихъ голова наполнена и переполнена воображеніемъ, и они тѣшутся себѣ въ свое удовольствіе... Они говорятъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдить или понять другъ друга, но чтобы дать волю фантазіи, утолить кипучій избытокъ молодости и силы. Они играютъ словами, гнутъ ихъ, какъ попало, обезображиваютъ, любятъ неожиданными перспективами и столкновеніемъ контрастовъ, которые такъ и брызжутъ у нихъ, одинъ за другимъ, до безконечности. Они наваливаютъ цвѣты на цвѣты, блески на блески; имъ нравится все, что блеститъ; они украшаютъ золотомъ, вышивкой, перьями свой языкъ, какъ и свои платья. О ясности, порядкѣ, здравомъ смыслѣ — ни малѣйшей заботы: тутъ идетъ празднество, какое-то бѣснованіе; имъ мила эта нелѣпица; ихъ ничто такъ не плѣняетъ, какъ этотъ пышный и уморительный карнавалъ. И дѣйствительно, чего-чего здѣсь не насмотришься и не наслушаешься: тутъ и грубоватая веселость, и нѣжное или грустное слово, и пастораль, и громоподобная фанфара неизмѣримодлиннаго капитана, и прыжки клоуна. Глаза, уши, всѣ напряженныя любознательныя чувства находятъ себѣ пищу въ металлическомъ лязгѣ слоговъ, въ радужныхъ переливахъ красивыхъ словъ, въ неожиданномъ столкновеніи смѣшныхъ или фамиллярныхъ выраженій, въ величавомъ рокотѣ равномерныхъ періодовъ.. Мы рѣшительно не въ силахъ теперь себѣ представить подобной изобрѣтательности, смѣлости фантазіи, неистощимаго обилія чуткой, нервной впечатлительности»..

Такія словесныя схватки, которыя въ нашей комедіи сравниваются то съ игрой въ мячъ, то съ морскимъ сраженіемъ, были въ обычаѣ той эпохи; имъ охотно предавался и самъ Шекспиръ, сидя съ пріятелями въ знаменитой

тавернѣ «Морской Дѣвы»; онѣ были въ большой модѣ и въ утонченномъ придворномъ кругу, гдѣ читали и заучивали наизусть образцовое произведеніе этого изысканнаго стиля — романъ Лилли «Эвфуэсъ или Анатомія остроумія», вліяніе котораго чувствуется во многихъ произведеніяхъ Шекспира и едва ли не болѣе всего — въ этой ранней его комедіи.

Такова, въ общихъ чертахъ, обстановка, среди которой дѣйствуютъ выведенныя Шекспиромъ лица. Внѣшнимъ мотивомъ дѣйствія служить споръ между Наваррой и Франціей изъ-за Аквитаніи; разрѣшеніе спорнаго вопроса откладывается «до завтра», потому что не получены важные документы; но это «завтра» такъ и не наступаетъ, и мы ничего не узнаемъ объ исходѣ спора, и даже совсѣмъ забываемъ о немъ, потому что онъ понадобился только какъ предлогъ для встрѣчи французской принцессы съ наваррскимъ королемъ.

Однако же, хотя все дѣйствіе комедіи и ограничивается утонченными забавами придворныхъ и турнирами остроумія, новѣйшимъ изслѣдователямъ все-таки удалось подмѣтить въ этой пьесѣ нѣкоторое соотвѣтствіе съ дѣйствительными историческими обстоятельствами, о которыхъ Шекспиръ несомнѣнно былъ освѣдомленъ и которыми отчасти воспользовался. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе самъ король наваррскій. Онъ носитъ имя Фердинанда; наваррскаго короля съ этимъ именемъ въ дѣйствительности никогда не существовало; но самымъ популярнымъ изъ наваррскихъ королей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, современникомъ Шекспира, былъ знаменитый Генрихъ, впослѣдствіи французскій король Генрихъ IV, въ характерѣ котораго, какъ извѣстно, были черты, родственныя характеру вымышленнаго Фердинанда Шекспировой комедіи. Далѣе, имена придворныхъ Бирона и Лонгвиля совпадаютъ съ именами двухъ знатнѣйшихъ приверженцевъ наваррскаго Генриха: Армана Гонто, барона де-Бирона, и Анри, герцога Лонгвиля; въ исторіи Франціи извѣстенъ также и герцогъ Шарль дю-Мэнъ, бывший однимъ изъ предводителей лиги противъ Генриха IV. Самое дѣйствіе пьесы является отраженіемъ событій, происходившихъ въ 1578—79 гг. именно въ Аквитаніи, которая въ то время называлась уже Гиенью. Здѣсь, въ небольшомъ мѣстечкѣ Неракѣ, поселился Генрихъ наваррскій, который после Варѣоломеевской ночи разстался съ своей супругой, Маргаритой Валуа, дочерью французскаго короля Генриха II, и велъ уединенную жизнь въ тѣсномъ кругу молодыхъ дворянъ-гугенотовъ. И вотъ, осенью 1578 г., Маргарита, вмѣстѣ съ своей матерью, знаменитой Маріей Медичи, пріѣхала къ Генриху въ Аквитанію, въ сопровожденіи блестящей свиты изъ дамъ и дѣвицъ. Онѣ были встрѣчены въ Бордо маршаломъ Бирономъ,

<На странице расположена иллюстрация «Представление «Бесплодныхъ усилій любви» при дворѣ королевы Елизаветы англійской. (Knight, Pictorial edition of Shakespeare)».>

а затѣмъ приняты Генрихомъ въ Ла-Реолѣ очень привѣтливо и дружелюбно, хотя король никогда не чувствовалъ расположенія къ своей супругѣ. Это посѣщеніе имѣло политическую цѣль: посѣять раздоръ между гугенотами и утвердить въ южной Франціи или, по крайней мѣрѣ, въ Аквитаніи, католическую религію и французскій престижъ. Пребываніе королевы въ Неракѣ и Ошѣ было странной смѣсью любовныхъ приключеній и политическихъ интригъ; это былъ рядъ блестящихъ празднествъ, съ охотой, спектаклями, сюрпризами и враждебными выходками. Въ свитѣ Маргариты находился, между прочимъ, и ея канцлеръ, краснорѣчивый Пибракъ, послужившій оригиналомъ для шекспировскаго Бойе. Дипломатическіе переговоры привели къ заключенію особаго договора, за которымъ, однако, вскорѣ (1579) послѣдовала такъ называемая «война влюбленныхъ». Въ этой войнѣ главную роль играли Тюреннъ, Констансъ, д'Обинье; но Шекспиръ, сочинявшій свою комедію, по всей вѣроятности, около 1592—93 г., выбралъ имена Бирона, Лонгвиля и Дюмена, болѣе знакомыя англичанамъ по исторіи недавней осады Руана (зимой 1591—92).

Впрочемъ, поэту были извѣстны не только эти имена, но и нѣкоторыя обстоятельства жизни носившихъ ихъ лицъ: онъ называетъ Лонгвиля (II, 1) «прославившимъ себя въ войнѣ», что было совершенно справедливо, такъ какъ молодой герцогъ дѣйствительно отличился военными подвигами; далѣе, Лонгвиль и молодой Дюмень представляются въ комедіи какъ бы кавалерами любовной кадрили, гдѣ ихъ дамами являются Катарина и Марія; Лонгвиль и на самомъ дѣлѣ былъ женатъ на Катаринѣ, дочери герцога Невера, а Дюмень впослѣдствіи женился на ея младшей сестрѣ, Маріи. Можетъ быть, однако, это совпаденіе — не болѣе, какъ простая случайность.

Вообще по отношенію къ фактическимъ обстоятельствамъ комедія Шекспира представляетъ странную смѣсь вѣрной передачи подробностей съ незнаніемъ общеизвѣстныхъ вещей. Принцесса французская послана была въ Наварру королемъ; но этотъ король былъ не отцомъ ея, какъ въ комедіи, а братомъ; при этомъ поэтъ какъ бы совсѣмъ забылъ о томъ, что эта принцесса уже давно была обвѣнчана съ королемъ наваррскимъ. Ея пребываніе при наваррскомъ дворѣ продолжалось не нѣсколько дней, а (съ

перерывами) нѣсколько лѣтъ: она окончательно разсталась съ мужемъ только въ 1585 г. Точно такъ же Шекспиръ какъ будто совсѣмъ забылъ и объ ужасахъ Варѳоломеевской ночи, и о королевѣ-матери, несомнѣнно игравшей выдающуюся роль, и о религіозныхъ междоусобіяхъ: все это не укладывалось въ рамку его безобидной маскарадной комедіи, въ которой кровопролитная «война влюбленныхъ» обратилась въ галантное состязаніе придворныхъ дамъ и кавалеровъ. И только строгій уставъ основанной королемъ «академіи» отчасти напоминаетъ о строгихъ нравственныхъ правилахъ кальвинистовъ.

Но во всемъ остальномъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи довольно близко соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Король обрисованъ нѣсколько идеальными чертами, но его добродушіе, веселость, влюбчивость и переходы отъ простой, трудовой жизни къ роскоши и забавамъ живо напоминаютъ того «храбраго короля», который «имѣлъ три таланта: пить, драться и ухаживать за женщинами». Внѣшнія черты принцессы, — ея красота, остроуміе и любезность, — также представлены вполне согласно съ историческими ея описаніями. Общій тонъ французскаго двора, съ его легкомысліемъ, кокетствомъ, галантностью и жаждою удовольствій, схваченъ совершенно вѣрно; наконецъ, даже и мѣсто дѣйствія, — большой и прекрасный паркъ, — также соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Далѣе, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, принцессу встрѣчаетъ Биронъ; король совѣщается съ своими друзьями о томъ, принять ли ему принцессу; тотчасъ послѣ встрѣчи они расходятся въ разныя стороны и живутъ отдѣльно; наконецъ, придворные кавалеры, вмѣстѣ съ королемъ, подшучиваютъ другъ надъ другомъ по поводу своей влюбленности въ прекрасныхъ дамъ изъ свиты принцессы. Все это совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ исторіи.

Такимъ образомъ, комедія Шекспира имѣетъ извѣстную фактическую основу. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ былъ знакомъ съ подробностями жизни Генриха наваррскаго; источникомъ этого знакомства могли послужить рассказы кого-либо изъ свиты графа Уоррика или Эссекса, бывшихъ послами во Франціи въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ XVI вѣка. Но этимъ источникомъ Шекспиръ воспользовался съ полною поэтическою свободою, причемъ за

исходную точку своей комедіи взялъ обстоятельство, совершенно вымышленное. Наваррскій король съ своими приближенными хочетъ основать «академію»: такая мысль никогда не пришла бы въ голову Генриху IV, и вообще — французу, и совершенно не отвѣчала также и тогдашнимъ англійскимъ нравамъ. Это — черта спеціально итальянская: въ Италіи XVI вѣка было въ модѣ учреждать различныя общества этого рода,

для которыхъ образцомъ служила флорентійская академія Медичи. Въ этой чертѣ комедіи, точно такъ же, какъ и въ итальянскихъ стихахъ о Венеціи и въ нѣсколькихъ случайно брошенныхъ въ пьесѣ итальянскихъ словахъ, большинство изслѣдователей склонно видѣть слѣды предполагаемаго пребыванія Шекспира въ верхней Италіи, лѣтомъ 1592 г. Какъ бы то ни было, многое въ этой пьесѣ напоминаетъ итальянскую комедію dell'arte и ея популярныя маски. Шутъ Башка — близкій родственникъ толстоголоваго мужика Бертолино или Педролино; Жакнетта очень похожа на Коломбину, которая, кстати, часто является невѣстой Педролино (Пьеро); «причудливый испанецъ» донъ Адриано де Армадо также близко подходитъ къ популярному типу капитана Спавенто или Матаморо, ведущему свое происхожденіе по прямой линіи отъ плавтовскаго «хвастливаго воина» Пиргополиника; школьный учитель Олофернъ соотвѣтствуетъ «педанту» или «доктору» итальянской комедіи, — хотя его имя, можетъ быть, заимствовано Шекспиромъ изъ «Гаргантюа» Рабле, гдѣ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является «великій ученый софистъ, именуемый господинъ Тубаль Олофернъ»; наконецъ, Биронъ и его товарищи похожи на типическихъ «влюбленныхъ» итальянской комедіи, — Флавіо, Леандро и т. п.

Но для этого французско-итальянскаго сюжета Шекспиръ создалъ своеобразную англійскую рамку, приспособивъ свою комедію къ понятіямъ англійской публики. Французская принцесса получила у него идеальный обликъ англійской королевы: Шекспиръ сохранилъ только тѣ черты оригинала, которыя могли быть пріятными для Елизаветы, — красоту, любезность, остроуміе; во всемъ остальномъ принцесса такова, какою казалась — или желала казаться — Елизавета: она любитъ дѣлать своимъ любимцамъ разные сюрпризы, увлекается маскарадами, театральными представленіями, охотой и проч. Холодность принцессы въ отношеніи къ влюбленному королю также представляется искусно сочиненнымъ комплиментомъ королевѣ, причемъ принцесса также сравнивается съ цѣломудренной богиней луны. Дворъ короля наваррскаго производитъ впечатлѣніе резиденціи богатаго англійскаго лорда: тутъ и обширный паркъ, въ которомъ охотятся за дичью, и поля, и цвѣтушіе луга. Къ этой обстановкѣ какъ нельзя лучше подходятъ фигуры сельскаго священника, школьнаго учителя и крестьянина Башки.

Придворный, аристократическій тонъ пьесы показываетъ, что ко времени ея сочиненія Шекспиръ уже успѣлъ достаточно освоиться съ нравами лондонскаго знатнаго общества. Извѣстно, что въ началѣ 90-хъ годовъ поэтъ находился уже въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ молодому графу Саутгэмптону, которому онъ посвятилъ свои поэмы «Венера и Адонисъ» и «Похищеніе Лукреціи»; послѣднее изъ этихъ произведеній, по ходу мыслей и поэтическимъ образамъ, довольно близко подходитъ къ нашей комедіи. Это даетъ поводъ предположить, что комедія, такъ же, какъ и поэма, сочинена для Саутгэмптона и его круга. А если это

такъ, то въ лицѣ молодого графа мы имѣемъ прототипъ для изображенія короля наваррскаго, въ которомъ, такимъ образомъ, оказываются черты, родственныя и Генриху IV, и лицу, болѣе близкому къ Шекспиру.

Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи останавливаетъ на себѣ вниманіе смуглая брюнетка Розалина: она, во-первыхъ, представляетъ чисто-итальянскій типъ; во-вторыхъ, ея имя, въ нѣсколько измѣненной формѣ — «Розалинда», встрѣчается еще въ одной шекспировской комедіи: «Какъ вамъ будетъ угодно», сочиненіе которой относится къ концу XVI вѣка. Нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть въ этой фигурѣ отголосокъ итальянскихъ впечатлѣній поэта...

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ этой комедіи встрѣчаются, такъ сказать, въ зародышѣ, многіе типы, впослѣдствіи развитые и вновь переработанные Шекспиромъ. Такъ, напр., Биронъ и Розалина въ болѣе совершенномъ видѣ появляются въ комедіи «Много шуму изъ ничего», подъ именами Бенедикта и Беатриче; любовь Армадо къ Жакнетъ повторяется въ изображеніи любви Оселка къ Одри въ комедіи «Какъ вамъ будетъ угодно»; констэбль

120

Тупица воскресаетъ въ лицѣ стараго Гоббо въ «Венеціанскомъ купцѣ», и пр.

Какъ уже сказано выше, главное содержаніе комедіи заключается въ словесныхъ турнирахъ на любовныя темы, причемъ пускается въ ходъ неистощимое богатство изысканнаго «эвфуизма». Вполнѣ овладѣвъ этимъ моднымъ стилемъ своего времени, Шекспиръ не могъ не подмѣтить въ немъ смѣшныхъ сторонъ — и, комически преувеличивая эти свойства, въ концѣ концовъ, приводитъ къ признанію побѣды простого здраваго¹ смысла надъ словесными ухищреніями. Представители эвфуизма въ комедіи составляютъ три отдѣльныя группы, столкновенія которыхъ и производятъ комическое впечатлѣніе: это, во-первыхъ, король и принцесса съ своими приближенными дамами и кавалерами, съ рѣзкимъ и находчивымъ Бирономъ, «разнощикомъ остроумія» Бойе и Розалиной, всегда готовой срѣзать кого угодно своимъ острымъ какъ бритва языкомъ. Эти лица представляютъ, такъ сказать, высшую школу изысканной рѣчи. Къ нимъ примыкаетъ уже вполнѣ комическая фигура «причудливаго» испанца Армадо. Прототипъ этого лица указываютъ въ нѣкоемъ Антоніо Пересѣ, который зимою 1591—92 гг. жилъ въ Беарнѣ, при дворѣ Генриха наваррскаго, а въ слѣдующемъ году поселился въ Лондонѣ. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ въ ту пору странствующихъ авантюристовъ. Нѣкогда онъ служилъ при королѣ Филиппѣ II, но навлекъ на себя его немилость и затѣмъ, повидимому, сталъ служить Генриху IV и королевѣ Елизаветѣ въ качествѣ политическаго агента, жилъ попеременно то въ Англіи, то во Франціи и пользовался покровительствомъ графа Эссекса. Можно думать,

что Шекспиръ въ своей комедіи осмѣялъ «великолѣпный» слогъ этого испанца, писавшаго англійскимъ лордамъ напыщенные письма. Въ комедіи донъ Армадо «говорить не такъ, какъ говорятъ люди, созданные по подобію Божьему»:

Въ мозгу его — рудникъ, откуда извлекаетъ
Онъ фразы пышныя; звукъ собственныхъ рѣчей
Онъ восхитительной гармоніей считаетъ...

Король и придворные смотрятъ на него, какъ на шута-развлекателя, и потѣшаются надъ его высокопарными посланіями и надъ его влюбленностью въ простую крестьянку. Самъ же онъ поучается уму-разуму у веселаго, подвижнаго и остроумнаго пажа «Моли», который тоже, въ свою очередь, потѣшается надъ нимъ.

Вторую группу составляютъ педантъ Олофернъ и священникъ Натаніилъ, привыкшіе вести другъ съ другомъ ученыя бесѣды послѣ обѣда. Первый — жалкій буквоѣдъ, живущій «словеснымъ крохоборствомъ»; второй — его хвалитель и подражатель. Къ нимъ примыкаетъ третья группа — шутъ Башка, крестьянка Жакнетта и констэбль Тупица. Башка изъ всѣхъ силъ старается набраться учености и съ восторгомъ вслушивается въ забавныя шуточки Моли; въ порывѣ любви къ этому «кошельку остроумія» онъ даже готовъ отдать ему на пряники все свое состояніе, хотя бы оно составляло только одинъ грошъ. Жакнетта, изловленная констэблемъ въ интимномъ разговорѣ съ Башкой, высмѣиваетъ влюбленнаго въ нее испанца; глупая и неуклюжая фигура Тупицы достойно заключаетъ это простонародное тріо, въ рѣчахъ котораго съ такимъ своеобразнымъ комизмомъ отражается эвфуизмъ высшаго круга. Въ концѣ пьесы король и его придворные, замаскированные «московитами», терпятъ полное пораженіе отъ принцессы и дамъ ея свиты; такимъ же полнымъ фіаско оканчивается и маскарадъ «девяти героевъ», придуманный «учеными» — Армадо, Олоферномъ и Натаніиломъ, съ участіемъ Башки и Моли. Всѣ дѣйствующія лица смѣются надъ обоими маскарадами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — сами надъ собой. Первымъ приходитъ въ себя Биронъ: онъ проклинаетъ «тафтяныя фразы», «лощенные шелковыя рѣчи», «трижды полированные гиперболы», «педантическія фигуры» и все это напыщенное жеманство, и даетъ обѣщаніе, что отнынѣ его влюбленное сердце будетъ высказываться только или грубымъ «да», или полновѣснымъ «нѣтъ». Такимъ же точно образомъ Шекспиръ въ послѣдствіи заставилъ высказываться влюбленнаго короля Генриха V, — свой идеаль безыскусственности и естественности.

Комедія кончается обѣщаніемъ влюбленныхъ выдержать годовой срокъ, назначенный дамами для ихъ испытанія, и посвятить себя не фразамъ, а дѣлу. Заключительныя пѣсни Весны и Зимы въ похвалу кукушки и совы опять-таки звучатъ торжествомъ простоты и естественности надъ утонченной изысканностью.

(1598), перечисляя Шекспировскія комедіи, рядомъ съ «Безплодными усилями любви» ставитъ «Успѣшныя усилия любви» (Love's Labour's won). Такъ какъ въ собраніи сочиненій Шекспира нѣтъ пьесы подъ этимъ заглавіемъ, то полагаютъ, что онъ впослѣдствіи замѣнилъ его другимъ. Большинство изслѣдователей склонно думать что эта пьеса извѣстна намъ теперь подъ названіемъ: «Все хорошо, что хорошо кончается». Это предположеніе представляется довольно вѣроятнымъ, такъ какъ сюжетъ этой пьесы подходитъ къ утраченному заглавію, которое, притомъ, нѣсколько разъ упоминается и въ самой пьесѣ. Но въ послѣдней дѣйствуютъ уже совсѣмъ другія лица.

П. Морозовъ

<Внизу на странице расположена иллюстрація подъ названіемъ «Французско-наваррскіе костюмы XVI века (заставка франц. художника Жака Лемана (Leman, род. 1829)».>

<Списокъ действующихъ лицъ вписанъ въ «стилизованную во вкусъ французскаго ренессанса виньетку фр. художника Жака Лемана».>

Дѣйствующія лица:

ФЕРДИНАНДЪ, король наваррскій.

БИРОНЪ

ЛОНГВИЛЬ

ДЮМЕНЪ

} вельможи въ его свитѣ.

БОЙЕ

МЕРКАДЪ

} вельможи въ свитѣ французской принцессы.

ДОНЪ АДРІАНО ДЕ АРМАДО, причудливый испанецъ.

НАТАНИИЛЬ, священникъ.

ОЛОФЕРНЪ, школьный учитель.

ТУПИЦА, констебль.

БАШКА, шутъ.
МОЛЬ, пажъ Армадо.
ЛЪСНЧІЙ.
ПРИНЦЕССА ФРАНЦУЗСКАЯ.
РОЗАЛИНА }
МАРІЯ } ея приближенныя.
КАТАРИНА }
ЖАКНЕТТА, поселянка.
Вельможи, свита и прочіе.

Дѣйствіе въ Наваррѣ.

123

БЕЗПЛОДНЫЯ УСИЛІЯ ЛЮБВИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

<Заглавіе и дѣйствіе вписаны в «стилизованную заставку Жака Лемана».>

СЦЕНА I.

Паркъ въ замкѣ короля наваррскаго.

Входятъ КОРОЛЬ ФЕРДИНАНДЪ, БИРОНЪ,
ЛОНГВИЛЬ и ДЮМЕНЬ.

КОРОЛЬ.

Мессеры, пусть та слава, за которой
Всѣ гонятся при жизни, въ письменахъ
Всегда живетъ надъ нашими гробами
Желѣзными и украшаетъ насъ
Средь безобразья смерти. Время – хищникъ
Прожорливый, но, вопреки ему,
Усиліе одной минуты можетъ
Купить намъ честь и ею иступить
Его косу и вѣчность всю въ наслѣдство
Намъ передать. Поэтому, мои

Воители безстрашные, такими
Я признаю васъ всѣхъ за то, что вы
Сражаетесь съ своими же страстями
И съ арміей безчисленной мірскихъ
Наклонностей и прихотей – пусть въ силѣ
Останется послѣдній нашъ эдиктъ:
Мы сдѣлаемъ Наварру чудомъ міра,
Смиренной академіей нашъ дворъ,
И въ ней себя мы посвятимъ отнынѣ
Спокойному искусства созерцанью.
Вы всѣ, Дюмень, Лонгвиль и Биронъ, мнѣ
Вѣдь поклялись, что будете три года
Со мною жить товарищами всѣхъ
Моихъ трудовъ, и исполнять законы,
Которые на этой вотъ доскѣ
Начертаны. Произнесли вы клятву –
Теперь ее должны вы подписать,
Чтобъ честь того, кто букву въ ней нарушить
Его же собственной рукой была
Поражена. Итакъ, коль вы готовы
Серьезный вашъ обѣтъ исполнить, начертайте
Здѣсь ваши имена и клятву исполняйте.

ЛОНГВИЛЬ.

Рѣшился я. Три года, вѣдь, всего
Продлится постъ: поголодаетъ тѣло,
За то душа насытится вполнѣ.

124

Тошъ мозгъ у толстыхъ брюхъ; кормись роскошной пищей,
Такъ растолстѣешь весь, но умъ твой станетъ нищій.

ДЮМЕНЬ.

Мой дорогой монархъ – и вашъ Дюмень
Смирилъ себя; рабамъ презрѣннымъ міра
Животнаго онъ оставляетъ всѣ
Животныя, мірскія наслажденья.
Для роскоши, любви и славы я умру,
Чтобъ жить философомъ въ стремленіи къ добру.

БИРОНЪ.

Мой государь, все, что они сказали,

Я повторить могу лишь въ отношеніи
Того, въ чемъ клялся; клялся я жъ
Три года здѣсь учиться. Но еще
Не мало есть другихъ обѣтовъ строгихъ,
Какъ, напримѣръ, три года не смотрѣть
На женщину – условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ;
Иль день одинъ въ недѣлю быть безъ пищи
И, сверхъ того, всѣ остальные дни
Не ѣсть двухъ блюдъ – условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ;
Иль, наконецъ, спать по ночамъ не больше
Какъ три часа, а днемъ ужъ никогда
Не смѣть вздремнуть, когда какъ славно ночью
Привыкъ я спать и даже часто день
Въ ночь обращать – условіе, надѣюсь,
Которое не включено въ уставъ.
О, жизнь безцвѣтная и тяжкая: поститься,
На женщину не смотрѣть, не спать и все учиться!

Король.

Такъ жить велитъ тебѣ твой клятвенный обѣтъ.

Биронъ.

Позвольте, государь, сказать на это: нѣтъ.
Я клятву только далъ – три года здѣсь остаться
И съ вами, мой король, наукой заниматься.

Король.

Но съ этой клятвою, вѣдь, ты соединилъ
И остальные всѣ.

Биронъ.

О, если такъ, то былъ
Мой шуткою обѣтъ. Какая цѣль ученья,
Позвольте мнѣ спросить?

Король.

Какая? Безъ сомнѣнья,
То узнавать, чего иначе никому
Нельзя узнать.

Биронъ.

Все то, конечно, что уму
Обыкновенному – закрытая преграда?

КОРОЛЬ.

Да – вотъ ученія небесная награда.

БИРОНЪ.

Ну, если это такъ – клянусь я изучать
Все, что по вашему запрещено мнѣ знать:
Такъ, напримѣръ, всегда изслѣдовать, гдѣ можно
Попировать, когда пиры запрещены;
Иль гдѣ съ красавицей сходиться осторожно,
Когда красавицы отъ глазъ удалены;
Иль какъ не исполнять суроваго обѣта,
Не становясь при томъ безчестнымъ. Если это
Ученья цѣль и плодъ, то радъ я изучать
Все то, что безъ него не могъ бы я узнать.
Дамъ въ этомъ клятву я и клятвы не нарушу.

КОРОЛЬ.

Но эти вещи всѣ влекутъ и умъ и душу
Къ утѣхамъ суетнымъ – и, именно, онѣ
Мѣшаютъ изучать науку въ тишинѣ.

БИРОНЪ.

Утѣхи суетны – я соглашаюсь съ вами,
Но тѣ всѣхъ суетнѣй, которыя трудами
Пріобрѣтаются и кромѣ ужъ труда
Не могутъ ничего доставить никогда.
Такъ: книгу изучать съ мучительнымъ вниманьемъ
И свѣта истины искать въ ней много лѣтъ,
Межъ-тѣмъ какъ истина слѣпится своимъ сіяньемъ;
Свѣтъ, свѣта ищущій, у свѣта крадетъ свѣтъ;
И прежде, чѣмъ найдешь ты свѣтъ во мракѣ этомъ,
Ослѣпнувшій твой глазъ навѣкъ простится съ свѣтомъ.
Нѣтъ, научи меня, какъ усладить мой взглядъ
Другими взорами, которыхъ блескъ прекрасный
Служилъ бы для моихъ источникомъ отрадъ
И, ослѣпляя ихъ, свѣтилъ звѣздою ясной.
Наука – то жъ, что блескъ солнечныхъ лучей.
Которыхъ дерзкій взоръ извѣдать не дерзаетъ.
И вѣчный труженикъ пріобрѣтаетъ въ ней
Лишь славу жалкую, которую стяжаетъ
Чужими книгами. Взгляните на земныхъ
Всѣхъ воспріемниковъ, что имена находятъ
Для каждой звѣздочки; съ такой же пользой бродятъ

Они среди ночей блистающихъ своихъ,
 Какую для себя и неучь извлекаетъ
 Изъ созерцанья звѣздъ. Кто слишкомъ много знаетъ,
 Тому лишь суждено пустую славу знать –
 И могутъ имена всѣ крестные давать.

КОРОЛЬ.

Съ какой ученостью возсталъ онъ на ученье!

ДЮМЕНЬ.

Какъ быстро онъ идетъ, чтобъ прекратить движенье!

ЛОНГВИЛЬ.

И, доброе зерно выбрасывая вонъ,
 Негодную траву оставить хочетъ онъ.

БИРОНЪ.

Весна близка, когда у птицъ родятся дѣти.

ДЮМЕНЬ.

Но что жъ изъ этого?

БИРОНЪ.

То, что всему на свѣтѣ
 Свой часъ и мѣсто есть.

КОРОЛЬ.

Походишь, Биронъ, ты
 На тотъ завистливый морозъ, который гложетъ
 Перворожденные весенніе цвѣты.

БИРОНЪ.

Ну, что жъ, не спорю я. Да развѣ лѣто можетъ
 Подняться съ гордостью, пока у птицы нѣтъ
 Причины пѣть начать? Могу-ль я восхищаться
 Тѣмъ, что до времени рождается на свѣтѣ?
 Въ рождественскій морозъ не стану я стараться
 Добыть букетъ изъ розъ, такъ точно какъ искать
 Не стану снѣга я, когда цвѣтетъ природа
 Всей майской прелестью; на все есть время года,
 И въ это время лишь люблю я все вкушать.
 Такъ и для васъ давно прошла пора ученья:

Чтобъ дверь открыть, зачѣмъ вамъ лѣзть на верхъ строенья?

Король.

Тебя не держимъ мы; ступай себѣ домой.

Биронъ.

О, нѣтъ; я клятву далъ, король любезный мой,
Остаться съ вами здѣсь. Въ защиту грубой лѣни
Я больше говорилъ, чѣмъ вы могли бы сказать
Въ защиту ангела науки, тѣмъ не менѣ
Свой клятвенный обѣтъ я буду исполнять
И каждый день трехъ лѣтъ сносить мои лишенья.
Позвольте жъ мнѣ теперь уставъ вашъ для прочтенія –
И всѣ строжайшія условія его
Я подпишу.

Король.

Не могъ ты лучше ничего
Найти для выкупа позора твоего.

Биронъ (*читаетъ*). «Item – никакая женщина не должна подходить къ моему дворцу ближе, чѣмъ на одну милю». Обнародовано уже это условіе?

Лонгвиль. Да, четыре дня тому назадъ.

Биронъ. Посмотримъ, подъ страхомъ какого наказанья? (*Читаетъ*). «Подъ страхомъ лишенія языка». Кто придумалъ это наказаніе?

Лонгвиль.

Придумалъ лично я его.

Биронъ.

Спросить позвольте, для чего?

Лонгвиль.

Чтобъ прогоняла ихъ боязнь такихъ мученій.

Биронъ.

Опаснѣйшій законъ для свѣтскихъ отношеній!
(*Читаетъ*). «Item – всякій мужчина, застигнутый въ разговоръ съ женщиною въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, подвергнется такому публичному и позорному наказанію, какое всѣ остальные придворные найдутъ нужнымъ опредѣлить».

Пунктъ этотъ, государь, нарушите вы сами:
Вы знаете, на дняхъ пріѣхать къ намъ должна
Принцесса Франціи для разговора съ вами –
Величья, красоты исполнена она.

Ея поѣздки цѣль – уступку Аквитаньи
Скорѣй исхлопотать у васъ для своего
Больного, дряхлаго отца – и оттого
Напрасно этотъ пунктъ поставленъ въ предписаньи,
Иль понапрасну въ путь собралася сюда
Принцесса славная.

КОРОЛЬ.

Ну, что вы, господа,
На это скажете? Вѣдь, точно, не имѣли
Мы этого въ виду.

БИРОНЪ.

Вотъ такъ-то странно къ цѣли
Идетъ занятіе наукою: оно

126

Не дѣлаетъ того, что дѣлать бы должно,
А гонится за тѣмъ, что пріобрѣсть желаетъ;
Когда же наконецъ оно и настигаетъ
Давно желанное, то въ случаѣ такомъ
На взятіе города, спаленнаго огнемъ,
Похожъ его успѣхъ: въ одно и то жъ мгновенье
И пріобрѣтеніе, и вѣчное лишеніе.

КОРОЛЬ.

Нарушить этотъ пунктъ невольно долженъ я:
Вѣдь, обусловлено прибытіе ея
Необходимостью.

БИРОНЪ.

Необходимость эта
Три тысячи разовъ и насъ въ три эти лѣта
Понудитъ преступить нашъ клятвенный обѣтъ.
Вѣдь, каждый человѣкъ родился ужъ на свѣтъ
Съ страстями, государь – и божья благодать только
Ихъ можетъ усмирить; насиліе жъ – нисколько.
Поэтому, когда нарушу клятву я,
То оправдаюсь тѣмъ, что вся вина моя –
Необходимости послѣдствіе.

(Подписываетъ бумагу).

Скрѣпляю

Законъ вашъ подписью и смѣло объявляю,
Что кто нарушитъ въ немъ малѣйшую статью,
Покроется навѣкъ позоромъ; искушенья,
Вѣдь, входятъ въ души всѣхъ такъ точно, какъ въ мою;
Но хоть на нашъ обѣтъ и съ чувствомъ отвращенья,
Повидимому, я смотрю, сомнѣнья нѣтъ,
Что я ужъ послѣ всѣхъ нарушу мой обѣтъ.
Но неужель у насъ останутся въ изгнаньи
Всѣ развлеченія и шутки?

К О Р О Л Ъ .

Нѣтъ, мессеръ.

Здѣсь есть, вы знаете, пріѣзжій изъ Испаньи;
По знанью новыхъ модъ онъ первый кавалеръ;
Въ мозгу его – рудникъ, откуда извлекаетъ
Онъ фразы пышныя; звукъ собственныхъ рѣчей
Онъ восхитительной гармоніей считаетъ.
При этомъ онъ одинъ изъ милыхъ тѣхъ людей,
Кого зоветь и тотъ, кто виновать, и правый,
Чтобъ разрѣшать ихъ споръ. Вотъ онъ-то, господа,
Дитя фантазіи, Армадо величавый,
Во время отдыха отъ нашего труда,
Намъ будетъ излагать въ рѣчахъ своихъ кудрявыхъ
Дѣла и подвиги тѣхъ рыцарей-бойцовъ
Испанскихъ жаркихъ странъ, что падали въ кровавыхъ
Междоусобіяхъ и спорахъ тѣхъ вѣковъ.
На сколько васъ займетъ все это – я не знаю;
Но что касается меня, то увѣряю,
Что слушать ложь его люблю – и потому
Его въ число своихъ забавниковъ возьму.

Б И Р О Н Ъ .

Армадо – славное созданіе природы:
И жаркій говорунъ, и вѣрный рыцарь моды.

Л О Н Г В И Л Ъ .

Онъ и пастухъ Башка насъ будутъ веселить.
Три года не бѣда за книгами прожить!

Входитъ Тупица съ письмомъ и Башка.

Тупица. Гдѣ собственная особа короля?

Биронъ. Вотъ она, любезный; чего тебѣ надо?

ТУПИЦА. Я самъ представляю собою его особу, ибо я полицейскій служитель его величества; но я хотѣлъ бы видѣть его собственную особу во плоти и крови.

БИРОНЪ. Вотъ король.

ТУПИЦА. Мессеръ Арм... Арм... свидѣтельствуешь вамъ свое почтеніе. Случилось скверное дѣло; подробности изволите увидѣть изъ этого письма.

БАШКА. Государь, содержаніе его касается также меня.

КОРОЛЬ. Письмо отъ достославнаго Армадо.

БИРОНЪ. Какъ ни ничтожно, можетъ быть, содержаніе его, но изложеніе, съ божьею помощію, вѣрно окажется величественное.

ЛОНГВИЛЬ. Величественное изложеніе ничтожнаго предмета! Пошли намъ, Господи, терпѣнье!

БИРОНЪ. Терпѣнье слушать или воздержаться отъ смѣха?

ЛОНГВИЛЬ. Терпѣнье слушать, скрѣпя сердце, и смѣяться не слишкомъ сильно, или воздержаться отъ того и другого.

БИРОНЪ. Пожалуй. Пусть самый слогъ письма укажетъ намъ степень смѣха.

БАШКА. Содержаніе этого письма, государь, составляю я, на сколько это касается Жакнетты. Дѣло въ томъ, что я былъ пойманъ на дѣлѣ.

БИРОНЪ. На какомъ дѣлѣ?

БАШКА. То-есть, собственно не на одномъ² дѣлѣ, а на трехъ дѣлахъ.

127

Во-первыхъ, меня видѣли съ нею на мызѣ; во-вторыхъ, видѣли, какъ я сидѣлъ съ нею; въ третьихъ, видѣли, какъ я слѣдовалъ за нею въ паркѣ. Всѣ эти три дѣла, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одно дѣло.

КОРОЛЬ. Какой же результатъ всего этого?

БАШКА. А результатъ будетъ такой, какое будетъ мое наказаніе – и да защититъ Богъ правое дѣло!

КОРОЛЬ. Хотите выслушать это письмо со вниманіемъ?

БИРОНЪ. Выслушаемъ, какъ оракула.

БАШКА. Такова натура человѣка: слушать голосъ плоти.

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «Великій намѣстникъ, вице-король небесной тверди и единственный властитель Наварры, земной богъ моей души и питающій покровитель моего тѣла!...»

БАШКА. До сихъ поръ ни слова о Башкѣ.

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «Дѣло въ томъ...»

БАШКА. Дѣло только можетъ быть въ томъ; но если онъ утверждаетъ положительно, что дѣло въ томъ, то не стоитъ, чтобъ съ нимъ самимъ имѣли какое-нибудь дѣло.

КОРОЛЬ. Миръ...

БАШКА. Да будетъ со мною и со всякимъ, кто боится драться!

КОРОЛЬ. Ни слова!

БАШКА. О чужихъ тайнахъ – объ этомъ и я умоляю васъ.

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «Дѣло въ томъ, что удрученный меланхоліей мрачнаго цвѣта я поручилъ черное и гнетущее настроеніе мое цѣлительному леченію твоего, здоровье приносящаго, воздуха – и, клянусь своей дворянской честью, предпринялъ прогулку. Въ какое время? Въ шестомъ часу, когда животныя пасутся съ самымъ большимъ аппетитомъ, когда птицы клюютъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, а люди сидятъ за тою трапезой, которая называется ужиномъ – вотъ въ какое время. Затѣмъ, *по чему?* Я хочу сказать, *по чему* я ходилъ? Ходилъ по твоему парку. Наконецъ, въ какомъ мѣстѣ? Я хочу сказать, въ какомъ мѣстѣ привелось мнѣ быть свидѣтелемъ той грязной и въ высшей степени возмутительной сцены, что извлекаетъ изъ моего бѣлоснѣжнаго пера, черное, какъ смоль, чернило, которое въ настоящую минуту ты видишь, усматриваешь или созерцаешь? Итакъ, въ какомъ мѣстѣ? Оно лежитъ къ сѣверо-востоку отъ западнаго угла твоего причудливо-извилистаго сада. Тутъ я увидѣлъ этого пастуха съ низкою душою, этого презрѣннаго червяка, увеселяющаго твою особу...»

БАШКА. Меня!

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «...это невѣжественное, мало-образованное созданье...»

БАШКА. Меня!

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «...этого жалкаго вассала...»

БАШКА. Опять-таки меня!

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «...который, сколько я помню, носить названье Башка».

БАШКА. О, это я, самъ я!

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «...въ обществѣ и сообществѣ, вопреки твоему постановленному и обнародованному закону и изданному повелѣнію, съ... О! съ... Но мнѣ больно и страшно сказать, съ кѣмъ...»

БАШКА. Съ женщиной.

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «...съ дщерью нашей бабушки Еввы, съ созданиємъ женскаго рода, или чтобы выразиться яснѣе для твоего нѣжнаго пониманія – съ женщиной. Побуждаемый ненарушимымъ чувствомъ моего долга, я посылаю его къ тебѣ для полученія причитающейся ему доли наказанія; посылаю въ сопровожденіи чиновника твоего драгоцѣннаго величества, Антона Тупицы, человѣка, пользующагося прекрасною репутаціею, прекраснымъ именемъ и значеніемъ.»

ТУПИЦА. Это обо мнѣ, съ вашего позволенія; я – Антонъ Тупица.

КОРОЛЬ (*читаетъ*). «Что касается Жакнетты – таково имя болѣе слабаго сосуда, застигнутаго мною съ вышеупомянутымъ пастухомъ – то я удержу ее у себя, какъ сосудъ для строгости твоего закона, и, при малѣйшемъ драгоцѣнномъ мановеніи твоёмъ, приведу ее на судъ твой, со всѣми чувствами искренняго и сердцесжигающаго жара преданности,
Донъ-Адріано де Армадо».

БИРОНЪ. Письмо не такъ хорошо, какъ я ожидалъ, но лучше всего, что мнѣ приходилось до сихъ поръ слышать.

КОРОЛЬ. Да, самое лучшее изъ самага сквернаго. (*Башкѣ*). Но ты, пріятель, что скажешь на это?

БАШКА. Государь, насчетъ женщины я не отпираюсь.

КОРОЛЬ. Ты слышалъ про новый законъ?

БАШКА. Слышать-то очень слышалъ, только вниманія большого не обратилъ.

КОРОЛЬ. Было объявлено, что кого застанутъ съ женщиной, тотъ подвергнется годичному тюремному заключенію.

128

БАШКА. Меня застали, ваше величество, не съ женщиной, а съ барышней.

КОРОЛЬ. Въ законъ было упомянуто и о барышнѣ.

БАШКА. Да и не съ барышней, государь; это была дѣвственница.

КОРОЛЬ. И это запрещено; законъ объявилъ и о дѣвственницѣ.

БАШКА. Если такъ, то я отвергаю ея дѣвственность. Меня застали просто съ незамужней дѣвушкой.

КОРОЛЬ. Эта дѣвушка не пригодится тебѣ, любезнѣйшій, для твоего спасенья.

БАШКА. Эта дѣвушка пригодится мнѣ для кой-чего, ваше величество.

КОРОЛЬ. Я сейчас произнесу твой приговор: ты будешь цѣлую недѣлю поститься, сидя на хлѣбѣ и водѣ.

БАШКА. Мнѣ было бы пріятнѣе цѣлый мѣсяцъ молиться, сидя на баранинѣ и супѣ.

КОРОЛЬ.

И донъ-Армадо будетъ стражъ твой. Биронъ,
Прошу васъ наблюсти, чтобъ онъ ему
Былъ сданъ. А мы теперь пойдемъ, мессеры,
То примѣнять на дѣлѣ, въ чемъ теперь
Торжественно другъ другу присягнули.

(Король, Лонгвиль и Дюмень уходятъ).

БИРОНЪ.

Я голову поставлю противъ шляпы
Любого встрѣчнаго, что эти всѣ
Законы ихъ и клятвы скоро станутъ
Посмѣшищемъ позорнымъ. Шутъ, идемъ!

БАШКА. Я страдаю за правду, мессеръ, потому что сущая правда, что меня застали съ Жакнеттой и что Жакнетта дѣйствительно дѣвушка; и потому привѣтствую тебя, о горькая чаша счастья! Скорбь еще улыбнется мнѣ когда-нибудь, а до тѣхъ поръ сиди около меня, печаль! *(Уходятъ).*

--

СЦЕНА II.

Другая часть того же парка.

Входятъ Армадо и Моль.

АРМАДО. Дитя, что означаетъ, когда человѣкъ съ высокою душою впадаетъ въ меланхолію?

МОЛЬ. Несомнѣнно означаетъ, что имъ овладѣетъ печаль.

АРМАДО. Но развѣ, дорогой мой малютка, меланхолія и печаль не одно и то же?

МОЛЬ. О, нѣтъ, мессеръ: совсѣмъ не одно и то же!

АРМАДО. Чѣмъ же ты опредѣлишь различіе между печалью и меланхоліею, мой нѣжный юноша?

МОЛЬ. Нагляднымъ изображеніемъ ихъ послѣдствій, мой жесткій синьоръ.

Армадо. Почему называешь ты меня жесткимъ синьоромъ, именно – жесткимъ синьоромъ?

Моль. А почему вы называете меня нѣжнымъ юношей, именно — нѣжнымъ юношей?

Армадо. Я употребилъ слова «нѣжный юноша», какъ умѣстный эпитетъ, приличествующій твоему юному возрасту, который можно назвать нѣжнымъ.

Моль. А я употребилъ слова «жесткій синьоръ», какъ идущія къ вашимъ преклоннымъ лѣтамъ, которыя можно назвать жесткими.

Армадо. Мило и ловко.

Моль. Какъ прикажете понимать это? Что я милъ, а мои слова ловки, или что я ловокъ, а мои слова милы?

Армадо. Ты милъ, потому что малъ.

Моль. Стало-быть, мало милъ, если самъ малъ. А почему же я ловокъ?

Армадо. Потому ловокъ, что изворотливъ.

Моль. Это вы въ похвалу мнѣ говорите?

Армадо. Въ заслуженную похвалу.

Моль. Я точно также похваляю угря.

Армадо. Да развѣ угорь уменъ?

Моль. Угорь тоже изворотливъ.

Армадо. Я говорю, что ты изворотливъ въ отвѣтахъ. Ты разгорячаешь мою кровь.

Моль. Вотъ я и получилъ отвѣтъ.

Армадо. Я не люблю, чтобъ мнѣ перечили.

Моль (*въ сторону*). Любишь кататься, люби и саночки возить.

Армадо. Я обѣщалъ учиться три года съ королемъ.

Моль. Вы могли бы выучиться въ одинъ часъ.

Армадо. Это невозможно.

Моль. Сколько выйдетъ въ итогъ, если одинъ повторить три раза?

Армадо. Я не силенъ въ ариѳметикѣ, это дѣло цѣловальника.

Моль. А вы, мессеръ, дворянинъ и игрокъ.

Армадо. Сознаюсь въ томъ и другомъ. Дворянство и игра вполнѣ полируютъ человѣка.

Моль. Въ такомъ случаѣ, я увѣренъ,

<На странице 129 расположена иллюстрация.>

что вы знаете, сколько составляют двойка и тузь?

АРМАДО. Составляют однимъ больше, чѣмъ два.

МОЛЬ. То-есть — то, что въ простонародьи называется три.

АРМАДО. Вѣрно.

МОЛЬ. Вотъ видите, какъ легко учиться! Три вы изучили прежде, чѣмъ успѣли три раза моргнуть глазомъ; а какъ не трудно прибавить слово «года» къ слову «три» и изучить три года въ двухъ словахъ — это вамъ скажетъ пляшущая лошадь.

АРМАДО. Превосходное вычисленіе...

МОЛЬ (*въ сторону*). Сдѣланное для того, чтобъ доказать, что ты — нуль.

АРМАДО. Теперь я сознаюсь тебѣ, что я влюбленъ, и какъ низко для воина быть влюбленнымъ, точно также низка по происхожденію женщина, которую я люблю. Если бъ обнаженіемъ меча противъ моей страсти я могъ освободить себя отъ этой богопротивной страсти, я взялъ бы въ плѣнъ мое вожделѣніе и отдалъ бы его какому-нибудь французскому придворному въ обмѣнъ на новоизобрѣтенный комплиментъ. Для меня постыдно вздыхать и мнѣ хотѣлось бы отречься отъ Купидона. Утѣшь меня, дитя: скажи, какіе великіе люди были влюблены?

МОЛЬ. Геркулесь, мессеръ.

АРМАДО. Сладчайшій Геркулесь! Поименуй еще какіе-нибудь авторитеты, дорогой малютка; побольше авторитетовъ, и пусть они будутъ, милое дитя мое, людьми добропорядочными и почтенными.

МОЛЬ. Самсонъ, мессеръ. Онъ былъ человѣкъ порядочный, даже очень порядочный, потому что отнесъ однажды на своей спинѣ, точно носильщикъ, весьма порядочную ношу — городскія ворота.

АРМАДО. О, сильный Самсонъ! о, могущественный Самсонъ! Я на столько же превосхожу тебя въ искусствѣ владѣть мечомъ, на сколько ты превосходишь меня въ умѣннѣ таскать на себѣ ворота! Я тоже влюбленъ. Кто была возлюбленная Самсона, мой дорогой Моль?

МОЛЬ. Женщина, мессеръ.

АРМАДО. Какого цвѣта?

Моль. Всѣхъ четырехъ, или трехъ, или двухъ, или одного изъ четырехъ.

Армадо. Скажи мнѣ съ точностью, какого?

Моль. Зеленаго, мессеръ.

Армадо. Это одинъ изъ четырехъ?

Моль. Да, судя по тому, что я читалъ — и притомъ самый лучший изъ всѣхъ.

Армадо. Зеленый цвѣтъ дѣйствительно цвѣтъ влюбленныхъ; но имѣть возлюбленную такого цвѣта — этого, по моему мнѣнію, Самсону незначѣмъ было дѣлать. Вѣрно, онъ любилъ ее за умъ?

Моль. Именно, мессеръ, потому что у нея былъ цвѣтущій, зеленый умъ.

Армадо. Моя возлюбленная самага чистаго бѣлаго и розоваго цвѣта.

Моль. Подъ этими красками, мессеръ скрываются самыя нечистыя мысли.

Армадо. Объяснись, объяснись, благовоспитанный юноша.

Моль. Да помогутъ мнѣ умъ моего отца и языкъ моей матери.

Армадо. Трогательное воззваніе ребенка! весьма граціозное и патетическое!

Моль.

Коль дѣвица бѣла и румяна лицомъ,
Ей проступки свои укрывать нипочемъ.
Согрѣшила — сейчасъ покраснѣетъ она,
Испугается — станетъ блѣдна.
Потому-то проступокъ ея или страхъ
Никогда не прочтешь у нея на щекахъ —
Вѣдь, при томъ и другомъ натуралень ихъ цвѣтъ,
Никогда измѣненія нѣтъ.

Вотъ опасные стихи, мессеръ, для бѣлаго и краснаго цвѣта.

Армадо. Скажи, малютка, вѣдь есть какая-то баллада о королѣ и нищей?

Моль. Міръ провинился сочиненіемъ такой баллады три вѣка тому назадъ, но теперь, я полагаю, ее найти нельзя, а если бы и можно, то ни слова ея, ни музыка не пригодились бы въ этомъ случаѣ.

Армадо. Я хочу написать что-нибудь новое на эту тему, чтобы какимъ-нибудь предшествующимъ авторитетомъ оправдать мое преступное увлеченіе. Дитя, я влюбленъ въ ту крестьянку, которую засталъ въ паркѣ съ разсуждающимъ животнымъ, Башкой. И она вполне заслуживаетъ...

Моль (*въ сторону*). Быть высъченною, но даже и при этомъ имѣть получше любовника, чѣмъ мой господинъ.

Армадо. Пой, дитя: мнѣ грустно и тяжело отъ любви.

Моль (*въ сторону*). Удивительное дѣло: тяжело отъ любви къ легкой женщинѣ.

Армадо. Пой, прошу тебя.

Моль. Потерпите, пока пройдетъ эта компанія.

131

Входятъ Тупица, Башка и Жакнетта.

Тупица. Мессеръ, королю угодно, чтобы вы имѣли надзоръ за Башкой и не доставляли ему никакого удовольствія, но въ то же время и не причиняли никакого вреда, заставляя только поститься три дня въ недѣлю. Что касается этой барышни, то мнѣ приказано держать ее въ паркѣ, какъ молочницу. Честь имѣю кланяться.

Армадо. Я измѣняю себѣ, краснѣя. Дѣвушка!

Жакнетта. Что, мужчина?

Армадо. Я посѣщу тебя въ твоемъ сараѣ.

Жакнетта. Вотъ что!

Армадо. Я знаю, гдѣ онъ находится.

Жакнетта. Господи, какой вы ученый человѣкъ!

Армадо. Я поразскажу тебѣ дивныя вещи.

Жакнетта. Съ этимъ-то лицомъ?

Армадо. Я люблю тебя.

Жакнетта. Слышу не впервые!

Армадо. А затѣмъ — прощай!

Жакнетта. Да сопутствуетъ вамъ хорошая погода!

Тупица. Идемъ, Жакнетта, идемъ!

(Тупица и Жакнетта уходятъ).

Армадо. Негодяй, за твои грѣхи ты будешь поститься до тѣхъ поръ, пока не получишь прощенія.

БАШКА. Слушаю-сь мессеръ; я надѣюсь, что буду поститься не иначе, какъ съ полнымъ желудкомъ.

АРМАДО. Ты будешь наказанъ тяжело.

БАШКА. За это я вамъ буду благодаренъ больше, чѣмъ ваша прислуга, которую вы награждаете легко.

АРМАДО. Уведите этого негодяя; закройте его.

МОЛЬ. Пойдемъ, презрѣнный перебѣжчикъ. Маршъ!

БАШКА. Не запирайте меня, мессеръ: я предпочитаю поститься на свободѣ.

МОЛЬ. Нѣтъ, это значило бы быть въ одно и то же время связаннымъ и развязаннымъ. Ты отправишься въ тюрьму

БАШКА. Ну, хорошо! Но если только когда-нибудь я снова увижу прежніе веселые дни скорби, то нѣкоторые люди увидятъ...

МОЛЬ. Что же нѣкоторые люди увидятъ?

БАШКА. Ничего, мессеръ Моль, кромѣ того, что имъ будетъ видно. Узникамъ не слѣдуетъ быть слишкомъ скупыми на слова. Поэтому я не скажу ничего. Благодарю Бога за то, что у меня такъ же мало терпѣнія, какъ и у другихъ людей, почему и могу оставаться спокойнымъ.

(Моль и Башка уходятъ).

АРМАДО. Я люблю даже землю, которая низка, попираемую ея башмакомъ, который еще ниже, направляемымъ ея ногою, которая ниже всего. Если я буду любить, то нарушу клятву; а это большое доказательство лживости души. А можетъ ли быть искренна любовь, построенная на лживости? Любовь — домовая; любовь — чортъ; единственный злой духъ — это любовь. А между тѣмъ и Самсонъ подвергнулся такому искушенію, хотя обладалъ удивительной силой, и впалъ въ подобное обольщеніе, хотя былъ очень уменъ. Стрѣла Купидона слишкомъ крѣпка для дубины Геркулеса и, слѣдовательно, слишкомъ крѣпка для испанскаго меча. Первая и вторая причина вызова не помогутъ мнѣ; на *passado* Купидонъ не обращаетъ вниманія, *duello* ставить ни во-что. Стыдъ его заключается въ томъ, что его называютъ ребенкомъ, а слава — въ томъ, что онъ побѣждаетъ взрослыхъ. Прощай, храбрость! заржавѣй, мечъ мой! замолкни, барабанъ! потому что вашъ повелитель любить. Да, онъ влюбленъ. Да поможетъ мнѣ какой-нибудь импровизирующій богъ стиховъ, ибо я увѣренъ, что начну сочинять сонеты! Изобрѣтай, мой умъ! Пиши, мое перо! Я настроенъ на сочиненіе цѣлыхъ фоліантовъ. (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Паркъ.

*Входятъ ПРИНЦЕССА ФРАНЦУЗСКАЯ, РОЗАЛИНА,
МАРІЯ, КАТАРИНА, БОЙЕ, вельможи и свита.*

БОЙЕ.

Теперь должны, принцесса, вы призвать
Всѣ лучшія способности на помощь;
Подумайте, *кого* сюда прислалъ
Родитель вашъ, *къ кому* прислалъ и также
Зачѣмъ прислалъ. Вы, чтимая вездѣ
Такъ высоко, пришли на совѣщанье
Съ единственнымъ наслѣдникомъ всего
Прекраснаго, что только можетъ смертный
Въ себѣ вмѣстить — съ великимъ королемъ
Наваррскихъ странъ. — И цѣль переговоровъ —
Важнѣйшая: объ Аквитаньи рѣчь
У васъ идетъ — странъ, что королева
Могла бы взять въ приданое. Итакъ,
Разсыпьте здѣсь, принцесса, ваши чары
Съ такой же щедростью, съ какой на васъ
Разсыпала дары свои природа,
Когда, являсь скупой ко всѣмъ другимъ,
Вамъ все дала въ полнѣйшемъ изобиліи.

ПРИНЦЕССА.

Мессеръ Бойе, хоть красота моя
Весьма мала, но въ вашихъ восхваленьяхъ
Раскрашенныхъ ей надобности нѣтъ.
Вѣдь, красоту оцѣниваетъ только
Сужденіе глазъ, а ужъ никакъ не рѣчь
Хвастливая того, кто предлагаетъ
Ее купить. Я менѣе горжусь
Тѣмъ, что меня вы хвалите такъ много,
Чѣмъ сами вы желаете прослыть
Ораторомъ, весь умъ вашъ изоцряя
На похвалы достоинствамъ моимъ.
Но перейдемъ мы къ дѣлу. Вамъ извѣстно,

Мессеръ Бойе — стоустая молва
Ужъ разнесла по свѣту эту новость —
Что здѣшній дворъ далъ клятву посвятить
Ученью многотрудному три года
И положилъ въ безмолвный свой пріютъ
Не допускать все это время женщинъ.
Поэтому, мнѣ кажется, должны
Мы, прежде чѣмъ порогъ ихъ запрещенный
Переступить — рѣшенье короля
На этотъ счетъ узнать, и, зная ваши
Достоинства, мы это дѣло вамъ,
Какъ лучшему изъ нашихъ адвокатовъ,
Препоручимъ. Скажите королю,
Что дочь монарха Франціи по дѣлу
Серьезному и спѣшному къ нему
Пріѣхала и позволенья просить
Поговорить съ нимъ лично. Поспѣшите
Исполнить это порученье; мы
Смирненными просителями будемъ
Монаршаго рѣшенья ожидать.

Б О Й Е .

Гордясь такимъ высокимъ порученьемъ,
Съ охотою иду я.

133

П Р И Н Ц Е С С А .

Человѣкъ

Гордится лишь по собственной охотѣ,
И точно такъ гордитесь вы, мессеръ.

(Бойе уходитъ).

Друзья мои, какіе здѣсь вельможи —
Товарищи по клятвѣ своего
Прекраснаго и мудраго монарха?

1 - й в е л ь м о ж а .

Одинъ изъ нихъ — Лонгвиль.

П Р И Н Ц Е С С А .

Его, мессеръ,

Вы знаете?

М А Р І Я .

Его я знаю, ваше
Высочество. Я видѣла его
Въ Нормандіи на пиршествѣ въ то время,
Какъ праздновалъ графъ Перигоръ свой
бракъ
Съ наслѣдницей прекрасной Фальконбриджа.
Онъ славится вездѣ, какъ человѣкъ
Съ высокими способностями, близко
Съ искусствами знакомый и въ войнѣ
Прославившій себя; за что бы только
Ни взялся онъ съ охотой, у него
Выходитъ все прекрасно. Въ яркомъ блескѣ
Его души есть лишь одно пятно —
Коль блескъ души высокой можетъ пятна
Въ себѣ имѣть — чрезмѣрно рѣзкій умъ
Съ настойчивой и слишкомъ дерзкой волей;
Умъ рѣжетъ всѣхъ, а воля никого
Не пощадить, кто въ руки попадется.

ПРИНЦЕССА.

Какой-нибудь насмѣшникъ-весельчакъ,
Не правда-ли?

МАРІЯ.

Такимъ его считаютъ
Всѣ, знающіе близко нравъ его.

ПРИНЦЕССА.

Подобные умы живутъ не долго
И гибнуть, подростая. Кто еще?

КАТАРИНА.

Еще Дюмень; онъ юноша прекрасный.
Кто любитъ добродѣтель, тотъ его
Не можетъ не любить за добродѣтель.
Имѣетъ онъ всѣ средства дѣлать зло,
Но никому вреда не причиняетъ;
На столько онъ уменъ, что придаетъ
И безобразью прелесть, и на столько
Хорошъ собой, что даже безъ ума
Всѣмъ нравится. Однажды въ Алансонѣ
У герцога я видѣла его
И столько въ немъ хорошаго въ то время
Замѣтила, что эти похвалы
Для всѣхъ его достоинствъ слишкомъ слабы.

РОЗАЛИНА.

Съ нимъ былъ тогда еще одинъ изъ тѣхъ,
Которые здѣсь учатся; зовется
Бирономъ онъ. Ни разу въ жизни мнѣ

Проговорить часокъ не доводилось
Съ такимъ, какъ онъ, весельчакомъ - хотя
Не перешелъ границъ приличной шутки
Ни разу онъ. Глаза его всегда
Его уму найти умѣютъ пищу;
На что бъ *они* ни падали — во всемъ
Находить *онъ* предметъ веселой шутки.
И такъ умно, прелестно такъ ее
Передаетъ его языкъ искусный,
Что старики хохочутъ надъ его
Разсказами, а молодежь такъ просто
Восхищена — такъ ловко и остро
Онъ говорить.

ПРИНЦЕССА.

Спаси васъ Богъ! Ужели
Всѣ фрейлины мои влюбились? Я
Такъ думаю по восхваленьямъ пышнымъ,
Которыми здѣсь каждая изъ нихъ
Украсила того, кто ею избранъ.

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Вотъ и Бойе.

Входитъ Бойе.

ПРИНЦЕССА.

Ну, что, мессеръ, какое
Рѣшеніе?

БОЙЕ.

Наваррскій государь
Ужъ зналъ, что вы изволили пріѣхать,
И, прежде чѣмъ пришелъ я, онъ и всѣ
Товарищи его по клятвѣ были
Готовы васъ принять. Но я узналъ,
Что было бы ему пріятнѣй въ полѣ
Оставить васъ, какъ будто для осады
Его двора пришли вы, чѣмъ обѣтъ
Нарушить свой и васъ принять въ пустынномъ
Своемъ дворцѣ. Но вотъ и самъ король.

*Входятъ король, Лонгвиль, Дюменъ,
Биронъ и свита. Принцесса и фрейлины
надѣваютъ маски.*

КОРОЛЬ.

Прекрасная принцесса, дворъ наваррскій
Встрѣчаетъ васъ, какъ дорогихъ гостей.

ПРИНЦЕССА. Слово «прекрасная» я возвращаю вамъ, а дорогимъ вашимъ гостемъ еще не могу назвать себя. Сводъ, подъ которымъ мы стоимъ, слишкомъ

высокъ, чтобъ быть сводомъ вашего дворца, а быть дорогимъ гостемъ на этихъ широкихъ поляхъ — слишкомъ недостойно меня.

КОРОЛЬ.

И мой дворецъ привѣтствовать васъ будетъ,
Какъ гостью дорогую.

ПРИНЦЕССА.

Если такъ,

Ведите же меня туда.

КОРОЛЬ.

Принцесса

Прекрасная, позвольте вамъ сказать:
Я клятву далъ.

ПРИНЦЕССА.

Помилуй васъ Создатель!

Нарушите вы клятву.

КОРОЛЬ.

Ни за что,

Принцесса, не нарушу добровольно.

ПРИНЦЕССА.

И именно ничѣмъ инымъ она
Расторгнется, какъ вашей доброй волей.

КОРОЛЬ.

Принцесса, вы предмета клятвы той
Не знаете.

ПРИНЦЕССА.

И еслибъ точно также

И вы ее не знали, были бъ вы
Мудрѣй въ своемъ невѣдѣннѣ; теперь же
Все знаніе является однимъ
Безуміемъ. Узнала я, что ваше
Величество произнесли обѣтъ —
Отнынѣ жить затворникомъ. Тяжелый,
Смертельный грѣхъ быть вѣрнымъ этой

клятвѣ,

И грѣхъ — ее нарушить. Но прошу
Меня простить; я сразу слишкомъ дерзкой
Являюсь вамъ; учителя учить
Мнѣ вовсе не пристало. Удостоите
Прочестъ, зачѣмъ я прибыла сюда,
И на мое прошеніе не медля
Сказать отвѣтъ.

КОРОЛЬ.

Немедленно скажу,

Когда найду возможнымъ.

ПРИНЦЕССА.

Тѣмъ скорѣ
Вы скажете, что этимъ отъ меня
Избавитесь; вѣдь, если я останусь,
Придется вамъ нарушить вашъ обѣтъ.

Биронъ (*Розалинъ*).

Не танцоваль ли я въ Брабантъ съ вами?

Розалина.

Не танцовала ль я въ Брабантъ съ вами?

Биронъ.

Да; въ этомъ я увѣренъ.

Розалина.

Если такъ,
То для чего вопросъ вашъ бесполезный?

Биронъ.

Вы черезъ-чуръ ретивы.

Розалина.

Это вы

Пришпорили меня такимъ вопросомъ.

Биронъ.

Вашъ умъ, сударыня, ужъ черезъ-чуръ горячъ:
Устанетъ скоро онъ, несясь такъ шибко
вскачъ.

Розалина.

Но прежде чѣмъ себя на этомъ утомить,
Въ болото всадника успѣетъ онъ свалить.

Биронъ.

Который часъ скажите?

Розалина.

Тотъ,

Когда дуракъ вопросы задаетъ.

Биронъ.

Дай вашей маскѣ Богъ счастливыхъ много
дней!

Розалина.

Желайте ихъ лицу, что кроется подъ ней.

Биронъ.

Снабди васъ небо женихами!

Розалина.

Аминь! лишь только бы не вами.

Биронъ.

Ни слова больше не скажу —
И ухожу.

Король.

Принцесса, вашъ родитель предлагаетъ

Въ уплату мнѣ сто тысячъ только кронъ,
И, стало быть, лишь половину суммы,
Которую у моего отца
Для войнъ своихъ онъ взялъ займы. Положимъ,
Что моему отцу иль мнѣ сто тысячъ
Возвращены — хотя ни онъ, ни я
Не получали ихъ — все жъ остается
Въ долгу еще сто тысячъ, и залогомъ
За этотъ долгъ часть вашей Аквитаньи
Намъ отдана, хотъ стоимость ея
И далека отъ этой суммы. Если
Родитель вашъ захочетъ возвратить
Изъ должнаго одну хотъ половину —
Права на Аквитанію ему
Уступимъ мы и искреннюю дружбу
Поддерживать съ нимъ будемъ. Но судя
По этому письму, совсѣмъ другого
Желаетъ онъ; онъ пишетъ, чтобъ ему
Я заплатилъ сто тысячъ, объявляя,
Что, получивши эту сумму, онъ
Откажется отъ правъ на Аквитанью.
Но признаюсь, я лучше бы желалъ
Разстаться съ ней и получить тѣ деньги,
Что мой отецъ истратилъ — чѣмъ владѣть
Страной, совсѣмъ пришедшею въ разстройство.
Не будь его слова такъ далеки
Отъ всякаго разумнаго желанья,
Повѣрьте мнѣ, принцесса, отъ души
На все бы согласился я, и ваше
Высочество уѣхали бъ домой,
Все получивъ по вашему желанью.

ПРИНЦЕССА.

Наносите вы моему отцу
Чрезмѣрную обиду и мрачите
Вы вашу репутацію, король,
Такъ явно отрицая получение
Того, что вамъ уплачено съ такой
Исправностью.

КОРОЛЬ.

Клянусь вамъ, я объ этомъ
Не слышалъ никогда — и если вы
Докажете, я возвращу вамъ деньги
Иль откажусь отъ Аквитаньи.

ПРИНЦЕССА.

Мы

Беремъ съ васъ это слово. Покажите,
Бойе, квитанціи, что дали намъ
На эту сумму казначеи Карла,
Его отца.

КОРОЛЬ.
За это буду я

Обязанъ вамъ.

БОЙЕ.
Осмѣлюсь, государь,
Вамъ доложить, что тотъ пакетъ, въ которомъ
И эти, и другіе документы,
Еще не полученъ; онъ будетъ завтра
Представленъ вамъ.

КОРОЛЬ.
И больше ничего
Не нужно мнѣ; на эти документы
Я лишь взгляну — и соглашусь на все
Разумно-справедливое. Покамѣстъ
Такой пріемъ вамъ предлагаю я,
Какой, не оскорбляя чести, можетъ
Честъ предложить всѣмъ вашимъ дорогимъ
Достоинствамъ. Прекрасная принцесса,
Вы въ мой дворецъ не можете войти,
Но въ паркѣ здѣсь вы встрѣтите, конечно,
Такой пріемъ, который будетъ вамъ
Свидѣтельствомъ, что если я и заперъ
Мой домъ для васъ — то въ сердцѣ у меня
Живете вы. Душой своей прекрасной
Меня вы оправдаете. Теперь
Прощайте; къ вамъ придемъ мы завтра снова.

ПРИНЦЕССА.
Желаю вамъ всѣхъ благъ на долгіе года!

КОРОЛЬ.
Желанья ваши пусть сбываются всегда!
(Уходитъ).

БИРОНЪ (Розалинъ).
Сударыня, я сердцу моему
Поклонъ вашъ передамъ.

РОЗАЛИНА.
Да, передайте;
Хотѣлось бы мнѣ на него взглянуть.

БИРОНЪ.
Хотѣлъ бы я, чтобъ вы его стенанья
Услышали.

РОЗАЛИНА.

Шутъ боленъ?

Биронъ.

Боленъ сердцемъ.

Розалина.

Что жъ! кровь откройте у него.

Биронъ.

И будетъ польза отъ того?

Розалина.

Наука «да» мнѣ говоритъ.

Биронъ.

Такъ пусть вашъ глазъ его пронзитъ.

Розалина.

Нѣтъ — я ножомъ устрою это.

Биронъ.

Продли Создатель ваши лѣта!

Розалина.

А вамъ дай Богъ не долго жить!

Биронъ.

За это не могу я васъ благодарить. (*Отходитъ*).

Дюмень (къ Бойе).

Кто эта дѣвушка, мессеръ?

Бойе.

Дочь властелина

Всѣхъ Алансонскихъ странъ, а имя — Катарина.

Дюмень.

Красавица она! Мессеръ, я вашъ слуга!

(*Уходитъ*).

Лонгвиль (къ Бойе).

Кто это въ бѣломъ здѣсь, мессеръ, спросить
васъ смѣю?

Бойе.

Да женщина, мессеръ; я слышалъ, что ужъ
съ нею

Встрѣчались вы.

Лонгвиль.

Хотѣлъ бы имя я узнать.

Бойе.

Оно у ней одно — такъ грѣхъ его назвать.

Лонгвиль.

Чья дочь она, спросить позвольте?

Бойе.

Дочь матери своей, какъ говорили мнѣ.

Лонгвиль.

Что проку въ вашей болтовнѣ?

Бойе.

Не злитесь, я шучу, мессеръ. Сія дѣвица —
Дочь Фальконбриджа.

ЛОНГВИЛЬ.

Вотъ я пересталъ сердиться.
Она способна восхитить.

БОЙЕ.

Да, очень можетъ-быть. *(Лонгвиль уходитъ).*

БИРОНЪ.

Кто это въ головномъ уборѣ капуцина?

БОЙЕ.

Случилось такъ, что это Розалина.

БИРОНЪ.

Замужняя или дѣвица?

БОЙЕ.

Какъ вздумается ей и какъ случится.

БИРОНЪ.

Мессеръ, привѣтъ примите мой;
Прощайте!

БОЙЕ.

Вашъ я всей душой. *(Биронъ уходитъ).*

МАРІЯ.

Вотъ это Биронъ, тотъ шутникъ веселый

вѣчный,

Котораго слова — рядъ шутокъ безконечный.

БОЙЕ.

А шутки — лишь слова и больше ничего.

ПРИНЦЕССА.

Вы очень хорошо дурачили его.

БОЙЕ.

Я былъ готовъ къ борьбѣ, какъ онъ — для
обороны.

МАРІЯ.

Какіе храбрые бараны!

БОЙЕ.

Нѣтъ, бароны;

Баранами тогда бѣ назвать лишь можно насъ,
Когда бѣ могли пастись мы на губахъ у васъ,
Овечка милая!

МАРІЯ.

И такъ, я лугъ съ травой,
А вы - баранъ? И все такую остротою
Кончается у васъ?

БОЙЕ.

Да, если мнѣ теперь
Пастись позволите. *(Хочетъ ее поцѣловать).*

МАРІЯ.

Ну, нѣтъ, мой милый звѣрь;
Вѣдь, губы у меня не общее владѣнье,
Куда открыта дверь для всѣхъ безъ исключенья.

БОЙЕ.

Кому жъ принадлежать?

МАРІЯ.

Моей судьбѣ и мнѣ.

ПРИНЦЕССА.

Два острые ума между собой въ войнѣ.
Но вы, друзья мои, сражаетесь напрасно;
Междоусобную войну умовъ прекрасно
Затѣять можно бы съ наваррскимъ королемъ
И съ погрузившимся въ ученіе дворомъ;
Но здѣсь я вижу въ ней лишь злоупотребленье.

БОЙЕ.

Коль наблюдательность моя не въ заблужденье
Ввела меня теперь — а рѣдко лжетъ она —
Коль чрезъ посредство глазъ ей сдѣлалась
видна

Нѣмая рѣчь души - то государь Наварры,
Принцесса, боленъ.

ПРИНЦЕССА.

Чѣмъ?

БОЙЕ.

Тѣмъ, что любовнымъ жаромъ
Влюбленные зовутъ.

ПРИНЦЕССА.

Скажите, изъ чего

Вы это вывели?

БОЙЕ.

Вся свита чувствъ его

Ушла въ дворецъ очей для вѣрнаго служенья,
И жадно начала смотрѣть сквозь вожделѣнья,
А сердце короля, какъ будто сердоликъ,
На коемъ вырѣзанъ былъ вашъ прекрасный
ликъ,

Печатью этою гордилось, восхищалось,
И въ блескѣ глазъ его та гордость выражалась.
Языкъ, сердясь на то, что онъ обязанъ былъ
Слова произносить, а не смотрѣть — спѣшилъ
Оканчивать слова и также устремлялся
Въ глаза его и тамъ безмолвно наслаждался.
Да, въ чувство зрѣнія всѣ чувства перешли
Смотрѣть красавицу красавицъ всей земли,

Какъ-будто заперъ онъ въ глаза всѣ ощущенья:
Такъ подъ стекло кладемъ мы рѣдкіе каменья,
Когда намъ хочется, чтобъ ихъ король купилъ;
И такъ красивъ ихъ видъ, что кто бъ ни
проходилъ,

137

Купить желаетъ ихъ во что бы то ни стало.
И такъ лицо его всѣ чувства выражало,
Что каждый взоръ чужой въ глазахъ его
читалъ
Восторгъ, съ которымъ онъ вашъ образъ
созерцалъ.
За поцѣлуй любви онъ дастъ вамъ безъ сомнѣнья
И Аквитанію, и всѣ свои владѣнья.

ПРИНЦЕССА.

Пойдемте въ нашъ шатеръ. Бойе расположень...
БОЙЕ.

Словами выразить лишь то, что видѣлъ онъ;
Языкъ монаршихъ глазъ я перевелъ словами
И ни въ одномъ изъ нихъ я не солгалъ
предъ вами.

РОЗАЛИНА.

Ты старый другъ любви и мастеръ убѣждать.

МАРІЯ.

Онъ Купидона дѣдъ — такъ какъ ему не знать
Всѣхъ новостей любви?

РОЗАЛИНА.

Венера, значить, сходство
Имѣла съ матерью; отецъ, вѣдь, до уродства
Собою некрасивъ.

БОЙЕ.

Проказницы всегда!

Вы слышите ли?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

БОЙЕ.

Такъ видите?

РОЗАЛИНА.

О, да;

Мы видимъ, что пора отсюда намъ въ дорогу.

БОЙЕ.

Ну, съ вами справиться не въ силахъ я, ей
Богу!

(Уходятъ).

138

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть парка.

Входятъ АРМАДО и МОЛЬ.

АРМАДО. Пой, дитя; услади мое чувство слуха.

МОЛЬ. Извольте. (*Поетъ*).

АРМАДО. Прелестная арія! Иди, о, нѣжный юноша, возьми этотъ ключъ, дай свободу пастуху и поспѣши привести его сюда. Я долженъ поручить ему доставленіе письма къ моей возлюбленной.

МОЛЬ. Угодно вамъ, сударь, побѣдить вашу возлюбленную французскимъ способомъ?

АРМАДО. Объясни, что ты хочешь этимъ сказать?

МОЛЬ. А вотъ что, безукоризненный господинъ мой. Спойте какую-нибудь штучку кончикомъ языка; въ видѣ акомпанимента къ ней, пропляшите канарійскій танецъ; приправьте это подмигиваніемъ, испустите музыкальный вздохъ, пустите нѣсколько трелей то горломъ, какъ-будто глотая любовь, то носомъ, какъ-будто обнюхивая ее; шляпу надвиньте, какъ вывѣску, на лавку вашихъ глазъ; руки скрестите на тонкомъ животѣ, точно кроликъ на вертелѣ, или спрячьте ихъ въ карманы, какъ рисовали людей на старыхъ портретахъ; не держитесь слишкомъ долго одного и того же тона; сдѣлали одну штуку — сейчасъ же принимайтесь за другую. Эти-то вещи, эти-то приемы ловятъ въ западню хорошенькихъ женщинъ, которыя, впрочемъ, и безъ того ловятся; эти-то способности придаютъ людямъ, обладающимъ ими, большое значеніе.

АРМАДО. Чѣмъ ты купилъ это знаніе?

МОЛЬ. Однимъ грошемъ наблюдательности.

АРМАДО. Но ахъ! но ахъ!...

МОЛЬ. — «забыта деревянная лошадка!»

АРМАДО. Ты называешь мою возлюбленную деревянною лошадкой?

МОЛЬ. Нѣтъ, сударь; деревянная лошадка — жеребчикъ, а ваша возлюбленная, можетъ быть, кобылка! Но вы, кажется, забыли вашу возлюбленную?

АРМАДО. Почти забылъ.

МОЛЬ. Нерадивый ученикъ! Выучите ее на память.

АРМАДО. О, она у меня и на памяти, и на сердцѣ, дитя.

МОЛЬ. И въ то же время подъ сердцемъ. Я докажу вамъ это по пунктамъ.

АРМАДО. Что ты докажешь?

МОЛЬ. Докажу справедливость моихъ словъ -

и сію же минуту. Она у васъ на памяти, потому что хотъ разбуди васъ, вы сейчасъ же скажете ея имя; она у васъ на сердцѣ, потому что вы влюблены въ нее; она у васъ подъ сердцемъ, потому что ваше сердце перевернулось отъ невозможности завладѣть ею.

АРМАДО. Да, я испытываю эти три положенія.

МОЛЬ. И изъ всѣхъ трехъ ничего не выходитъ.

АРМАДО. Приведи скорѣй пастуха; я долженъ послать его съ письмомъ.

МОЛЬ. Какая удачная штука! Лошадь дѣлается посланникомъ осла.

АРМАДО. Что такое? что такое?

МОЛЬ. Видите ли, вамъ бы слѣдовало послать осла верхомъ на лошади, потому что онъ ходитъ очень медленно. Но я иду.

АРМАДО. Тутъ очень недалеко. Отправляйся.

МОЛЬ. Бѣгу съ быстротою свинца.

АРМАДО.

О, умникъ мой, что это значить?

Да, вѣдь, свинецъ — металлъ тяжелый и
такой

Лѣнивый!

МОЛЬ.

Minime, почтенный сударь мой,
Иль, проще говоря: нѣтъ, сударь.

АРМАДО.

Быстротою

Не надѣленъ свинецъ.

МОЛЬ.

Съ поспѣшностью такою
Не слѣдуетъ судить. Да развѣ тотъ свинецъ,
Что пущенъ пушкою — не мчится, какъ гонецъ?

АРМАДО.

О, дымъ реторики прекрасный!
Я — пушка, онъ — ядро! Я выстрѣлить хочу
Тобою въ пастуха.

МОЛЬ.

Пали — и я лечу. (*Уходитъ*).

АРМАДО.

Умнѣйшій юноша съ прекрасною душою!
Позволь, о, небо, мнѣ вздохнуть передъ тобою!
Смирись, духъ доблестный, предъ мрачною
тоскою!

Но вотъ и мой герольдъ.

МОЛЬ *возвращается съ Башкой*.

МОЛЬ.

Вотъ, сударь, чудеса! У глупой головы

Сломалась нога.

АРМАДО.

Явились, вижу, вы
Ко мнѣ съ какою-то загадкою, шарадой.

(Башкѣ).

Ну, гдѣ твой envoу? Все объясни, какъ надо.

БАШКА. Никакой тутъ нѣтъ загадки, никакой шарады, и никакого envoу никто не прислалъ со мной... Охъ, нога! нога!

АРМАДО. Клянусь добродѣтелю, ты насильно вызываешь смѣхъ; твоя глупость разгоняетъ мою тоску; воздыманіе моихъ легкихъ вызываетъ на мои уста насмѣшливую улыбку. О, звѣзды небесныя, простите мнѣ! Этотъ невѣжда принимаетъ слово envoу въ буквальный смыслъ и полагаетъ, что оно означаетъ посылку.

МОЛЬ. Да разве человѣкъ образованный переведетъ это слово иначе? Вѣдь, envoу только и означаетъ посылку.

АРМАДО.

Нѣтъ, это эпилогъ, смыслъ ясный придающій
Намеку темному во фразѣ предыдущей.

И вотъ тебѣ примѣръ:

«Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значить
шло

Ихъ трое – стало-быть, нечетное число».

Вотъ, пажъ, мораль, а вотъ и envoу...

МОЛЬ. Я самъ прибавлю envoу. Потрудитесь повторить envoу.

АРМАДО.

«Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значить,
шло;

Ихъ трое – стало-быть, нечетное число».

МОЛЬ.

«Гусь вышелъ изъ дому и тоже къ нимъ
присталъ;

Ихъ стало четверо – и нечетъ четомъ
сталъ».

Теперь я повторю вашу мораль, а вы послѣдуете за мною съ вашимъ envoу.

«Мартышка шла съ лисой и съ мухой; значить,
шло

Ихъ трое – стало-быть, нечетное число».

АРМАДО.

«Гусь вышелъ изъ дому и тоже къ нимъ
присталъ;

Ихъ стало четверо – и нечетъ четомъ
сталъ».

МОЛЬ. Весьма пріятный envoу, оканчивающійся гусемъ. Можно ли пожелать чего-нибудь лучше?

140

БАШКА.

Пажъ гуся далъ ему - ручаюсь въ этомъ смѣло.

(Къ Армадо).

Коль жирень гусь, мессеръ, то выгодное дѣло
Вы сдѣлали теперь, и я не откажусь
Отъ envoу такихъ, какъ этотъ жирный гусь.

АРМАДО.

Постой; съ чего у насъ все это завязалось?

МОЛЬ.

Съ разсказа моего, что вотъ нога сломалась
У глупой головы. Потомъ вы у него
Спросили envoу.

БАШКА.

Я о посылкѣ

Заговорилъ — и тутъ свою мораль
Пустили вы; а тутъ явился съ гусемъ
Вашъ пажъ, и вамъ свой жирный envoу
Успѣлъ продать; тѣмъ дѣло и рѣшилось.

АРМАДО. Но объясни мнѣ смыслъ твоихъ словъ, что глупая голова сломала себѣ ногу? Развѣ у головы есть ноги?

МОЛЬ. Я разскажу вамъ это чувствительнымъ образомъ.

БАШКА. Для тебя, Моль, это не было чувствительно. Позвольте, я скажу envoу.

Пришли Башку позвать, Башка къ вамъ побѣждалъ,
Запнулся за порогъ и кость ноги сломалъ.

АРМАДО. Оставимъ эту матерію.

БАШКА. Да, пока изъ моей ноги не перестанетъ течь матерія.

АРМАДО. Любезный Башка, я хочу дать себѣ свободу, избавить отъ заточенія твою личность. Ты былъ запертъ, задержанъ, заточенъ, связанъ.

БАШКА. Вѣрно, совершенно вѣрно; стало-быть, вы хотите выпустить меня?

АРМАДО. Я даю тебѣ свободу, отворяю дверь твоей тюрьмы и за это налагаю на тебя только одно обязательство: отнеси это посланіе поселянкѣ Жакнеттѣ. А вотъ тебѣ и ретрибуція (даетъ ему денегъ); ибо лучшее украшеніе моей высокой души есть привычка — вознаграждать моихъ подчиненныхъ. Моль, слѣдуй за мною. (Уходитъ).

МОЛЬ.

Да, какъ за правиломъ примѣръ,
Иду за вами я, мессеръ.
Прощай, Башка.

БАШКА.

О, мой неоцѣненный
Людского мяса фунтъ! брильянтъ мой несравненный!

(Моль уходитъ).

Посмотримъ теперь на его ретрибуцію! Ретрибуція! О, это латинское слово, которое означаетъ три пятака. Три пятака - ретрибуція. «Что стоитъ эта лента?» - «Пятакъ». — «Нѣтъ, я вамъ дамъ ретрибуцію». Вотъ она штука какая! Ретрибуція! Чудеснѣйшее слово - лучше и не придумаешь. Съ этихъ поръ не буду ничего ни продавать, ни покупать безъ этого слова.

Входитъ Биронъ.

БИРОНЪ. О, мой добрѣйшій шутъ Башка, какъ я радъ, что вижу тебя!

БАШКА. Позвольте васъ спросить, мессеръ, сколько лентъ тѣлеснаго цвѣта можно купить за ретрибуцію?

БИРОНЪ. Что такое ретрибуція?

БАШКА. Три пятака, мессеръ.

БИРОНЪ. Ну, стало быть, можно купить лентъ на три пятака.

БАШКА. Покорнѣйше благодарю вашу милость; да сохранить васъ Господь!

БИРОНЪ.

Постой, стой! ты нуженъ мнѣ. Послушай,
Любезный шутъ, я милостью своею
Взыщу тебя, когда исполнишь ты,
О чемъ теперь просить тебя хочу я.

БАШКА. Когда же я долженъ исполнить это?

БИРОНЪ. Сегодня послѣ обѣда.

БАШКА. Извольте, будетъ исполнено. Прощайте!

БИРОНЪ. Да, вѣдь, я еще не сказалъ тебѣ, въ чемъ дѣло.

БАШКА. Узнаю, когда сдѣлаю.

БИРОНЪ. Перестань, бездѣльникъ, ты долженъ узнать прежде, а потомъ исполнить.

БАШКА. Я пріѣду къ вашей милости завтра утромъ.

БИРОНЪ.

Нѣтъ, это сдѣлаться должно сегодня
Предъ вечеромъ. Вотъ дѣло въ чемъ: принцесса
Охотиться пріѣдетъ въ этотъ паркъ,
И въ свитѣ у нея одну ты встрѣтишь
Красавицу. Когда уста хотятъ
Прелестный звукъ издать, то произносятъ
Названіе ея — и Розалиной

Ее зовутъ. Ты отыщи ее,
И эту запечатанную тайну
Ей въ ручку бѣлоснѣжную вложи.
А вотъ тебѣ за трудъ твой — гонорарій.

БАШКА. Гонорарій! О, милый гонорарій! Это лучше чѣмъ ретрибуція — на
одиннадцать съ половиною пятаковъ лучше! Милѣйшій

141

гонорарій! — Исполню все, мессеръ, какъ по печатному. Гонорарій! Ретрибуція!
(Уходитъ).

БИРОНЪ.

Да, я влюбленъ, сомнѣнья нѣтъ — я, бывшій
Бичомъ любви, казнившій, какъ палачъ,
Любовныя стенанья — я, служившій
И цензоромъ, и полицейскимъ стражемъ,
И деспотомъ-учителемъ тому
Ребенку, предъ которымъ каждый смертный
Склоняется въ смиреніи — ему,
Ребенку своенравному, слѣпому,
Плаксивому, мальчишкѣ-старiku,
Гиганту-карлику, донъ-Купидону,
Правителю сонетовъ въ честь любви,
Властителю объятій, государю
Законному тяжелыхъ вздоховъ, слезъ,
Владыкѣ недовольныхъ и лѣнтяевъ,
Монарху юбокъ, королю штановъ,
Царящему надъ всѣмъ, какъ императоръ
Единственный! — О, милое дитя!
И мнѣ судьба велѣла быть капраломъ
Въ твоихъ войскахъ и на себѣ носить
Твои цвѣта, какъ площадному шуту.
Какъ! я люблю? какъ! я ищу жену -
Жену, что, какъ извѣстно, вѣчно схожа
Съ нѣмецкими часами: какъ ты ихъ
Ни заводи — идти не могутъ вѣрно
И требуютъ поправки каждый день.
А главное и худшее — нарушить
Свой клятвенный обѣтъ — и, наконецъ,
Ту полюбить, что хуже всѣхъ: созданье
Съ лицомъ, какъ снѣгъ, съ бровями, какъ
агаты,
Съ двумя шарами смоляными въ видѣ
Двухъ глазъ... И, чортъ меня возьми, она
Одна изъ тѣхъ, которая исполнить,
Что вздумаетъ, хотъ Аргуса приставъ

Къ ней сторожемъ и евнухомъ! И что же!
Я, я по ней вздыхаю, я слѣжу
Вездѣ за ней, молюсь о ней! Что жъ дѣлать!
Должно-быть, Купидонъ меня казнить
За то, что я его всесильнымъ, грознымъ
И маленькимъ могуществомъ всегда
Пренебрегалъ. Пусть такъ. Теперь томиться,
Любить, писать, вздыхать, молиться буду я..
Кто любить барыню, а кто слугу ея.

(Уходитъ).

142

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

--

СЦЕНА I.

Другая часть парка.

Входятъ ПРИНЦЕССА *со свитой*, ЛѢСНИЧІЙ,
БОЙЕ, РОЗАЛИНА, МАРІЯ и КАТАРИНА.

ПРИНЦЕССА.

Скажите, это государь такъ шибко
Гналъ своего коня на холмъ крутой?

БОЙЕ.

Навѣрное не знаю я, принцесса,
Но кажется, что это былъ не онъ.

ПРИНЦЕССА.

Кто бъ ни былъ онъ — но все въ немъ обличало
Парящій духъ. И такъ, мессеры, насъ
Сегодня отпускаютъ, а въ субботу
Во Францію поѣдемъ мы. Теперь,
Почтеннѣйшій лѣсничій, покажите,
Гдѣ лѣсъ, куда могли бы мы пойти,
Чтобъ роль убійцы играть.

ЛѢСНИЧІЙ.

Тутъ недалеко,

На томъ концѣ вотъ этой рощи; тамъ
Прекрасная у васъ охота будетъ.

ПРИНЦЕССА.

Прекрасная! — Ты этимъ намекаешь
На красоту мою? Я хороша,
Охотиться собираюсь — потому-то

Ты говоришь, что насъ охота ждеть
Прекрасная.

ЛѢСНИЧІЙ.

Простите мнѣ, принцесса!
Но я совсѣмъ не то намѣренъ былъ сказать.

ПРИНЦЕССА.

Какъ! восхвалить сперва, а послѣ отрицать!
О, слава краткая! Слова твои ужасны.
Я не красавица? О, горе!

ЛѢСНИЧІЙ.

Вы прекрасны.

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, перестань меня прикрашивать. Кому
Богъ не далъ красоты — не дашь ее тому
Словами похвалы. За искренность отвѣта,
О зеркало мое, возьми себѣ вотъ это.

(Даетъ ему денегъ).

За скверныя слова червонецъ добрый дать —
Ужъ это черезъ-чуръ роскошно награждать.

ЛѢСНИЧІЙ.

Въ васъ, кромѣ красоты, ничто не обитаетъ.

143

ПРИНЦЕССА.

Какъ красоту мою здѣсь золото спасаетъ!
О, ересь страшная въ сужденіи красоты!
Какъ нынѣшнихъ временъ вполнѣ достойна
ты!

Какъ ни скверна рука дающая — но знайте,
Хвалителя всегда найдетъ она. Подайте
Мой лукъ мнѣ; доброта уходитъ убивать,
А злыми мы зовемъ умѣющихъ стрѣлять.
Но я въ стрѣльбѣ себя не уроню ни мало:
Коль въ цѣль не попаду, то, значить, помѣшало
Мнѣ состраданіе; удастся застрѣлить —
То это сдѣлано, чтобъ только заявить
Умѣніе стрѣлять, и больше по влеченію
Къ пріятнымъ похваламъ, чѣмъ страсти къ
истребленію.

Вѣдь, неоспоримо, что доблесть иногда
На гнусныя дѣла пускается, когда,

Прельщаясь славою и громкой похвалою,
Къ нимъ устремляемся мы всей своей душою.
Вотъ такъ и я теперь, изъ-за того, чтобъ

дань

Похвалъ себѣ добыть, убить собираюсь лань
Несчастную, хотя ей не желаю, право,
Дурного ничего.

Бойе.

Не изъ желанья ль славы
И злая женщина стремится лишь къ тому,
Чтобъ стать владычицей супругу своему?

Принцесса.

Конечно, такъ — и та, что мужа въ подчиненье
Умѣетъ привести, достойна восхваленья.
Бойе. Къ намъ идетъ одинъ изъ членовъ республики.

Входитъ Башка.

Башка. Доброго вечера всей компаніи! Позвольте васъ спросить, гдѣ здѣсь
дама, стоящая во главѣ всѣхъ?

Принцесса. Ты можешь ее узнать, пріятель, по остальнымъ, которыя всѣ
безъ головъ.

Башка. Какая самая главная? Самая высокая?

Принцесса. Самая толстая и самая длинная.

Башка.

И толстая, и длинная; да, такъ:
Что правда — остается вѣчно правдой.
Будь ваша талія узка, какъ умъ мой, вамъ
Пришелся бъ поясокъ одной изъ этихъ дамъ.
Не вы ль здѣсь главная? Вѣдь, несомнѣнно,
Вы толще всѣхъ.

Принцесса.

Въ чѣмъ дѣло? дѣло въ чѣмъ?

Башка.

Графъ Биронъ написалъ къ дѣвицѣ Розалинѣ
Письмо, и присланъ я сюда по той причинѣ.

Принцесса.

О, дай письмо скорѣй! Всегда былъ другомъ
мнѣ

Графъ Биронъ. Ты, посолъ любезный, къ
сторонѣ

Покамѣстъ отойди. Мессеръ Бойе, возьмите

И распечатайте.

Б О Й Е.

Исполню, какъ велите;
Но не по адресу письмо принесено:
Къ Жакнеттѣ, а не къ намъ, написано оно.

П Р И Н Ц Е С С А.

И все-таки, клянусь, его мы прочитаемъ.
Ломайте же печать, читайте — мы внимаемъ.

Б О Й Е (*читаетъ*). Клянусь небомъ, совершенно неоспоримо, что ты прекрасна, несомнѣнно, что ты прелестна, и истинно, какъ сама истина, что ты мила. О, ты, превосходящая красотой красоту, прелестью прелесть, правдивостью самую правду, сжался надъ твоимъ героемъ-вассаломъ! Достославный и доблестнѣйшій король Кофетуа остановилъ свои взоры на пагубной и несомнѣнной нищѣй Зенелофонъ — а онъ былъ именно тотъ, который имѣлъ полное право сказать: *veni, vidi, vici*, что, въ переводѣ на языкъ черни — о, презрѣнная и невѣжественная чернь! — означаетъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Пришелъ — разъ; увидѣлъ — два; побѣдилъ — три. Кто пришелъ? король. Для чего онъ пришелъ? чтобы увидѣть. Для чего онъ увидѣлъ? чтобы победить. Къ кому онъ пришелъ? къ нищѣй. Кого увидѣлъ? нищую. Кого побѣдилъ? нищую. Въ результатѣ — побѣда. На чьей сторонѣ? На сторонѣ короля. Порабощенное — обогащено. На чьей сторонѣ это обогащеніе? На сторонѣ нищѣй. Катастрофа заключается въ бракѣ. Съ чьей стороны? Со стороны короля? Нѣтъ, со стороны обоихъ въ одномъ, или одного въ обоихъ. Я — король, ибо такъ указываетъ сравненіе; ты — нищая, ибо это доказывается твоимъ низкимъ общественнымъ положеніемъ. Повелѣтъ ли тебѣ любить меня? Я могъ бы это сдѣлать. Приобрѣсть ли твою любовь насильно? И это я могъ бы сдѣлать. Умолять ли тебя о

144

<На странице 145 расположена иллюстрация.>

любви? Вотъ это я сдѣлаю. На что промѣняешь ты свои лохмотья? — на красивыя платья; свое ничтожество? — на почести; самое себя? — на меня. Итакъ, ожидая твоего отвѣта, профанирую мои губы на твоихъ ногахъ, мои глаза на твоемъ лицѣ, мое сердце на всѣхъ частяхъ твоего тѣла.

Твой, съ глубочайшимъ желаніемъ служить тебѣ,
донъ-Адріано де-Армадо.

Овечка, слышишь ли, какъ левъ немейскій
тамъ

Реветь, ища тебя, что выбрана судьбою
Въ добычу грозному? Пади къ его стопамъ,
И онъ, насытившись, придетъ играть съ
тобою;

Но если станешь ты сопротивляться — вѣрь,
Бѣдняжка, съѣстъ тебя въ берлогѣ лютый

звѣрь.

ПРИНЦЕССА.

Какими перьями украшенъ тотъ, кто эти
Воззванья начерталъ? Найдется ли на свѣтѣ
Забавнѣй что-нибудь? Какой же флюгерокъ,
Какая мельница — виновникъ этихъ строкъ?

БОЙЕ.

Коль не ошибся я, мнѣ слогъ знакомъ.

ПРИНЦЕССА.

Когда бы
Его забыли вы, то были бѣ слишкомъ слабы
Вы памятью; прошло, вѣдь, пять минутъ всего,
Какъ вы прочли письмо.

БОЙЕ.

Да, сочинилъ его
Испанскій кавалеръ Армадо. Онъ бываетъ
Здѣсь часто при дворѣ и очень потѣшаетъ,
Какъ фантазеръ и шутъ, монарха самого
И всѣхъ учащихся сотрудниковъ его.

ПРИНЦЕССА (*Башкѣ*).

Поди-ка ты сюда и удостой отвѣтомъ:
Кто далъ тебѣ письмо?

БАШКА.

Докладывалъ объ этомъ
Ужъ прежде я; сюда съ письмомъ меня послалъ
Мой господинъ.

ПРИНЦЕССА.

Кому жъ отдать онъ приказалъ?

БАШКА.

Письмо отъ графа къ госпожѣ.

ПРИНЦЕССА.

Отъ графа?

Какого же и къ госпожѣ какой?

БАШКА.

Отъ графа Бирона, большого господина,
Къ французской барышнѣ — а звать ихъ
Розалина.

ПРИНЦЕССА.

Ты не туда попалъ. Что жъ, господа, идемъ!

(Розалинъ).

Утѣшься - и къ тебѣ придетъ посолъ съ
письмомъ.

(Уходитъ со свитою).

Бойе.

Кто это выстрѣлить собирается?

Розалина.

Хотите,

Чтобъ я сказала вамъ?

Бойе.

О, да, скорѣй скажите

Вы, столько красоты носящая въ чертахъ.

Розалина.

Та, у которой лукъ вы видѣли въ рукахъ.

Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Бойе.

Принцесса губить тамъ рога своей стрѣлою:

Рискни же кто-нибудь назвать ее женою –

На висѣлицу я сейчасъ идти готовъ,

Коль будетъ въ этотъ годъ неурожай роговъ

Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Розалина.

Такъ я сама стрѣлокъ.

Бойе.

А кто олень?

Розалина.

Вы сами,

Коль это прозвище онъ заслужилъ рогами.

Ударъ, вѣдь, отраженъ недурно?

Марія.

Вы съ ней все ссоритесь — и въ лобъ васъ

бьетъ она.

Бойе.

Но ниже лба за-то сама поражена.

РОЗАЛИНА. Хотите, чтобъ я напала на васъ старымъ припѣвомъ, который былъ взрослымъ человѣкомъ уже въ то время, когда король Пепинъ былъ еще ребенкомъ?

БОЙЕ. Я могъ бы отразить это нападеніе такою же старою поговоркою, которая была взрослою женщиной уже въ то время, когда

146

королева Жиневра британская была еще маленькой дѣвочкой.

РОЗАЛИНА.

Ты не можешь, не можешь, не можешь попасть,
Ты не можешь попасть, мой любезный.

БОЙЕ.

Если я не могу, не могу, не могу,
То другой, безъ сомнѣнія, можетъ.

(Розалина и Катерина уходятъ).

БАШКА.

Ну, ужъ забавники, и глазъ какой, вѣдь,
мѣткій:

Прицѣль-то, вѣдь, какой!

МАРІЯ.

Да, это выстрѣль рѣдкій.
Попали прямо въ цѣль.

БОЙЕ.

Попали въ цѣль! Скорѣй
Замѣтимъ это мы.

МАРІЯ.

Но это, вѣдь, о ней
Я только говорю; а вы лѣвѣ взяли,
Чѣмъ слѣдовало вамъ.

БАШКА.

Да, вы напрасно стали
Такъ далеко: вблизи вѣрнѣй бы выстрѣль
былъ.

БОЙЕ.

Ну, нѣтъ, я свой зарядъ ей въ самый центръ
всадилъ.

МАРІЯ.

Мессеръ, мессеръ, слова такія слишкомъ
грубы:

Ихъ неприличностью вы пачкаете губы.

БАШКА.

Вамъ съ ней не справиться: ишь, какъ она
жива!

БОЙЕ.

Ты правъ. Прощай, моя добрѣйшая сова!

(Бойе и Марія уходятъ).

БАШКА.

Вотъ дурень, вотъ чурбанъ! Ахъ, Богъ мой,
ахъ, Создатель!

Какъ эти барыни и я тебя, пріятель,
Отдѣлали! Такихъ затѣйливыхъ остротъ
Не слышалъ въ жизни я! Вотъ умъ-то! Какъ
течетъ

Онъ плавно и легко, и грязно, и свободно!
Армадо! Какъ въ немъ все изящно-благородно!
Вѣдь, стоитъ посмотрѣть, какъ щегольски
идетъ

Онъ передъ дамами, какъ вѣеръ ихъ несетъ,
Какъ нѣжный поцѣлуй рукою посылаетъ
И какъ плѣнительно въ любви ихъ увѣряетъ!
А пажъ-то! Пригоршня ума и остроты!
О, небо, какъ ты милъ, какъ патетиченъ ты!

(За сценою слышны звуки роговъ. Башка
бѣгаетъ крича: «го-ла! го-ла!»).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ Олофернъ, Натаніилъ и Тупица.

НАТАНІИЛЪ. Воистину, охота была весьма почтенная и исполненная по свидѣтельству доброй совѣсти.

ОЛОФЕРНЪ. Олень былъ, какъ вамъ извѣстно, *sanguis* — въ крови. Онъ былъ зрѣлъ, какъ водяное яблоко, которое, глядишь, виситъ, точно брильянтъ, на ухѣ *coelo*, неба, тверди — и вдругъ падаетъ, какъ дикій плодъ, на лицо *terra*, почвы, материка, земли.

НАТАНІИЛЪ. Воистину, почтеннѣйшій Олофернъ, вы наипрiятнѣйшимъ образомъ разнообразите эпитеты, походя въ семъ случаѣ по меньшей мѣрѣ на ученаго. Но смѣю васъ увѣрить, что это былъ не олень, а двухлѣтній козленокъ.

ОЛОФЕРНЪ. Уважаемый Натаніилъ, *haud credo*.

ТУПИЦА. Нѣтъ, не *haud credo*, а козленокъ.

ОЛОФЕРНЬ. Въ высшей степени варварское противопоставленіе! И въ то же время нѣчто въ родѣ инсинуаціи, желанія какъ бы *in via*, путемъ объясненія, *facere*, какъ бы возраженіе, или, вѣрнѣе выражаясь, *ostentare*, показать какъ бы свое умонаправленіе и по своему невѣжественному, неполированному, невоспитанному, необработанному, неразвитому или, вѣрнѣе, неграмотному, или, еще вѣрнѣе, неблагонадежному способу сравнить мое *haud credo* съ животнымъ.

ТУПИЦА. Я говорю, что это животное было не *haud credo*, а козленокъ.

ОЛОФЕРНЬ. Дважды повторенная глупость *bis coctus*! О, чудовищное невѣжество! Въ какомъ безобразіи представляешься ты!

НАТАНИИЛЬ. Почтенный Олофернь, онъ никогда не питался лакомствами, кои таятся

147

въ нѣдрахъ книгъ; никогда, если можно такъ выразиться, не ѣлъ бумаги и не пилъ чернилъ; разумъ его не насыщенъ; онъ не что иное, какъ животное, въ которомъ подвержены чувствительности только грубые части.

И знайте, при видѣ подобныхъ растений,
растущихъ бесплодно,
Мы, въ коихъ всѣ чувства и вкусы развиты
весьма благородно,
Должны быть признательны вѣчно за то, что
отъ этихъ даровъ
Въ насъ больше гораздо, чѣмъ въ этомъ невѣждѣ,
родится плодовъ.
Вѣдь, мнѣ точно такъ же не кстати быть глупымъ,
хвастливымъ мальчишкой,
Какъ было бы странно невѣжду увидѣть за
мудрою книжкой.
Но я, *отте bene*, скажу, чтобъ старинную
вещь повторить:
«Иные не жалуютъ вѣтра, а бурю способны
сносить».

ТУПИЦА.

Вотъ вы два ученые мужа; найду ли у васъ
разрѣшеніе
Такого вопроса: скажите — кто мѣсяцъ имѣлъ
отъ рожденія
Въ тотъ день ужъ, какъ Каинъ родился на
свѣтъ —
И все еще пятой недѣли ему отъ рожденія
нѣтъ?

ОЛОФЕРНЬ. Это Диктинна, добрѣйшій Тупица; Диктинна, добрѣйшій Тупица.

ТУПИЦА. Что это за Диктинна?

НАТАНИИЛЬ. Это - титулъ Фебэ, луны, мѣсяца.

ОЛОФЕРНЪ.

Имѣла отъ роду луна лишь тридцать дней,
Когда по возрасту Адамъ былъ равенъ съ ней,
Но онъ успѣлъ прожить сто лѣтъ,
А ей пяти недѣль и по сю-пору нѣтъ.

Аллюзія остается та же самая, несмотря на перемѣну именъ.

ТУПИЦА. Совершенно справедливо. *Иллюзія* не перемѣнила именъ.

ОЛОФЕРНЪ. Да разовѣтъ Господь твои способности! Я говорю, что *аллюзія* остается та же самая, несмотря на перемѣну именъ.

ТУПИЦА. И я говорю то же самое, ибо лунѣ никогда не бываетъ больше мѣсяца отъ роду; и, сверхъ того, я говорю, что животное, котораго убила принцесса, былъ козленокъ.

ОЛОФЕРНЪ. Достопочтенный Натаніиль, угодно вамъ прослушать эпитафію, написанную мною экспромтомъ, на смерть этого животнаго? Чтобы принаровиться къ пониманію неразвитыхъ людей, я назвалъ животное, которое застрѣлила принцесса, козломъ.

НАТАНИИЛЬ. *Perge*, достопочтеннѣйшій Олофернъ, *perge*; только устраните всякое шутовство.

ОЛОФЕРНЪ. Въ этомъ стихотвореніи я отчасти играю словами, ибо это доказываетъ легкость въ стихотворствѣ.

Принцесса, склонная ко злу,
Стрѣлою смерть дала козлу;
Была принцесса крѣпко зла
Давно на этого козла;
И къ ней взываютъ всѣ козлы:
«Принцесса, вы, однако, злы!»

НАТАНИИЛЬ. Рѣдкое дарованіе!

ТУПИЦА (*въ сторону*). Да, сущее надрыванье.

ОЛОФЕРНЪ. Эта способность, которою я надѣленъ — простая, простая способность. Это ужъ такой складъ ума, причудливый, своенравный, преисполненный формами, фигурами, образами, предметами, идеями, представленіями, порывами, переворотами; все это зарождается во чревѣ памяти, получаетъ питаніе въ нѣдрахъ *pia mater* и выводится на свѣтъ зрѣлостью удобнаго случая. Но сія способность хороша тогда, когда она остра, и я благодарю Бога за то, что надѣленъ ею.

НАТАНИИЛЬ. И я благословляю Создателя за васъ. Точно то же дѣлаютъ и мои прихожане, ибо вы прекрасно воспитываете ихъ сыновей, а дочери ихъ преуспѣваютъ подъ вашимъ наблюденіемъ. Вы прекрасный членъ нашей республики.

ОЛОФЕРНЪ. *Me hercule!* Если ихъ сыновья не глупы, они получаютъ хорошее образованіе; если ихъ дочери имѣютъ способности, я ихъ приспособлю, какъ слѣдуетъ. Но *vir sapit, qui paucis loquitur*: къ намъ идетъ женская душа.

Входятъ БАШКА и ЖАКНЕТТА.

ЖАКНЕТТА. Добраго здоровья, батюшка!

ОЛОФЕРНЬ. Сознаешь ли ты, почему называешь его батюшкой?

БАШКА. Я полагаю потому, что они были близко знакомы съ ея матушкой.

ОЛОФЕРНЬ. Каково! Вижу достаточную долю остроумія въ комкѣ земли, достаточно огня въ кремнѣ, достаточно жемчуга въ свинѣ. Недурно, мило!

ЖАКНЕТТА. Почтенный господинъ пасторъ, будьте такъ добры, прочтите мнѣ это письмо; мнѣ отдалъ его Башка, а прислалъ

148

донъ-Армадо. Покорнѣйше васъ прошу прочесть его.

ОЛОФЕРНЬ. *Fauste, precor gelida quando pecus omne sub umbra ruminat* - и такъ далѣе. О, добрый, старый мантуанецъ! Я могу сказать о тебѣ то, что путешественникъ говоритъ о Венеціи:

Vinegia, Vinegia,
Chi non te vede non te pregia!

Старый мантуанецъ! старый мантуанецъ! Кто не понимаетъ тебя, тотъ не любить тебя! *Ut, re, sol, la, mi, fa*. Смѣю спросить, господинъ пасторъ, какое содержаніе этого письма, или, вѣрнѣе, какъ говоритъ Горацій въ своемъ... чѣмъ изображено оно? стихами?

НАТАНИИЛЬ. Да, стихами — и весьма учеными.

ОЛОФЕРНЬ. Дозвольте выслушать одинъ стансъ, одну строфу, одинъ стихъ. *Lege, domine*.

НАТАНИИЛЬ (*читаетъ*).

Могу ль въ любви я клясться, когда любовь

МОЯ

Велѣла мнѣ нарушить все то, въ чемъ

клялся я?

Ненарушимы только бываютъ клятвы тѣ,

Которыя даемъ мы высокой красотѣ!

Хотя передъ собою клятвопреступникъ я,

Тебѣ же буду вѣренъ, прекрасная моя!

Что дубомъ мнѣ казалось — ты клонишь,

какъ тростникъ;

Наука забываетъ свой сбивчивый языкъ,

И въ книгу превращаетъ твои глаза она:

Та книга наслажденій божественныхъ полна.

Коль знанье служить цѣлью, то, чтобъ

достичь ее,

Тебя узнать лишь стоитъ, о, божество мое!

Учень языкъ, на коемъ умна и хороша

Хвала тебѣ; коснѣть въ невѣжествѣ душа,

Что безъ восторга смотритъ на образъ твой.

Моя

Вся слава въ томъ, что понялъ твою всю

прелесть я.
Твой взглядъ - огонь Зевеса, твой голосъ —
громъ его,
Но музыкаю чудной для слуха моего
Является тотъ голосъ, когда не гнѣвна ты.
Прости, прости мнѣ, ангель небесной красоты,
За то, что я дерзаю, въ безуміи своемъ,
Слагать хвалу въ честь неба на языкѣ
земномъ!

ОЛОФЕРНЪ. Вы не соблюдаете удареній, и потому не придаете словамъ должнаго выраженія. Дайте-ка мнѣ просмотрѣть эту канцону. Здѣсь соблюдено только число стопъ, но что касается изящества, легкости и золотого каданса поэзіи, то это все - *caret*. Овидій Назонъ былъ мастеръ этого дѣла. А почему именно онъ назывался Назонъ? потому именно, что умѣлъ обнять благоуханные цвѣты фантазіи, порывы творчества. *Imitari* — ничего не значить, - и собака подражаетъ своему господину, обезьяна — своему сторожу, оседланная лошадь - своему всаднику. Но, дѣвственная *damosella*, скажите, это письмо адресовано къ вамъ?

ЖАКНЕТТА. Точно такъ, нѣкіимъ дономъ-Армадо.

ОЛОФЕРНЪ. Бросимъ взглядъ на адресъ. «*Бѣлоснѣжной рукѣ
наипрекраснѣйшей дѣвицы Розалины*». Взгляну снова въ содержаніе письма, дабы узнать имя написавшаго сіе письмо вышепоименованной особѣ. «*Вамъ вѣчно
преданный слуга, Биронъ*». Мессеръ Натаніиль, этотъ Биронъ одинъ изъ товарищей короля по клятвѣ, и это письмо онъ написалъ одной изъ фрейлинъ иноземной королевы, а оно случайно, или путемъ прогрессіи, попало на иную дорогу. (Жакнеттъ). Бѣги бѣгомъ, моя милая, и отдай эту бумагу въ царственныя руки короля; она, можетъ-быть, имѣетъ большую важность. Не замедляй своего отхода прощальными церемоніями: освобождаю тебя отъ этой обязанности. Прощай!

ЖАКНЕТТА. Добрый Башка, пойдемъ со мною. (Олоферну). Да сохранить Богъ вашу жизнь, сударь!

БАШКА. Я весь твой, дитя мое.

(Башка и Жакнетта уходятъ).

НАТАНИИЛЬ. Мессеръ, вы поступили весьма религіозно, въ страхъ Божьемъ — и, какъ говоритъ одинъ святой отецъ...

ОЛОФЕРНЪ. Не говорите мнѣ объ отцахъ: я боюсь ложныхъ красокъ. Вернемся, однако, къ стихамъ. Понравились они вамъ, мессеръ Натаніиль?

НАТАНИИЛЬ. Превосходное изложеніе.

ОЛОФЕРНЪ. Сегодня я обѣдаю у отца одного изъ моихъ учениковъ; если вамъ будетъ угодно притти туда и, прежде чѣмъ мы сядемъ за столъ, произнести благословеніе трапезѣ, то я, въ силу привилегіи, которую имѣю надъ родителями вышепереченнаго ребенка или ученика, ручаюсь вамъ, что вы будете *benvenuto*. И тамъ я вамъ докажу, что эти стихи весьма невѣжественны и не обладаютъ ни поэтическимъ запахомъ, ни умомъ, ни творчествомъ. Умоляю васъ сдѣлать мнѣ компанію.

Какъ красота твоя сквозь рѣки слезъ моихъ!
Ахъ, у меня она во всѣхъ слезахъ блистаетъ!
Побѣдно ты царишь надъ горестью моею;
Мой каждый вздохъ несетъ тебя, какъ колесница.
Взгляни въ мою слезу — и ты увидишь въ

ней

Свой блескъ сквозь скорбь мою, души моею
царица!

Не полюби меня — и зеркало себѣ
Найдешь въ моихъ слезахъ: я плачу безконечно.
Царица изъ царицъ, какъ чудно все въ
тебѣ —

Не выскажетъ языкъ, умъ не представитъ
вѣчно!»

Какъ дать ей знать о горести моею?
Оставлю здѣсь бумагу эту. Листья
Прекрасные, покройте вашей тѣнью
Безуміе. Но кто идетъ сюда? (*Прячется*).

Входитъ Лонгвиль съ бумагой.

Король (въ сторону).

Лонгвиль! И онъ читаетъ! Слушай, ухо!

Биронъ (въ сторону).

Ну, вотъ еще является одинъ
Помѣшанный, по моему примѣру.

Лонгвиль.

О, горе мнѣ: нарушилъ клятву я!

Биронъ (въ сторону).

Дѣйствительно, онъ, какъ клятвопреступникъ,
Пришелъ сюда съ бумажнымъ ярлыкомъ.

Король (въ сторону).

И онъ влюбленъ, надѣюсь. Какъ отрадно
Сообщество въ позорѣ!

Биронъ (въ сторону).

Пьяный съ пьянымъ —

Всегда друзья.

Лонгвиль.

Ужели прежде всѣхъ
Я преступилъ обѣтъ?

Биронъ (въ сторону).

Тебя утѣшить
Я могъ бы, другъ: такихъ двоихъ я знаю.

Тріумвиратъ ты довершилъ: ты сталъ
Въ компаніи послѣдней капителью,
Верхушкою того шеста любви,
Гдѣ мы втроемъ повѣсились такъ глупо.

Лонгвиль.

Ахъ, я боюсь, что стихъ мой слишкомъ
грубъ,
Чтобъ взволновать ее! О, другъ, Марія,
Владычица моей любви! Хочу
Порвать стихи и написать ей прозой.

Биронъ (*въ сторону*).

Стихи — шитье, что носить на штанахъ
Франтъ-Купидонъ. Не портъ его костюма.

Лонгвиль.

Нѣтъ, ничего, сойдутъ мои стихи. (*Читаетъ*).
Небесная реторика прекрасныхъ глазъ
твоихъ,
Что словъ опроверженія не терпитъ никакихъ,
Одна меня заставила обѣтъ мой преступить;
Изъ-за тебя измѣнника нельзя, нельзя казнить.
Отъ женщинъ всѣхъ отрекся я, но ты, вѣдь,
божество —
И, значить, не нарушилъ я обѣта моего;
Ты — существо небесное, обѣтъ мой былъ
земной,
Твоею благодатію грѣхъ искупаю мой.
Обѣтъ дыханье легкое, дыханье только дымъ,
Ты, солнце на землѣ моей, сіяніемъ своимъ
Въ себя втянула легкій дымъ обѣта моего,
И, значить, не виновень я, что преступилъ
его.
Да хоть бы такъ! И глупому понять не мудрено,
Что клятвою пожертвовать для рая не
грѣшно.

Биронъ (*въ сторону*).

Вотъ печень какъ работаетъ! Изъ мяса
Мы дѣлаемъ богиню; въ божество
Утенка превращаемъ. Боже, Боже,
Помилуй насъ! Въ язычество совсѣмъ

Мы перешли, съ прямой дороги сбились.

ЛОНГВИЛЬ.

Съ кѣмъ отослать бы ей? Сюда идутъ.
Скорѣе спрячусь. (*Отходитъ*).

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Всѣ играютъ въ прятки:
Припомнили забаву дѣтскихъ лѣтъ.
Какъ полу-богъ, я въ облако забрался
И съ вышинызираю на глупцовъ
Съ ихъ тайнами несчастными. О, Боже!
Еще мѣшокъ на мельницу! Сбылось
Желаніе мое!

Входитъ Дюмень съ бумагой.

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Преобразился
И ты, Дюмень! На блюдѣ на одномъ
Четыре кулика!

ДЮМЕНЬ.

О, Катя, Катя

Небесная!

БИРОНЪ (*въ сторону*).

О, негодяй земной!

ДЮМЕНЬ.

Свидѣтель Богъ, какъ чудо, ты чаруешь
Глаза людей!

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Клянусь землей, ты лжешь!

Она вся создана изъ тѣла.

ДЮМЕНЬ.

Амбра

Предъ амброю ея волосъ — ничто.

БИРОНЪ (*съ сторону*).

Вотъ чудеса! Ворона — цвѣта амбры!

ДЮМЕНЬ.

Она стройна, какъ кедръ.

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Да перестань:

У ней плечо — беременное точно.

ДЮМЕНЬ.

Она свѣтла, какъ день.

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Да, какъ тѣ дни,

Въ которые совсѣмъ не свѣтитъ солнце.

ДЮМЕНЬ.

Ахъ, если бы сбылось мое желанье!

ЛОНГВИЛЬ (*въ сторону*).

Ахъ, и мое!

КОРОЛЬ (*въ сторону*).

Ахъ, Боже, и мое!

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Аминь, съ моимъ пусть то же совершится!

Вотъ славная молитва!

ДЮМЕНЬ.

Я бъ хотѣлъ

Забыть ее, но, ахъ, какъ, лихорадка,

Въ моей крови господствуетъ она

И позабыть себя не позволяетъ!

151

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Коль это лихорадка, такъ должны

Вы кровь пустить — и въ суповую чашку

Все выльется. О, несравненный бредъ!

ДЮМЕНЬ.

Прочту опять мое стихотворенье.

БИРОНЪ (*въ сторону*).

Взгляну опять, какъ дѣйствуетъ любовь.

ДЮМЕНЬ (*читаетъ*).

«Однажды — о бѣдное сердце, страдай! —

Любовь, для которой всѣ мѣсяцы — май,

Увидѣла чудно-прекрасный цвѣтокъ,

Съ которымъ любовно игралъ вѣтерокъ.

Незримо и тихо струи вѣтерка

Входили сквозь бархатъ листочковъ цвѣтка.

Влюбленный въ смертельномъ недугѣ страдалъ

И неба дыханью завидовать сталъ.
«О, воздухъ, сказалъ онъ, ты воленъ дышать!
Ахъ, еслибъ побѣду и мнѣ одержать!
Но, роза, рука поклялася моя,
Что тронуть тебя не осмѣлюся я!»
О, страшная клятва для юныхъ годовъ,
Столь жадныхъ къ срыванію свѣжихъ цвѣтовъ!
Коль клятву нарушу для этой любви –
Ты этотъ поступокъ грѣхомъ не зови!
Юпитеръ — и тотъ бы назвалъ предъ тобой
Юнону свою эфиопкой простой,
Отрекся бъ Юпитерства онъ и, любя,
Охотно бъ сталъ смертнымъ, чтобъ славить
тебя!»

Вотъ это къ ней пошлю я, и при этомъ
Еще письмо попроще, чтобъ она
Могла понять глубокія страданья
Моей любви. О, еслибъ государь
И Биронъ, и Лонгвиль влюбились тоже!
Одна вина служила бы примѣромъ
Винъ другой и съ моего чела
Позорное клеймо измѣны стерла бъ.
Тамъ каждый правъ, гдѣ виноваты всѣ.

Лонгвиль (выходя на сцену).

Дюмень, твоя любовь немилосердна,
Сообщниковъ желая для своихъ
Тяжелыхъ мукъ; блѣднѣй ты, сколько хочешь,
Но я бы непременно покраснѣлъ,
Когда бъ меня подслушали, поймали
Въ такомъ бреду.

Король (выходя).

Ну, такъ краснѣй; вѣдь, ты
Въ такомъ же положеніи и, Дюмена
Браня, ты самъ грѣшишь вдвойнѣ. Ну да,
Ты не влюбленъ въ Марію; въ честь Маріи
Мессеръ Лонгвиль сонетовъ не слагалъ;
Рукъ на груди онъ не скрещалъ ни разу,
Чтобъ прекратить стукъ сердца своего
Влюбленного. Я спрятанъ былъ вотъ въ этомъ
Кустарникѣ, я наблюдалъ за вами
Обоими и за обоихъ васъ
Краснѣлъ. О, да, я слышалъ ваши риѣмы
Преступныя; я видѣлъ, какъ въ лицѣ

Мѣнялись вы; я слышалъ ваши вздохи
И вашу страсть замѣтилъ хорошо.
«О, горе мнѣ!» кричалъ одинъ; къ Зевесу
Взывалъ другой; тотъ волосы ея
Звалъ золотомъ, а этотъ звалъ кристалломъ
Ея глаза. (*Лонгвиллю.*) За рай ты былъ готовъ
Нарушить честь и клятву. (*Дюмену.*)

А Юпитерь,

По твоему, обѣтъ бы преступилъ
Изъ-за твоей возлюбленной. Что Биронъ
Заговорить, узнавъ, что клятву вы
Нарушили, которую давали
Такъ горячо? Какъ осмѣетъ онъ васъ!
Какъ изощрять онъ станетъ остроумье!
Какъ будетъ онъ торжествовать, плясать
И хохотать! Сокровищами всѣми,
Какія лишь встрѣчались мнѣ — клянусь,
Я бъ не хотѣлъ, чтобъ точно то же зналъ
онъ

И обо мнѣ!

Биронъ (*въ сторону*).

Теперь пора сойти,
Чтобъ наказать тебя, о, лицемерье!

(*Сльзаетъ съ дерева и выходитъ впередъ*).

Простите мнѣ, мой добрый государь!
Вы этихъ двухъ червей теперь корите
За ихъ любовь, когда и сами вы
Влюбленнѣй всѣхъ, о, нѣжное сердечко!
Изъ вашихъ глазъ, небось, вы колесницъ
Не дѣлали! Прекрасная принцесса
У васъ въ глазахъ не отражалась! Вы
Ужъ ни за что не измѣнили бъ клятвѣ —
Избави Богъ! Ну, а стихи слагать —
Такъ это, вѣдь, прилично трубадурамъ,
Отнюдь не вамъ! И не стыдитесь вы?
Нѣтъ, вѣрно вамъ не стыдно, что поймали
Васъ всѣхъ троихъ.

(*Лонгвиллю, указывая на Дюмена*).

Замѣтилъ ты сучокъ

Въ его глазу; король сучокъ замѣтилъ
Въ глазахъ у васъ обоихъ, но бревно
У всѣхъ троихъ мнѣ удалось увидѣть.
О, Боже мой, чего пришлось мнѣ быть

Свидѣтелемъ — какой безумной сцены
 Стенаній, слезъ, отчаянья, тоски!
 О, сколько мнѣ терпѣнья нужно было,
 Чтобы смотрѣть, какъ мухой сталъ король,

Какъ Геркулесь-герой плясалъ въ присядку,
 Какъ Соломонъ пѣлъ пѣсенку, какъ Несторъ
 Игралъ съ дѣтьми въ лошадки, какъ Тимонъ,
 Суровый мужъ, смѣялся, забавляясь
 Игрушками! О, добрый мой Дюменьъ,
 Что у тебя болитъ? А ты, мой милый
 Лонгвиль, скажи, чѣмъ боленъ ты? А вы,
 Мой государь? Всѣ, всѣ больны вы грудью.
 Эй, рвотнаго!

КОРОЛЬ.

Твои насмѣшки злы.

Ужъ черезъ-чуръ. Ужели намъ такъ скоро
 Ты измѣнилъ?

БИРОНЪ.

Не я вамъ измѣнилъ,

Вы — мнѣ; я былъ всегда такъ строго честенъ,
 Считалъ грѣхомъ нарушить мой обѣтъ —
 И вотъ теперь измѣною наказанъ
 За то, что былъ въ сообществѣ съ людьми,
 Столь шаткими въ словахъ своихъ. Скажите,
 Писалъ ли я когда-нибудь стихи?
 Вздыхалъ ли я по женщинѣ? Минуту
 Я тратилъ ли когда на щегольство?
 Слыхали ли вы отъ меня хваленье
 Рукъ, ногъ, глазамъ, лицу, челу,
 Движеніямъ, походкѣ, формамъ, росту?

КОРОЛЬ.

Постой, постой! Куда ты такъ спѣшишь?
 Кто это такъ въ галопъ несется: воръ ли,
 Иль человѣкъ порядочный?

БИРОНЪ.

Бѣгу

Я отъ любви. Прекрасный мой влюбленный,
 Позвольте мнѣ уйти.

Входятъ БАШКА и ЖАКНЕТТА.

ЖАКНЕТТА.

Спаси васъ Богъ,
Мой государь!

КОРОЛЬ.

Что это за подарокъ
Ты мнѣ несешь?

БАШКА.

Измѣну, государь.

КОРОЛЬ.

Что дѣлаетъ измѣна здѣсь?

БАШКА.

Измѣна
Не дѣлаетъ здѣсь ровно ничего.

КОРОЛЬ.

А если такъ, то уходите съ миромъ
Вы и она.

ЖАКНЕТТА.

Велите, государь,
Прочестъ письмо. Его нашелъ опаснымъ
Священникъ нашъ. Онъ говоритъ, что тутъ
Измѣна есть.

КОРОЛЬ.

Прочти письмо намъ, Биронъ.
(Жакнеттъ). Кто далъ тебѣ его?

ЖАКНЕТТА.

Да вотъ — Башка.

КОРОЛЬ (Башкѣ).

Ну, а тебѣ кто далъ?

БАШКА.

Донъ-Адрамадьо,
Мой государь, донъ-Адрамадьо!

(Биронъ рветъ письмо).

КОРОЛЬ.

Что
Ты дѣлаешь? Что сталося съ тобою?
Зачѣмъ ты рвешь письмо?

БИРОНЪ.

Да пустяки

Мой государь, дурачество! Не стоит
Тревожиться.

ЛОНГВИЛЬ.

Однако, взволновало
Оно его — и потому прочтемъ.

ДЮМЕНЬ (*подбравъ клочки письма*).

Рука твоя, другъ Биронъ; вотъ и подпись.

БИРОНЪ (*Башкя*).

Ахъ, ты, подлецъ безмозглый! Для того
Родился ты, должно-быть, чтобъ позоромъ
Покрыть меня? Простите, государь,
Простите! Я виновень, я виновень!

КОРОЛЬ.

Въ чемъ, Биронъ, въ чемъ?

БИРОНЪ.

Вамъ, тремъ безумцамъ, я
Не доставалъ, чтобъ четверикъ безумцевъ
Составился. Онъ, онъ, и я, и вы,
Мой государь — любовные воришки
И умереть за это мы должны.
О, государь, велите постороннимъ
Уйти — и я вамъ многое скажу.

ДЮМЕНЬ.

Ну, вотъ число и четное.

БИРОНЪ.

Да, правда —

Насъ четверо. Что-жъ, эти голубки
Оставятъ насъ?

153

КОРОЛЬ.

Ступайте прочь.

БАШКА.

Уходить

Честной народъ и оставляетъ здѣсь
Измѣнниковъ. (*Уходитъ съ Жакнеттой*).

БИРОНЪ.

О, милые мессеры,

О, милые любовники, скорѣй
Обнимемся! Мы совершенно то же,
Что плоть и кровь. Какъ море непремѣнно
Должно имѣть приливъ свой и отливъ,
Какъ небосклонъ держать не можетъ скрытымъ
Свое лицо — такъ молодая кровь
Не слушаетъ отжившаго закона.
Не можемъ мы идти наперекоръ
Тому, что насъ заставило родиться.
Поэтому обѣтъ свой сохранить
Мы не могли.

КОРОЛЬ.

Такъ, значить, эти строки,
Что ты порвалъ, показывали намъ,
Что ты влюбленъ?

БИРОНЪ.

Что я влюбленъ? Кто могъ бы
Увидѣть Розалину-божество,
Чтобъ передъ ней не преклонить въ смиреньи
Своей главы — какъ упадаетъ ницъ
Дикарь-индусъ предъ первою зарею
Чудеснаго востока — и, внезапно
Ослѣпнувши, презрѣнный прахъ земли
Не лобызать своей покорной грудью?
Гдѣ тотъ орелъ, который бы дерзнулъ
Смотрѣть въ лучи лица ея — и взоровъ
Величіемъ ея не ослѣпить?

КОРОЛЬ.

Какой огонь — неистовство какое
Тобою овладѣло! Нѣтъ, предметъ
Моей любви — прелестный, кроткій мѣсяцъ,
И рядомъ съ ней красавица твоя,
Ея слуга, лишь спутникъ незамѣтный.

БИРОНЪ.

О, если такъ, то, значить, не глаза
Мои глаза, и я совсѣмъ не Биронъ!
Не будь моей возлюбленной — и ночь
Смѣнила бъ день; чудесные оттѣнки
Чудеснѣйшихъ цвѣтовъ сошлись всѣ,
Какъ на показъ, у ней на дивныхъ щечкахъ;
Въ ея лицѣ всѣ прелести слились
Между собой въ одно очарованье,

И нѣтъ черты, которая могла бѣ
Не вызывать высокихъ вождѣній!
О, гдѣ мнѣ взять звукъ трубный языка
Цвѣтистаго? Но нѣтъ, долой прикрасы
Реторики: не нужны ей онѣ!
Лестъ продавца нужна вещамъ продажнымъ;
Она жъ стоитъ превыше всѣхъ похвалъ,
И блескъ ея померкнуть можетъ только
Отъ похвалы чрезмѣрно-блѣдной. Пусть
Сѣдой монахъ, своей столѣтней жизнью
Измученный, посмотреть ей въ глаза –
И пятьдесятъ изъ этихъ ста сейчасъ же
Стряхнетъ съ себя. Отъ красоты ея
Становится новорожденной старость,
И въ колыбель младенчества костыль
Ложится вновь. О, Розалина — солнце,
Дающее чудесный блескъ всему!

Король.

Клянусь Творцомъ, твоя подруга сердца
Черна, какъ смоль.

Биронъ.

Ужели на нее
Похожа смоль? О, смоль, какъ ты прекрасна,
Божественна! Жену себѣ добыть
Изъ смоли — о, высокое блаженство!
Скажите мнѣ, кто можетъ изобрѣсть
Здѣсь клятву мнѣ? скажите, гдѣ святое
Евангеліе, чтобъ я поклясться могъ,
Что красота - не красота, коль только
Займствуетъ свое лицо она
Не изъ очей прекрасной Розалины;
Что ни одно лицо не хорошо,
Когда оно не такъ черно, какъ это.
О, парадоксъ! Вѣдь, черный цвѣтъ есть
цвѣтъ.

Король.

Темницъ и тьмы, вѣдь, онъ — ливрея ада;
А красота блеститъ, какъ небеса.

Биронъ.

Опаснѣйшіе демоны похожи
На ангеловъ. О, ежели чело
Возлюбленной моей покрыто чернымъ,

Такъ потому, что въ трауръ облекло
Оно себя при видѣ лицъ, покрытыхъ
Румянами, чужихъ волосъ — всего,
Что лживою наружностью чаруетъ
Влюбленнаго. Она явилась въ свѣтъ,
Чтобъ черный цвѣтъ прелестнымъ цвѣтомъ
сдѣлать.

Измѣнить онъ всю моду нашихъ дней;
Начнутъ считать естественный румянецъ
Накрашеннымъ и розовыя щеки,
Чтобъ избѣжать хуленія, начнутъ
Раскрашиваться черной краской, лишь бы
Съ ея лицомъ быть схожими.

Дюмень.

Вотъ что

Причиною, что трубочисты черны.

154

Лонгвиль.

Съ ея временъ и угольщики всѣ
Считаются красавцами.

Король.

И негры

Свой цвѣтъ лица находятъ съ той поры
Плѣнительнымъ.

Дюмень.

Для темноты не надо

Уже свѣчей, затѣмъ что темнота
Сама есть свѣтъ.

Биронъ.

Возлюбленные ваши

На улицу не выйдутъ подъ дождемъ,
Боясь, чтобъ онъ не смылъ съ лица ихъ
красокъ.

Король.

А вашей не мѣшало бы, мессеръ,
Пойти подъ дождь: сказать вамъ откровенно,
Есть много лицъ невымытыхъ, но все жъ
Ея лицо грязнѣе ихъ.

Биронъ.

Я буду

Доказывать, что хороша она,
Хотя бы мнѣ для этого пришлось
Не умолкать до страшнаго суда.

К О Р О Л Ъ .

А въ этотъ день и самый страшный дьяволъ
Тебя не испугаетъ, какъ она.

Д Ю М Е Н Ъ .

Я въ первый разъ встрѣчаю человѣка,
Цѣнящаго такой дрянной товаръ
Такъ высоко.

Л О Н Г В И Л Ъ (указывая на свой сапогъ).

Вотъ гдѣ твоя подруга:
Гдѣ мой сапогъ, тутъ и ея лицо.

Б И Р О Н Ъ .

О, если бы всѣ мостовыя были
Изъ глазъ твоихъ, все не могла бъ она
По нимъ ходить, не рана нѣжныхъ ножекъ.

Д Ю М Е Н Ъ .

Фи, стыдъ какой! Да, вѣдь, пройди она
По мостовой, такой, какъ эта, всѣ бы
Подумали, что головою внизъ
Она идетъ.

К О Р О Л Ъ .

Къ чему всѣ эти споры?
Какъ-будто мы не всѣ здѣсь влюблены?

Б И Р О Н Ъ .

Конечно, такъ, и, значить, всѣ мы клятву
Нарушили.

К О Р О Л Ъ .

Такъ прекратимъ же споръ;
А ты теперь, другъ Биронъ, постарайся
Намъ доказать, что наша страсть законна,
Что клятвы мы не нарушали.

Д Ю М Е Н Ъ .

Да,

Для нашего проступка оправданье
Найди скорѣй.

Л О Н Г В И Л Ъ .

Представь ты доводъ намъ,
Который бы намъ дѣйствовать позволилъ;
Найди софизмъ, уловку, что-нибудь,
Чѣмъ дьявола поймать.

ДЮМЕНЬ.

Найди лекарство
Для клятвопреступленья.

БИРОНЬ.

О, друзья,
Ихъ больше есть, чѣмъ слѣдуетъ. Внимайте,
Поборники любви! Вы поклялись
Постъ соблюдать, учиться и отречься
Отъ женщины — не такъ ли? Это все
Открытая измѣна государству,
Гдѣ молодость царить. Возможно-ль вамъ
Постъ соблюдать? Желудки ваши юны,
А долгій постъ недуги за собой
Всегда влечетъ. Вы поклялись учиться —
И клятвою такою отреклись
Отъ истинной науки. Можно-ль вѣчно
Намъ размышлять, мечтать и созерцать?
Возможно ли, чтобъ вы, мой повелитель,
Иль ты, иль ты, нашли благую суть
Познанія, не видя предъ собою
Красавицы? Доктрина эта мной
Изъ женскихъ глазъ почерпнута. Повѣрьте,
Они — тотъ міръ, та книга, тотъ разсадникъ
Познанія, откуда Прометей
Извлекъ огонь. Излишество ученья
Въ артеріяхъ сокъ жизни леденить,
Какъ долгое движеніе истощаетъ
Энергію у путника. Затѣмъ
Вы отреклись отъ женщины, и этимъ
Отъ глазъ своихъ и вмѣстѣ отъ науки —
Виновницы обѣта — отреклись.
Скажите мнѣ, какой писатель въ мірѣ
Вамъ разъяснить такую красоту,
Какъ женскій глазъ? Повѣрьте, вся наука -
Нашъ атрибутъ, не больше, и вездѣ,
Гдѣ сами мы, тамъ и наука наша.
Итакъ, когда у женщины въ глазахъ
Самихъ себя мы видимъ, развѣ тутъ же
Не видимъ и науки нашей? О,

Отъ всякихъ книгъ. Скажите откровенно,
Мой государь, и ты, и ты, нашли-ль
Когда-нибудь въ свинцовомъ созерцаньи
Вы тотъ огонь, которымъ чудный взглядъ
Красавицы такъ щедро, поэтично
Вась награждалъ? Другія всѣ науки
Лежать въ мозгу недвижно; слуги ихъ
Работаютъ бесплодно: скудной жатвой
Награждены ихъ тяжкіе труды.
Но та любовь, которой научаетъ
Взглядъ женщины, не будетъ взаперти
Лежать въ мозгу; о, нѣтъ, съ стихійной
 мощью,
Стремительно, какъ мысль, она бѣжитъ
По всей душѣ и удворяетъ силу
Всѣхъ нашихъ силъ, крѣпя и возвышая
Природу ихъ. Она даетъ глазамъ
Чудесную способность прозрѣванья;
Влюбленный глазъ способенъ ослѣпить
Орлиный взоръ; влюбленный слухъ услышитъ
Слабѣйшій звукъ, невнятный для ушей
Опасливаго вора; осязанье
Влюбленнаго чувствительнѣй, нѣжнѣй,
Чѣмъ нѣжный рогъ улитки; вкусъ влюбленный
Изященъ такъ, что Бахусъ-гастрономъ
Въ сравненіи съ нимъ обжора грубый. То же
И въ доблести: любовь, какъ Геркулесь,
На самый верхъ деревьевъ гесперидскихъ
Взбирается безъ усталости. Любовь
Умна, какъ Сфинксъ, чудесно-гармонична,
Какъ лира Аполлона. Чуть любовь
Заговорить, всѣ боги начинаютъ
Гармоніей баюкать небеса.
На всей землѣ не встрѣтите поэта,
Дерзнувшаго приняться за перо,
Не обмакнувъ его сперва въ прекрасныхъ
Слезяхъ любви; зато какъ мощно онъ
Своимъ стихомъ плѣняетъ слухъ суровый,
Какъ передъ нимъ въ смиреніи тиранъ
Склоняется! Друзья, доктрину эту
Я почерпнулъ изъ женскихъ глазъ. Они

Всегда горять, какъ пламень Прометей;
Они намъ все — наука, міръ искусствъ;
Они одни питають, разъясняютъ
И берегутъ вселенную; безъ нихъ
Нѣтъ для людей дороги къ совершенству.
Безумцами явились вы, когда
Отъ женщины подъ клятвой отреклись,
И будете безумцами, храня
Такой обѣтъ. Поэтому, во имя
Той мудрости, что дорога для всѣхъ,
И той любви, которой каждый дорожъ,
И тѣхъ мужчинъ, которые даютъ
Жизнь женщинамъ, и женщинъ тѣхъ чья
сила

Мужчинами насъ дѣлаетъ - нарушимъ
Разъ навсегда нашъ клятвенный обѣтъ,
Чтобы спасти самихъ себя; иначе,
Храня обѣтъ, себя погубимъ мы.
Такое нарушение клятвы - дѣло
Религіи; божественный законъ
Основанъ весь на милосердіи; кто же
Любовь отъ милосердія отдѣлитъ?

КОРОЛЬ.

Да здравствуетъ святой Амуръ! Солдаты,
Впередъ, на бой!

БИРОНЪ.

Развейте знамена -
И на враговъ ударимъ! Въ бурной схваткѣ
Повалимъ ихъ, и каждый нашъ ударъ
Пусть служитъ намъ началомъ къ размноженію.

ЛОНГВИЛЬ.

Теперь пора и къ дѣлу: толковать
Довольно. Что жъ, постановимъ рѣшеніе,
Что станемъ мы теперь искать любви
Француженокъ?

КОРОЛЬ.

Да, и притомъ стараться
Ихъ побѣдить. Поэтому, скорѣй
Придумаемъ, какимъ увеселеньемъ
Въ ихъ лагерьъ занять бы ихъ?

БИРОНЪ.

Сперва

Изъ парка мы проводимъ ихъ въ то мѣсто,
Гдѣ ихъ шатры разбиты; каждый пусть
Ведетъ свою возлюбленную, руку
Ея держа; а вечеромъ займемъ
Мы ихъ какимъ-нибудь увеселеньемъ
Особеннымъ, какое краткій срокъ
Позволить намъ придумать. Маскарады,
Балы, пиры, веселые часы
Предшествуютъ любви и усыпаютъ
Цвѣтами путь ея.

КОРОЛЬ.

Идемъ, идемъ —
И постараемся, чтобъ ни единый часъ
Безъ нашей выгоды не могъ пройти у насъ!

БИРОНЪ.

Идемъ. Вѣдь, изъ сѣмянъ травы совсѣмъ
негодной
Никто не добывалъ пшеницы благородной,
И правосудіе не станетъ никогда
Клонить свои вѣсы туда или сюда.
Быть можетъ, вѣтренницъ Богъ людямъ посылаетъ,
Чтобъ ими тѣхъ карать, кто клятву нарушаетъ.
Коль это намъ грозитъ — за мѣдный грошъ
простой
Приобрѣтемъ металлъ такой же дорогой.

(Уходятъ).

156

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

--

СЦЕНА I.

Въ паркѣ.

Входятъ НАТАНИИЛЬ, ОЛОФЕРНЪ и ТУПИЦА.

ОЛОФЕРНЪ. Satis quod sufficit.

НАТАНИИЛЬ. Восхваляю Господа за васъ. Ваши рѣчи во время обѣда были остры и преисполнены сентенцій, игривы безъ скоморошества, остроумны безъ аффектаціи, смѣлы безъ наглости, учены безъ педантизма и оригинальны безъ ереси. На сихъ дняхъ, quondam, бесѣдовалъ я съ однимъ изъ сотоварищей государя, титулъ коего или прозвание — донъ-Адріано де Армадо.

ОЛОФЕРНЪ. Novi hominen tanquam te. Это мужъ съ характеромъ надменнымъ, съ рѣчью рѣзкой, съ языкомъ острымъ, какъ ножъ, съ взоромъ честолюбивымъ, съ

походкой величественной. Вообще, манера его суетная, осмѣянія достойная и тразоническая. Онъ чрезмѣрно франтовать, чрезмѣрно аффектированъ, чрезмѣрно жеманень, чрезмѣрно странень, и при этомъ, если я могу такъ выразиться, чрезмѣрно иностранень.

НАТАНИИЛЬ (*записываетъ въ своей записной книжкѣ*). Весьма оригинальный и избранный эпитетъ!

ОЛОФЕРНЪ. Нить его словотеченія размотана тоньше, чѣмъ веревка его аргументаціи. Я ненавижу такихъ фанатиковъ-фантазеровъ, такихъ несообщительныхъ и угловатыхъ людей, такихъ палачей правописанія, которые произносятъ, напримѣръ, *ничего* вмѣсто *ничего*, *скушно* вмѣсто *скучно* и тому подобное. Это ужасно! Это доводитъ меня до insania! Ne intelligis, domine? Это дѣлаетъ меня бѣшенымъ, остервенѣлымъ.

НАТАНИИЛЬ. Laus Deo, bone intelligo.

ОЛОФЕРНЪ. Bone вмѣсто bene? Присціанъ получилъ пощечину, но ничего — сойдетъ.

НАТАНИИЛЬ. Videsne quis venit?

ОЛОФЕРНЪ. Video et gaudeo.

Входятъ Армадо, Моль и Башка.

АРМАДО (*шепелявя*). Суть!

ОЛОФЕРНЪ. Quare суть, а не шутъ?

АРМАДО. Привѣтствую васъ, люди мира!

ОЛОФЕРНЪ. И нашъ привѣтъ вамъ, воинственнѣйшій мужъ!

МОЛЬ (*тихо Башкѣ*). Они были на большомъ

157

пирѣ языковъ и унесли отсюда объѣдки.

БАШКА (*тихо Моли*). О, они всегда кормятся словами, выбрасываемыми въ помойную лохань. Удивляюсь я, какъ это твой баринъ не принялъ тебя до сихъ поръ за какое-нибудь слово и не съѣлъ. Потому что, вѣдь, ты, по крайней мѣрѣ, цѣлой головой ниже слова honorificabilitudinitatibus; тебя проглотить легче, чѣмъ поймать изюминку въ чашкѣ вина.

МОЛЬ. Молчи: перестрѣлка начинается.

АРМАДО (*Олоферну*). Monsieur, вы изъ ученыхъ?

МОЛЬ. О, да! о, да! Онъ учить дѣтей азбукѣ. (*Олоферну*). Если послѣ буквы б поставить е, что выйдетъ?

ОЛОФЕРНЪ. Выйдетъ *бе, бе, бе, pueritia*.

МОЛЬ. Бе, бе, бе! Заблеялъ, какъ баранъ — потому что въ самомъ дѣлѣ баранъ. (*Къ Армадо*). Вотъ, сударь, какой онъ у насъ ученый.

АРМАДО. Клянусь солеными волнами Средиземнаго моря — отличный ударъ, быстрое нападеніе ума! Разъ, два — и попалъ въ самый центръ! Это радуетъ мое пониманіе! Умъ несомнѣнный!

МОЛЬ. Поднесенный ребенкомъ старику, мозгъ котораго отъ старости превратился въ роговую оболочку.

ОЛОФЕРНЪ. Въ какую оболочку?

Моль. Въ роговую.

Олофернъ. Ты разсуждаешь, какъ дитя. Ступай-ка лучше гонять свой кубарь.

Моль. Одолжите мнѣ рогъ, изъ котораго сдѣланъ вашъ мозгъ — и я сдѣлаю себѣ изъ него кубарь и погоню его вмѣстѣ съ вашимъ позоромъ *circum circa*. Кубарь изъ рога роконосца — да это чудо что такое!

Башка. Будь мое все состояніе — одинъ грошъ, я и его отдалъ бы тебѣ на пряники. Но, вотъ возьми ретрибуцію, которую я получилъ сегодня отъ твоего господина: дарю ее тебѣ, маленькій кошелекъ остроумія, голубиное яйцо проницательности. О, еслибы небо захотѣло, чтобъ ты былъ хоть незаконнымъ сыномъ моимъ! Какого веселаго отца нашелъ бы ты во мнѣ! Да, братъ, у тебя ума, какъ говорятъ солдаты, полная лядунка.

Олофернъ. Чую скверную латынь: онъ произносить *лядунка* вмѣсто *ad inguit*.

Армадо. Ученый мужъ, *praeambula* — отдѣлимся отъ этихъ варваровъ. (*Отходитъ съ Олоферномъ въ сторону*). Скажите, вѣдь, это вы обучаете юношество въ той школѣ, что стоитъ на вершинѣ горы?

Олофернъ. Холма, хотите вы сказать?

Армадо. Это совершенно какъ вамъ будетъ угодно; пожалуй — холма.

Олофернъ. Я — безъ всякаго сомнѣнія.

Армадо. Королю благоугодно было возымѣть наклонность и желаніе принести принцессѣ поздравленіе въ ея павильонѣ; временемъ для этого онъ назначилъ заднюю часть дня, въ простонарѣчьи называемую «послѣ обѣда».

Олофернъ. «Задней частью дня», великодушнѣйшій вельможа, весьма прилично, умѣстно и цѣлесообразно выражаетъ понятіе о послѣобѣденномъ времени. Выраженіе это очень удачно прибрано, придумано, изобрѣтено — увѣряю васъ, милостивый государь мой, увѣряю васъ.

Армадо. Король — благородный дворянинъ и мой близкій, смѣю васъ увѣрить, мой душевный другъ. Не стану рассказывать вамъ о нашихъ отношеніяхъ. «Сдѣлай милость, оставь эти церемоніи! сдѣлай милость, надѣнь шляпу!» И все это говорится мнѣ среди самаго важнаго, самаго серьезнаго разговора — да, увѣряю васъ, самаго важнаго. Но въ сторону это. Скажу вамъ еще — и клянусь, что это правда — его величество нерѣдко соблаговоляетъ опираться на мое бѣдное плечо и царственнымъ пальцемъ своимъ гладить экскрементъ моей доблести, мои усы. Но и это въ сторону, драгоценный мой. Клянусь честью, я не басню вамъ рассказываю: не малыми специальными почестями удостоиваетъ его величество дон-Армадо, воина и путешественника, видѣвшаго свѣтъ! Но и это въ сторону. Результатъ всего вышесказаннаго — но, дорогой мой, умоляю васъ сохранить это въ тайнѣ — результатъ тотъ, что король желаетъ, чтобы я придумалъ для принцессы, этой милой овечки, какое-нибудь усладительное увеселеніе, спектакль, балетъ, фейерверкъ или что-нибудь такое! Поэтому, узнавъ, что священникъ и ваша милая особа мастера на подобныя импровизціи и внезапные взрывы веселости, я пришелъ познакомиться съ вами, съ цѣлью просить вашего содѣйствія.

ОЛОФЕРНЬ. Мессеръ, совѣтую вамъ представить принцессѣ «Девять героевъ». Достопочтеннѣйшій Натаніиль, дѣло идетъ объ увеселеніи, которое, по повелѣнію короля и просьбѣ сего изящнѣйшаго, доблестнаго и ученаго вельможи, должно быть, при нашемъ содѣйствіи, совершенно передъ принцессою сегодня, въ задней части дня.

158

Я говорю, что самое лучшее — представить «Девять героевъ».

НАТАНИИЛЬ. Гдѣ вы найдете людей, достойныхъ изображать этихъ людей?

ОЛОФЕРНЬ. Вы сыграете роль Иисуса Навина; я или этотъ доблестный вельможа — Иуду Маккавея; этотъ пастухъ, вслѣдствіе величины своихъ членовъ или сочлененій, представить великаго Помпея; наконецъ, пажъ — Геркулеса.

АРМАДО. Извините меня, но вы въ заблужденіи; пажъ не обладаетъ достаточной величиной для изображенія даже мизинца этого героя. Онъ меньше кончика его палицы.

ОЛОФЕРНЬ. Выслушаютъ ли меня до конца? Онъ представить Геркулеса въ младенчествѣ. Вся роль его будетъ состоять въ удушеніи змѣи, и для этой сцены я сочиню апологию.

МОЛЬ. Превосходная мысль! Такимъ образомъ, если кто-нибудь изъ зрителей свистнетъ мнѣ, вы можете закричать: «Браво, Геркулесъ: это ты душишь змѣю!» Это — средство сдѣлать изъ обиды похвалу — способность, которою обладаютъ немногіе.

АРМАДО. Ну, а какъ быть съ остальными героями?

ОЛОФЕРНЬ. Я сыграю троихъ.

МОЛЬ. О, трижды-герой!

АРМАДО. Сказать вамъ мое мнѣніе?

ОЛОФЕРНЬ. Мы слушаемъ.

АРМАДО. Если это не удастся, мы представимъ пантомиму. Умоляю васъ слѣдовать за мною.

ОЛОФЕРНЬ. *Via*, пріятель Тупица! Ты все это время не сказалъ ни слова.

ТУПИЦА. И ни слова не понялъ.

ОЛОФЕРНЬ. *Allons!* Мы и тебя употребимъ въ дѣло.

ТУПИЦА. Я буду танцовать, или играть на барабанѣ, чтобъ герои плясали подъ мою музыку.

ОЛОФЕРНЬ. Милѣйшій, честнѣйшій Тупица! Идемъ готовиться къ представленію!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Паркъ. Передъ шатромъ принцессы.

Входятъ ПРИНЦЕССА, КАТАРИНА, РОЗАЛИНА

и МАРІЯ.

ПРИНЦЕССА.

Ну, милыя, когда подарки будутъ
Попрежнему такъ сыпаться на насъ —
Мы богачами станемъ до отъѣзда.
Алмазами осыплютъ насъ: смотрите,
Что мнѣ прислалъ влюбленный государь!

РОЗАЛИНА.

И ничего при этомъ?

ПРИНЦЕССА.

Ничего?

Нѣтъ, столько риѣмъ любовныхъ, сколько
можетъ
Вмѣстить въ себѣ бумаги листъ, кругомъ
Исписанный и на поляхъ, и всюду;
А на его печати Купидонъ
Представлень былъ.

КАТАРИНА.

Мальчишка злой и скверный!

РОЗАЛИНА.

Да, онъ и ты друзьями никогда
Не будете: вѣдь, онъ убилъ стрѣлою
Твою сестру.

КАТАРИНА.

Да, сдѣлалъ онъ ее
Печальною, суровой, молчаливой —
И умерла отъ этого она.
О, будь она легка, какъ ты; такая жъ
Веселая, живая — умерла бъ
Прабабушкой она, какъ ты, конечно,
Умрешь: вѣдь, сердце легкое живетъ
До старости глубокой.

РОЗАЛИНА.

Мой мышонокъ,
Не придаешь ли слову «легкій» ты
Какое-то суровое значенье?

КАТАРИНА.

Да — легкій нравъ при мрачной красотѣ.

РОЗАЛИНА.

Побольше бы намъ свѣту, чтобъ яснѣе
Тебя понять.

КАТАРИНА.

Ты крылья обожжешь,
Когда огонь раздую я поярче;
Поэтому оставляю въ темнотѣ
Я мысль мою.

РОЗАЛИНА.

Да, ты привыкла дѣлать
Все въ темнотѣ.

КАТАРИНА.

Совсѣмъ не такъ, какъ ты.
Ты дѣйствуешь, какъ легкое созданье,
Всегда при всѣхъ.

159

РОЗАЛИНА.

Да, я не такъ, какъ ты,
Увѣсиста.

КАТАРИНА.

Вѣдь, ты меня ни разу
Не вѣсила - такъ взвѣшивать мои
Достоинства не можешь.

РОЗАЛИНА.

Кто ихъ взвѣситъ,
Когда они такъ страшно тяжелы?

ПРИНЦЕССА.

Вы обѣ въ умъ играете отлично:
Какъ мячъ, летитъ онъ отъ одной къ другой.
Но слушай-ка: и ты, вѣдь, Розалина,
Подарокъ получила? Кто тебѣ
Его прислалъ? Что это за подарокъ?

РОЗАЛИНА.

Сейчасъ скажу. Будь такъ же хорошо
Мое лицо, какъ ваше, мнѣ бѣ дарили
То, что и вамъ. Смотрите, вотъ что мной
Получено. При этомъ также Биронъ
Прислалъ стихи. Будь въ содержаньи ихъ
Соблюдена такая жъ точно вѣрность,
Какъ въ счетъ стопъ, была бѣ я на землѣ
Первѣйшею богиней. Двадцать тысячъ
Красавицъ я одна превосхожу!
О, мой портретъ въ своемъ письмѣ онъ

СЛОВНО

Нарисоваль!

ПРИНЦЕССА.

И что же? Сходство есть?

РОЗАЛИНА.

Да, въ буквахъ — есть, въ хваленяхъ —
никакого.

ПРИНЦЕССА.

Ты, значить, какъ чернило, хороша.
Сравненіе удачное, признаться!

КАТАРИНА.

Бѣла, какъ прописное *Б* въ тетрадкѣ.

РОЗАЛИНА.

О, берегись: въ долгу, вѣдь, не останусь
Я никогда! По-твоему, я *Б*?
А на твоёмъ лицѣ я съ грустью вижу
Такъ много *О*!

КАТАРИНА.

За злостныя слова
Желаю я, чтобъ оспую изрыло
Твое лицо!

ПРИНЦЕССА.

Ну, Катя, а тебѣ
Что подарилъ Дюмень?

КАТАРИНА.

Перчатку эту.

ПРИНЦЕССА.

Всего одну?

КАТАРИНА.

Нѣтъ, пару — и при ней
Милльонъ стиховъ влюбившагося сердца,
Чудовищный притворства переводъ,
Собраніе и глупости и скуки.

МАРІЯ.

А мнѣ Лонгвиль прислалъ вотъ этотъ жемчугъ
И съ нимъ стихи - стиховъ на полверсты.

ПРИНЦЕССА.

Да, кажется. Ты, вѣрно, бы желала,
Чтобъ жемчугъ былъ длиннѣе, а письмо —
Короче?

МАРІЯ.

Да, хотя бы приходилось
Объ этомъ мнѣ молиться вѣчно.

ПРИНЦЕССА.

О,
Какъ мы умны, что ловко такъ смѣемся
Надъ нашими вздыхателями!

РОЗАЛИНА.

Чтожъ,
Когда глупцы насмѣшки покупаютъ
Такъ дорого! Вотъ этотъ Биронъ: я
Его еще помучу до отъѣзда.
О, еслибъ мнѣ нанять его слугой
Хоть на одну недѣлю! Какъ бы ползаль
Онъ у меня! какъ умолялъ бы! какъ
Считалъ бы всѣ минуты! какъ искалъ бы
Удобную минуту! какъ бы умъ
Истрачивалъ въ стихахъ своихъ бесплодныхъ!
Какъ прихотямъ моимъ служилъ бы онъ!
Какъ былъ бы гордъ, что я его избрала
Предметомъ для насмѣшекъ! На него
Желала бъ я всегда имѣть такое
Вліянье безграничное, чтобъ онъ
Былъ мнѣ шуткомъ, а я его — судьбою.

ПРИНЦЕССА.

Никѣмъ нельзя такъ сильно завладѣть,
Какъ мудрецомъ, когда онъ сталъ безумцемъ
И въ сѣть попалъ. Безумье, изойдя

160

<На странице 161 расположена иллюстрация.>

Изъ мудрости, находить въ ней опору
И, сверхъ того, въ наукѣ для себя
Помощницу имѣть; тотъ же умъ,
Что сдѣлался безумцемъ, украшаетъ
Безуміе свое самимъ собой.

РОЗАЛИНА.

Кровь юноши кипитъ не такъ ужасно,

Какъ зрѣлый духъ, который возмущень
Любовью.

МАРІЯ.

Да, безуміе безумца
Всегда блѣдный безумья мудреца,
Затѣмъ что онъ усиливаетъ только
Своимъ умомъ безуміе свое.

ПРИНЦЕССА.

Вотъ и Бойе. Смотрите, какъ онъ веселъ!

Входитъ БОЙЕ.

БОЙЕ.

О, я умру отъ смѣха! Гдѣ ея
Высочество?

ПРИНЦЕССА.

Въ чемъ дѣло?

БОЙЕ.

Приготовьтесь,
Принцесса, приготовьтесь! Вы же всѣ
Къ оружію, къ оружію! Войною
Идутъ враги на вашъ покой. Любовь,
Подъ маскою, запасомъ аргументовъ
Вооружась, является. Врасплохъ
Застигнуть васъ; поставьте жъ подъ ружье
Умы свои; готовьтесь къ оборонѣ,
Иль, головы склоня, какъ подлый трусъ,
Бѣгите прочь.

ПРИНЦЕССА.

На бой съ святымъ Амуромъ,
Святой Денисъ! Но кто же это всталъ
На насъ войной? Скажи, шпионъ, скорѣе.

БОЙЕ.

Подъ тѣнію прохладной сикоморъ
Я собрался на полчаса въ дремотѣ
Сомкнуть глаза; вдругъ шумъ шаговъ нарушилъ
Спокойствіе мое: король и съ нимъ
Товарищи его шли прямо къ мѣсту,
Гдѣ я лежалъ. Тогда прокрался я
За ближній кустъ и услыхалъ оттуда
То, что и вы услышите сейчасъ.
Черезъ нѣсколько минутъ, переодѣты,

Они придутъ сюда. Герольдъ у нихъ —
Хорошенькій плутишка-пажъ. Онъ знаетъ
Всю роль свою отлично: какъ стоять,
Какъ говорить — все это показали
Они ему: «вотъ это говори,
Вотъ такъ держись». При этомъ опасались,
Что вы его сконфузите своимъ
Величіемъ. «Ты ангела увидишь, —
Сказалъ король, — но не страшись его
И смѣло говори». А пажъ на это:
«Вѣдь, ангелы не злы; я испугался бѣ,
Будь чортъ она». Тутъ стали всѣ они
Смѣяться, по плечу трепать плутишку
И похвалой старались ободрить.
Одинъ изъ нихъ теръ локоть свой вотъ
этакъ

И хохоталъ, и клялся, что еще
Ни разу онъ такихъ остротъ не слышалъ;
Другой кричалъ: «чтобъ ни случилось — мы
Свое возьмемъ» — и пальцами при этомъ
Онъ щелкалъ; третій весело плясалъ
И восклицалъ: «идетъ отлично дѣло!»
Четвертый сдѣлалъ быстрый пируэтъ
И шлепнулся. Затѣмъ ужъ всѣ на землю
Попадали и стали хохотать
Такъ искренно, что усмирить припадокъ
Безумнаго ихъ хохота пришли
Волненія торжественныя слезы.

ПРИНЦЕССА.

Какъ, какъ, Бойе? Они идутъ сюда,
Къ намъ въ гости?

БОЙЕ.

Да, къ намъ въ гости, москвичами
Иль русскими переодѣвшись всѣ.
Намѣрены они — какъ заключаю
Я изъ того, что слышалъ — здѣсь плясать,
Любезничать и веселиться съ вами.
И каждый тутъ откроется въ любви
Возлюбленной своей, ее узнавши
По тѣмъ вещамъ, которыя онъ далъ
Въ подарокъ ей.

ПРИНЦЕССА.

Такъ вотъ что! Ну, мы славно

Обманемъ ихъ. Надѣнемъ маски всѣ
И, какъ бы насъ они ни умоляли,
Не снимемъ ихъ. Ты, Розалина, мой
Брильянтъ возьмешь — и будетъ за тобою
Ухаживать король. Возьми, возьми
И дай мнѣ свой, чтобъ Биронъ Розалиной
Меня считалъ. (*Другимъ фрейлинамъ*).

Вы тоже межъ собой
Обмѣнитесь подарками — и ваши
Вздохатели, введенные въ обманъ,
Ухаживать примутся за чужими.

162

РОЗАЛИНА.

Пусть будетъ такъ. Надѣнемъ повиднѣй
Подарки ихъ.

КАТАРИНА.

Какую жъ цѣль, принцесса,
Имѣете вы въ этомъ?

ПРИНЦЕССА.

Цѣль моя —
Ихъ замыслы разрушить. Посмѣяться
Имъ хочется надъ нами — ну, и я
Хочу платить насмѣшкой за насмѣшку.
Пусть тайны всѣ души своей они
Откроютъ здѣсь возлюбленнымъ подложнымъ,
А мы потомъ надъ ними посмѣемся
При первомъ же свиданіи, когда
Увидимъ ихъ уже съ лицомъ открытымъ.

РОЗАЛИНА.

Но если насъ на танецъ пригласятъ,
Пойдемъ ли мы?

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, мы умремъ скорѣе,
Чѣмъ захотимъ ногой пошевелить.
На ихъ слова кудрявыя не будемъ
Мы отвѣчать ни слова, и чуть кто
Заговоритъ — сейчасъ къ нему спиною.

БОЙЕ.

Презрѣніемъ такимъ убьете вы
Ораторовъ, и память ихъ сейчасъ же
Придетъ въ разладъ съ ихъ ролью.

ПРИНЦЕССА.

Вотъ того

Я и хочу. Убѣждена я твердо,
Что, сбитый разъ, уже никто изъ нихъ
Не справится. Ахъ, что за наслажденье
Насмѣшниковъ насмѣшками давить
И, дѣлая ихъ замыслы своими,
Не уступать имъ ни за что своихъ!
Такъ дѣйствуя, одержимъ мы побѣду,
И со стыдомъ вернутся вспять они.

(За сценой трубы).

БОЙЕ.

Труба звучить! Идутъ! Надѣньте маски!

(Дамы надѣваютъ маски).

*Входятъ музыканты-мавры; за ними МОЛЬ,
КОРОЛЬ, БИРОНЪ, ЛОНГВИЛЬ и ДЮМЕНЬ;
всѣ они въ русскихъ костюмахъ и въ маскахъ.*

МОЛЬ.

«Первымъ красавицамъ въ міръ — привѣтъ
и хваленіе наше!»

БИРОНЪ *(въ сторону)*.

Красавицамъ — на сколько можетъ быть
Красавицей тафта богатой маски.

МОЛЬ.

«Группа святая прелестнѣйшихъ женщинъ,
какія
Къ смертнымъ когда-либо *(дамы поворачиваются спиной)*
спины свои обращали!»

БИРОНЪ *(тихо Моли)*.

Не спины, негодяй, а очи, очи!

МОЛЬ.

«Къ смертнымъ когда-либо очи свои обращали!»
Ду... ду... ду...

БИРОНЪ.

Дуракъ! Совсѣмъ онъ сбился съ толку!

МОЛЬ.

«О, духи небесные! молимъ мы васъ, удостойте
На насъ не смотрѣть...»

Б И Р О Н Ъ .

Смотрѣть, смотрѣть, мальчишка глупый!

М О Л Ъ .

«На насъ посмотрѣть удостойте очами, что
блещутъ, какъ солнце...

Очами, что блещутъ какъ солнце... какъ
солнце...»

Б О Й Е .

Нѣтъ; на такой эпитетъ не отвѣтятъ

Онѣ тебѣ. Ты долженъ бы сказать:

«Очами, что блещутъ, какъ очи прекраснѣйшей
дѣвы!»

М О Л Ъ .

Онѣ меня не слушаютъ — и это

Совсѣмъ меня сбиваетъ.

Б И Р О Н Ъ .

Такъ-то ты

И твердъ, и смѣлъ? Проваливай, негодный!

(Моль уходитъ).

163

Р О З А Л И Н А .

Чего хотятъ, зачѣмъ пришли сюда

Всѣ эти чужеземцы? Разузнайте

У нихъ, Бойе. Коль говорятъ они

На нашемъ языкѣ, то мы желаемъ,

Чтобъ кто-нибудь изъ нихъ намъ разъяснилъ

Цѣль этого визита. Разспросите,

Чего хотятъ они?

Б О Й Е .

Что нужно вамъ?

Б И Р О Н Ъ .

Намъ ничего не нужно, кромѣ мира

И добраго привѣта.

Р О З А Л И Н А .

Ну, чего жъ

Хотятъ они?

Б О Й Е .

Желають только мира

И добраго привѣта.

Р О З А Л И Н А .

Отвѣчать,
Что это имъ дано – и пусть уходятъ
Они домой.

Б О Й Е .

Принцесса говоритъ,
Что это вамъ дано - и что отсюда
Вы можете уйти.

К О Р О Л Ъ .

Скажите ей,
Что сотни дней мы шли сюда, чтобъ съ
ними
Хоть часъ одинъ на этой муравѣ
Потанцовать.

Б О Й Е .

Они сказать вамъ просятъ,
Что сотни дней шли для того, чтобъ съ вами
Хоть часъ одинъ на этой муравѣ
Потанцовать.

Р О З А Л И Н А .

Все это очень странно!
Спросите ихъ, какъ много въ днѣ одномъ
Полусекундъ? Они въ дорогѣ были,
Вѣдь, сотни дней, такъ разсчитать одинъ
Для нихъ легко.

Б О Й Е .

Когда въ дорогѣ были
Вы сотни дней, то отвѣчайте намъ:
Чтобъ день одинъ составить, сколько надо
Полусекундъ?

Б И Р О Н Ъ .

Прошу васъ отвѣчать,
Что намъ пришлось считать полусекунды
Страданьями.

Б О Й Е .

Принцесса хочетъ васъ
Сама просить.

Р О З А Л И Н А .

Скажите, сколько было
Полусекундъ страданія въ одномъ
Изъ сотни дней, что вы прошли?

БИРОНЪ.

Какъ-будто
Мы счетъ ведемъ тому, что ради васъ
Расходуемъ? Нѣтъ, мы такъ безконечно
Вамъ преданы, что цѣлый вѣкъ идти
Безъ счета дней могли бы. Удостоите
Сіяніе прекраснаго лица
Открыть для насъ, чтобъ, какъ дикарь,
простерлись
Мы передъ нимъ.

РОЗАЛИНА.

Мое лицо – луна,
Зашедшая за тучи.

КОРОЛЬ.

О, блаженство —
Быть тучами такими! Свѣтлый мѣсяцъ
И вы, сонмъ звѣздъ, вы, спутники его,
Сгоните эти тучи, и пролейте
Вашъ яркій блескъ на слезы нашихъ глазъ!

РОЗАЛИНА.

Ничтожное моленье! Попросите
Чего-нибудь получше. Блескъ луны
Въ струѣ воды — ну, стоитъ ли, скажите,
О томъ просить?

КОРОЛЬ.

Такъ удостоите съ нами
Протанцовать. Велѣли вы просить
Васъ о другомъ — а эту просьбу странной
Нельзя назвать.

РОЗАЛИНА.

Играйте, музыканты!

(Музыка играетъ).

Идите же скорѣе. Впрочемъ, нѣтъ —
Я танцовать не буду. Посмотрите,
Я, какъ луна, мѣняюсь.

КОРОЛЬ.

Танцовать

Не будете? Какая переѣна
Внезапная!

Розалина.

Вамъ полная луна
Сказала: «да»; но тутъ ужъ въ новый фазисъ
Она вошла.

Король.

И все-таки луной
Осталася, а я — ея слугою.
Оркестръ гремитъ. Я умоляю васъ
Послѣдовать за музыкой.

Розалина.

Ушами

Мы слѣдуемъ.

Король.

И ноги примутъ пусть
Участіе.

Розалина.

Вы чужестранцы: случай
Васъ къ намъ привелъ — и потому нельзя
Васъ мучить такъ. Давайте вашу руку.
Но танцовать не будемъ мы.

Король.

Къ чему жъ

Брать за руку?

Розалина.

Чтобъ дружески проститься:
Вотъ книксенъ мой - тутъ танцу и конецъ.

Король.

Какъ скупы вы!

Розалина.

За эту цѣну больше
Не можемъ дать.

Король.

Такъ не угодно ль вамъ
Сказать самимъ: за сколько продадите
Присутствіе свое?

РОЗАЛИНА.

Мы продадимъ его
За вашъ уходъ.

КОРОЛЬ.

Но это невозможно.

РОЗАЛИНА.

Поэтому и насъ купить нельзя.
Прощайте же — два раза вашимъ маскамъ,
Поль-раза — вамъ.

КОРОЛЬ.

Когда вамъ танцовать
Не хочется, продлимъ, по крайней мѣрѣ,
Нашъ разговоръ.

РОЗАЛИНА.

Но только не при всѣхъ!

165

КОРОЛЬ.

О, это мнѣ еще пріятнѣй будетъ!
(Отходятъ въ сторону).

БИРОНЪ *(принцессѣ).*

Красавица съ рукою бѣлоснѣжной,
На сладкое словечко...

ПРИНЦЕССА.

Сливки, медъ
И сахаръ - вотъ три сладкихъ слова.

БИРОНЪ.

Если

Ты лакомка такая - эти три
Удвою я: мальвазія, варенье
И патока. Сыгралъ я молодцомъ!
Шесть сладостей!

ПРИНЦЕССА.

А вотъ вамъ и седьмая:
Прощайте! Я съ фальшивымъ игрокомъ
Игры вести не стану.

БИРОНЪ.

По секрету

Позволь сказать мнѣ слово.

ПРИНЦЕССА.

Хорошо —

Но ужь никакъ не сладость.

БИРОНЪ.

Ты волнуешь

Всю желчь мою.

ПРИНЦЕССА.

Желчь? Это вещество —

Прегорькое.

БИРОНЪ.

И, значить, очень кстати.

(Отходятъ въ сторону).

ДЮМЕНЪ *(Маріи).*

Угодно ли вамъ будетъ обмѣнить
Со мной словцо?

МАРІЯ.

Какое? назовите.

ДЮМЕНЪ.

Красавица моя...

МАРІЯ.

И это все?

Красавецъ мой. Вотъ вамъ обмѣнъ на
вашу
«Красавицу».

ДЮМЕНЪ.

Позвольте вамъ сказать
Еще одно лишь слово по секрету —
И вслѣдъ за тѣмъ я съ вами распроцусь.

(Отходятъ въ сторону).

КАТАРИНА *(Лонгвилью).*

Послушайте, какъ видно, ваша маска
Безъ языка?

ЛОНГВИЛЬ.

Я знаю, почему
Такой вопросъ.

КАТАРИНА.

Неужто? Такъ скажите,
Пожалуйста, скорѣ мнѣ.

ЛОНГВИЛЬ.

У васъ
Подъ маскою — двойной языкъ, и вы бы
Хотѣли половиной изъ него
Снабдить мою нѣмую маску. Правда?

КАТАРИНА.

Veal, говорятъ голландцы. *Veal* у нихъ
И *правда*, и *теленекъ* означаетъ.
Какое же изъ этихъ словъ къ себѣ
Вы примѣнить хотите?

ЛОНГВИЛЬ.

Лучше — правду.

КАТАРИНА.

Нѣтъ, лучше бы теленка: вы его
Прокормите, вспоите - вотъ и выйдетъ
Быкъ изъ него.

ЛОНГВИЛЬ.

Насмѣшка ваша зла:
Вамъ хочется снабдить меня рогами?

КАТАРИНА.

А вамъ роговъ не хочется? Ну, что жъ —
До нихъ еще умрете вы теленкомъ.

ЛОНГВИЛЬ.

Пока я живъ, позвольте мнѣ сказать
Два слова по секрету.

КАТАРИНА.

Только тише
Совѣтую мычать — не то мясникъ
Услышитъ васъ.

(Отходятъ въ сторону).

БОЙЕ.

У дѣвушекъ-насмѣшницъ
Языкъ такъ остръ, какъ бритвы лезвее,

Что волосокъ, для глаза незамѣтный,

Разрѣзываетъ ловко; ихъ слова
Несутся такъ, что смысломъ не поймашь
Ихъ ни за что; а крылья ихъ остротъ
Быстрѣй стрѣлы, картечи, вѣтра, мысли,
Быстрѣй всего, что быстро.

РОЗАЛИНА.

Ну, мои
Красавицы, ни слова больше. Кончимъ.
Давно пора.

БИРОНЪ.

Чортъ побери! Насъ всѣхъ
Отдѣлали сухимъ презрѣньемъ славно!

КОРОЛЬ.

Прощайте же, безумныя! У васъ
Умъ слишкомъ простъ.

ПРИНЦЕССА.

Сто двадцать разъ прощайте,
О, москвичи замерзшіе — adieu!

(Король и его провожатые уходятъ).

Такъ вотъ каковъ тотъ сонмъ умовъ, которымъ
Дивятся всѣ!

БОЙЕ.

Свѣтильники они -
И только вы дыханьемъ кроткимъ вашимъ
Задули ихъ.

РОЗАЛИНА.

Заплылъ въ нихъ жиромъ мозгъ!
Толстъ, очень толстъ: ну, туша, просто
туша!

ПРИНЦЕССА.

О, бѣдный умъ! О, бѣдный государь,
Насмѣшками забитый! Остается,
Я думаю, сегодня ночью имъ
Повѣситься — или, по крайней мѣрѣ,
Къ намъ никогда впередъ не приходиться
Иначе, какъ подъ масками. А Биронъ,
А умникъ-то! Какъ растерялся онъ!

РОЗАЛИНА.

Да, были всѣ въ печальномъ положеніи!

Король едва не зарыдалъ, прося
Привѣтливаго слова.

ПРИНЦЕССА.

Биронъ, видя,
Что просьбы всѣ безплодны, клялся такъ,
Что просто страхъ.

МАРІА.

Дюмень себя и шпагу
Въ мое распоряженіе отдавалъ;
«Нѣтъ, не хочу!» сказала я – и тутъ же
Онъ онѣмѣлъ.

КАТАРИНА.

Лонгвиль мнѣ говорилъ,
Что у него ворочаю я сердце.
А знаете, какъ онъ назвалъ меня?

ПРИНЦЕССА.

Какъ? тошнотой?

КАТАРИНА.

Дѣйствительно.

ПРИНЦЕССА.

Скорѣе

Уйди отъ насъ, болячка!

РОЗАЛИНА.

Да, легко
Найти умы гораздо лучше этихъ
И подъ простымъ бумажнымъ колпакомъ.
Но знаете ль — король, вѣдь, мнѣ поклялся
Въ своей любви.

ПРИНЦЕССА.

А пылкій Биронъ мнѣ
Жизнь посвятилъ.

КАТАРИНА.

Лонгвиль на свѣтъ родился,
Чтобъ мнѣ служить.

МАРІА.

Дюмень соединень
Со мною такъ, какъ дерево съ корою.

БОЙЕ.

Послушайте, принцесса и вы всѣ,
Прекрасныя дѣвицы: скоро снова
И въ собственномъ ужъ видѣ всѣ они
Придутъ сюда: такого угощенья
Жестокаго, вѣдь, невозможно имъ
Переварить.

ПРИНЦЕССА.

Они придутъ къ намъ снова?

БОЙЕ.

Придутъ, придутъ, ей-Богу — и при томъ
Съ веселыми прыжками, хоть хромаютъ
Отъ вашихъ рукъ порядочно. Итакъ,
Пусть каждая свой собственный подарокъ
Возьметъ къ себѣ — и чуть они придутъ,
Раскройтесь вы, какъ дорогія розы
Подъ вѣяньемъ весны.

167

ПРИНЦЕССА.

Раскрыться намъ?

Раскрыться намъ? Яснѣе говорите!

БОЙЕ.

Красавица, когда ея лицо
Подъ маскою, есть роза, только въ почкѣ;
Чуть маску снять — всѣ чудные цвѣта
Являются глазамъ — и это ангелъ,
Поднявшійся изъ облаковъ своихъ,
Или цвѣтокъ раскрывшійся!

ПРИНЦЕССА.

ДОВОЛЬНО.

Шумиха словъ! Что жъ станемъ дѣлать мы,
Когда они придутъ уже не въ маскахъ
Ухаживать за нами?

РОЗАЛИНА.

Мой совѣтъ

Угодно ли вамъ выслушать, принцесса?
Давайте имъ въ лицо смѣяться такъ,
Какъ только-что надъ масками смѣялись.
Мы съ жалобы начнемъ на дураковъ,
Которые здѣсь были въ русскомъ платьѣ,
Одѣтые уродами; начнемъ
Разспрашивать, какіе это люди

И для чего у насъ въ шатрахъ они
Исполнили прологъ свой безтолковый,
Свой жалкій фарсъ, комедію свою
Грубѣйшую?

Б О Й Е .

Скорѣе удалитесь!
Они идутъ.

П Р И Н Ц Е С С А .

Бѣжимъ въ свои шатры,
Какъ мчится лань широкою поляной.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Бойе).

*Входятъ Король, Биронъ, Лонгвиль и
Дюменъ въ обыкновенномъ платьѣ.*

К О Р О Л Ъ .

Мессеръ Бойе, Богъ въ помощь! Гдѣ принцесса?

Б О Й Е .

Въ своемъ шатрѣ. Осмѣлюсь ли спросить,
Что вашему величеству угодно
Ей передать?

К О Р О Л Ъ .

Скажите, что прошу
Позволить мнѣ сказать ей два-три слова.

Б О Й Е .

Сейчасъ спрошу — и знаю, что она,
Мой государь, исполнить вашу волю.

(Уходитъ).

Б И Р О Н Ъ .

Вотъ человѣкъ, который клюетъ умъ,
Какъ голубь - хлѣбъ и послѣ извергаетъ
Опять его, когда прикажетъ Богъ.
Умомъ враздробъ торгуетъ онъ; разноситъ
Онъ свой товаръ по вечерамъ, баламъ,
Собраніямъ, по ярмаркамъ, по рынкамъ;
А намъ, что умъ лишь оптомъ продаемъ —
Намъ никогда сбывать не удастся
Товаръ лицомъ такъ ловко. Этотъ франтъ
Прикалываетъ женщинъ, какъ булавкой,
На свой рукавъ. Когда бъ онъ былъ Адамъ,
Ни кто, какъ онъ, не соблазнилъ бы Еву.

При этомъ онъ картавитъ хорошо
И рѣжетъ дичь искусно. Поглядите,
Какъ собственную руку цѣловать
Умѣетъ онъ въ знакъ вѣжливости свѣтской!
Мартышка всѣхъ приличій модныхъ, франтъ
Изящнѣйшій, онъ, и играя въ кости,
Отборными словами ихъ бранить.
А какъ поетъ! Теноръ, какихъ немного!
Какъ этикетъ онъ знаетъ! Тутъ его
Не превзойдетъ никто на свѣтѣ. Дамы
Его зовутъ «мой милый!» А когда
По лѣстницѣ онъ всходитъ, всѣ ступени
Его цѣлуютъ въ пятку. Онъ — цвѣтокъ,
Что каждому даритъ свою улыбку,
Чтобъ рядъ зубовъ, блестящихъ бѣлизной,
Какъ усь кита, показывать. И души,
Что не хотятъ въ долгахъ окончить жизнь,
Зовутъ его «Бойе медоточивый».

КОРОЛЬ.

Чортъ побери его медоточивость!
Черезъ нее мальчишка Моль забылъ
Всю роль свою.

БИРОНЪ.

Вотъ и онъ, смотрите!

Входятъ ПРИНЦЕССА, РОЗАЛИНА, МАРІЯ,
КАТАРИНА и БОЙЕ.

БИРОНЪ (*смотря на Бойе*).

Приличіе изящное, скажи,
Чѣмъ было ты, пока тебя не началъ
Выказывать вотъ этотъ шутъ, и чѣмъ
Ты сдѣлалось теперь?

КОРОЛЬ.

Привѣтъ, принцесса,
Привѣтъ мой вамъ! Да ниспошлетъ вамъ
Богъ
Въ сей ясный день *наградъ*, какъ можно
больше!

ПРИНЦЕССА.

Какъ, ясный день и съ *градомъ*?

КОРОЛЬ.

О, зачѣмъ

Мои слова толкуете такъ дурно?

ПРИНЦЕССА.

А вы зачѣмъ желанія свои
Такъ дурно выражаете?

КОРОЛЬ.

Принцесса,
Мы съ тѣмъ пришли, чтобъ всѣхъ васъ
проводить
Ко мнѣ въ дворецъ. Прошу васъ, удостойте
Согласіемъ.

ПРИНЦЕССА.

Король, останусь я
Здѣсь на полѣ, а вы при клятвѣ вашей
Обязаны остаться. Ни Господь,
Ни я не любимъ клятвопреступленья.

КОРОЛЬ.

О, для чего въ томъ упрекать меня,
Чему виной вы сами? Только сила
Прекрасная глазъ вашихъ привела
Меня къ тому.

169

ПРИНЦЕССА.

Не называйте силой
Прекрасною того, что надо звать
Лишь слабостью порочной. Эта сила
Прекрасною не станетъ никогда
Вести людей на клятвопреступленье.
Узнайте же - и въ этомъ я клянусь
Вамъ дѣвственной честию, столь же чистой,
Какъ лилія чистѣйшая - хотя бъ
Мнѣ вынести пришлось міръ цѣлый пытокъ,
Я не войду, какъ гостя, въ вашъ дворецъ:
Такъ я боюсь заставить васъ нарушить
Тотъ клятвенный обѣтъ, что небесамъ
Такъ искренно вы дали.

КОРОЛЬ.

О, вы жили
Въ пустынѣ здѣсь, невидимы никѣмъ,
Покинуты на посрамленье наше.

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, государь, клянусь вамъ, это все
Совсѣмъ не такъ: мы здѣсь имѣли тоже
Забавныя увеселенья. Вотъ,
За нѣсколько минутъ гостями были
Здѣсь русскіе.

КОРОЛЬ.

Какъ, русскіе?

ПРИНЦЕССА.

Да, да;

Все славныя такіе кавалеры,
Любезники и щеголи.

РОЗАЛИНА.

Къ чему

Скрывать отъ нихъ? Нѣтъ, государь, принцесса,
Изъ вѣжливости только и слѣдя
За модою, не по заслугамъ хвалить.
А дѣло въ томъ, что четверо мужчинъ,
Одѣтые по-русски, навѣстили
Насъ четверыхъ. Они здѣсь были часъ,
Безъ умолку болтали, но, повѣрьте,
За цѣлый часъ хотя бъ одно словцо
Счастливое они намъ подарили.
Не смѣю я глупцами ихъ назвать,
Но думаю, что каждый разъ, какъ жажду
Почувствуютъ они, такъ дуракамъ
Пить хочется.

БИРОНЪ.

Сухой насмѣшку эту
Я нахожу. Красавица моя,
Отъ вашего ума мудрецъ глупѣть.
Какіе бы здоровые глаза
Ни устремить на глазъ горящій неба –
Отъ свѣта свѣтъ сейчасъ померкнетъ въ
нихъ.

Вотъ такъ и вы: сокровища такіа
Вмѣстились въ васъ, что подлѣ нихъ мудрецъ
Является глупцомъ, богатый - нищимъ.

РОЗАЛИНА.

Такъ, значитъ, вы – богатый и мудрецъ,
Затѣмъ что вы мнѣ кажетесь...

Биронъ.

И нищимъ,

И дуракомъ?

Розалина.

Могла бь сердиться я,
Что рвете вы слова мои насильно
Изъ губъ моихъ, не отнимай вы то,
Что только вамъ принадлежитъ.

Биронъ.

О, вѣрьте,

Я весь, со всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ,
Навѣки вашъ.

Розалина.

Какъ, весь глупецъ?

Биронъ.

Я меньше

Дать не могу.

Розалина.

Какую маску здѣсь
Носили вы?

Биронъ.

Когда? какую маску?
Что за вопросъ?

Розалина.

Ту самую, мессеръ,
Ту самую излишнюю покрывку,
Что самое сквернѣйшее лицо
Припрятала, а лучшее - открыла.

Король.

Мы узнаны; не обобратъся намъ
Насмѣшекъ злыхъ.

Дюменъ.

Сознаемся-ка сами
И обратимъ все въ шутку.

Принцесса.

Государь,

Вы смущены, какъ кажется? Что значить

Вашъ грустный видъ?

Р О З А Л И Н А .

Ахъ, Боже, упадетъ
Онъ въ обморокъ! Скорѣ помогите!
За голову держите... Государь,
Какъ блѣдны вы! Болѣзнь морская, видно...
Не мудрено — вѣдь, плыли изъ Москвы!

Б И Р О Н Ъ .

Когда съ небесъ за клятвопреступленье
Летить на насъ такъ много страшныхъ каръ,
Чей мѣдный лобъ сносить ихъ въ состояньи?
Красавица, я весь передъ тобой!
Рази меня энергіей своею,
Дави меня насмѣшками, убей
Сарказмами, пронзи умомъ колючимъ
Невѣжество мое, разрѣжь въ куски
Меня твоимъ воображеньемъ острымъ!
О, никогда отнынѣ я тебя
Не приглашу на танецъ; въ русскомъ платьѣ
Я не приду ни разу. Никогда
Отнынѣ я не стану довѣряться
Заранѣ написаннымъ рѣчамъ
Иль языку мальчишки. Не приду я
Подъ маскою къ возлюбленной моей;
Не положу любовь мою на риѣмы,
Какъ музыкантъ слѣпой. Весь этотъ сбродъ
Тафтяныхъ фразъ, рѣчей, изъ шелка свитыхъ,
Гипербола трехъ-этажныхъ, пышныхъ словъ,
Надутаго педантства — эти мухи
Зловредныя кусали такъ меня,
Что я распухъ. Отъ нихъ я отрекаюсь
И бѣлою перчаткою моей -
А какъ рука бѣла, извѣстно Богу —
Клянусь тебѣ отнынѣ чувства всѣ
Моей любви высказывать посредствомъ
Сермяжнаго простого *да*, иль *нѣтъ*
Изъ честнаго холста. И для начала,
Красавица — ну, Господи спаси! —
Люблю тебя я крѣпко, безъ малѣйшей
Задоринки, безъ малаго сучка.

Р О З А Л И Н А .

Оставьте это «безъ».

БИРОНЪ.

Опять припадокъ
Стариннаго безумья! Но прости -
Вѣдь, боленъ я. Терпѣнье! Понемногу
Пройдетъ болѣзнь.

(Указывая на остальныхъ мужчинъ).

Красавицы мои,
На этихъ трехъ надѣньте надпись : «Боже,
Помилуй насъ!» Они заражены:
Чума прошла въ сердца. Зараза эта
Пристала къ нимъ отъ вашихъ глазъ. Они
Зачумлены – и васъ постигнетъ то же:
Я вижу, всѣ вы знакомъ роковымъ
Отмѣчены.

ПРИНЦЕССА

(показывая на свой подарокъ).

Тѣ, отъ которыхъ знаки
Достались намъ, ихъ могутъ взять назадъ.

БИРОНЪ.

И безъ того мы бѣдны: не старайтесь
Насъ разорить.

РОЗАЛИНА.

Напрасная боязнь:
Кто станетъ разорять пустую землю?

БИРОНЪ.

Молчите; съ вами не хочу имѣть
Я дѣла никакого.

РОЗАЛИНА.

Точно также
И съ вами — я, пока располагать
Собой могу.

БИРОНЪ.

Мессеры, говорите
Вы сами за себя: я весь свой умъ
Ужъ истощилъ.

КОРОЛЬ.

Прекрасная принцесса,
Скажите, чѣмъ могли бѣ мы хорошо
Загладить нашъ дурной поступокъ?

ПРИНЦЕССА.

Средство

Вѣрнѣйшее — сознанье. Это вы
За нѣсколько минутъ здѣсь были въ маскѣ?

КОРОЛЬ.

Да, это я.

ПРИНЦЕССА.

И дѣлали вы все
Обдуманно?

КОРОЛЬ.

Да, милая принцесса.

ПРИНЦЕССА.

Итакъ, когда вы это были здѣсь —
Скажите, что шептали вашей дамѣ
Вы на ухо?

171

КОРОЛЬ.

Что выше, чѣмъ весь міръ,
Я чту ее.

ПРИНЦЕССА.

Когда она поймаетъ
Васъ на словѣ, вы отъ нея тотчасъ
Отступитесь.

КОРОЛЬ.

О, нѣтъ — клянусь вамъ честью!

ПРИНЦЕССА.

Т-съ, государь, молчите! Разъ уже
Нарушили вы клятву, и хотите
Нарушить вновь.

КОРОЛЬ.

Принцесса, если я
Нарушу *эту* клятву — презирайте
Меня всегда.

ПРИНЦЕССА.

Да, буду презирать —
И потому, смотрите! Розалина,
Что русскій твой здѣсь на ухо тебѣ
Шепталъ? скажи.

РОЗАЛИНА.

Что, какъ зѣница ока,
Я дорога ему, что цѣлый свѣтъ
Онъ за меня готовъ отдать охотно,
Что, наконецъ, онъ женится на мнѣ,
Иль до смерти останется влюбленнымъ.

ПРИНЦЕССА.

Такъ пусть Господь порадуетъ тебя
Союзомъ съ нимъ! Монархъ нашъ благородный
Отъ слова не отступитъ.

КОРОЛЬ.

Что сказать
Хотите вы? Клянусь вамъ жизнью, честью,
Я никогда не клялся въ этомъ ей!

РОЗАЛИНА.

Свидѣтель Богъ, вы клялись, и, чтобъ клятву
Запечатлѣть, мнѣ дали эту вещь;
Но вамъ ее я отдаю обратно.

КОРОЛЬ.

Я эту вещь и клятвенный обѣтъ
Принцессѣ далъ, при чемъ узналъ принцессу
По моему брильянту, что висѣлъ
На рукавѣ ея.

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, вы ошиблись:
Брильянтъ вашъ былъ на Розалинѣ; мнѣ жъ
Въ поклонники достался, къ счастью, Биронъ.
(Бирону). Кого же взять хотите вы: меня
Иль жемчугъ вашъ?

БИРОНЪ.

Ни васъ, ни жемчугъ; оба
Не нужны мнѣ. Теперь я понялъ все.
Узнавъ нашъ планъ, здѣсь повели интригу,
Чтобъ освистать его, какъ глупый фарсъ
Рождественскій. Какой-то скверный сплетникъ,
Дуракъ-болтунъ, разносчикъ новостей,
Шутъ, блюдолизъ, который отъ улыбокъ
Свое лицо морщинами покрылъ
И знаетъ, чѣмъ заставить нашихъ барынь
Похохотать, когда онѣ не прочь

Отъ этого — онъ разболталъ, конечно,
Нашъ замыселъ. Узнавъ о томъ, онъ
Подарками сейчасъ же обмѣнялись,
И, знаками введенные въ обманъ,
Мы знакамъ тѣмъ любовь свою открыли,
И, стало-быть, усилили еще
Свою вину, нарушивъ дважды клятву:
Сперва по доброй волѣ, а потомъ
По милости обмана. (*Къ Бойе*). Ужъ не вы ли
Разрушили нашъ планъ, чтобъ сдѣлать насъ
Отступниками клятвы? Вы у барынь
Снимаете, вѣдь, мѣлочку съ ноги,
Хохочете, чуть только вамъ глазами
Онъ мигнуть, стоите межъ огнемъ
И ихъ спиной съ тарелкой и острите
Безъ умолку! Вы нашего пажа
Сконфузили. О, да, вамъ все на свѣтѣ
Позволено! Когда бъ вы умереть
Ни вздумали, вашъ саванъ будетъ юбка.
Коситесь вы, я вижу, на меня.
Вотъ страшный взглядъ: онъ ранить, точно
сабля
Свинцовая.

Б О Й Е .

Какъ бодро пробѣжалъ
Съ копьемъ въ рукѣ онъ эту всю арену!

Б И Р О Н Ъ .

Онъ, кажется, собирается на бой;
Но кончилъ я — и миръ провозглашаю!

Входитъ БАШКА .

Б И Р О Н Ъ .

Привѣтъ тебѣ, чистѣйшій умъ! Пришелъ
Ты кончить споръ чудесный!

БАШКА .

О, Создатель

172

Меня за тѣмъ прислали, чтобъ узнать,
Идти ли «тремъ героямъ», иль не надо?

Б И Р О Н Ъ .

Да развѣ ихъ тамъ только трое?

БАШКА.

Да-съ,

Но это все чудесно вышло: каждый
Изъ нихъ идетъ за трехъ.

БИРОНЪ.

А трижды три —

Вѣдь, девять.

БАШКА.

Нѣтъ, позвольте; нѣтъ, не девять.
Надѣюсь я: не идіоты мы.
Ужъ вѣрьте мнѣ, мы знаемъ то, что знаемъ.
Надѣюсь я, мессеръ, что трижды-три....

БИРОНЪ.

Не девять?

БАШКА.

Нѣтъ, ужъ вы позвольте. Знаемъ
Мы хорошо, какъ это сосчитать.

БИРОНЪ. Клянусь Юпитеромъ, я всегда думалъ, что трижды-три — девять.

БАШКА. О, Господи! Какая бы это была жалость, если бъ вамъ пришлось
заработывать хлѣбъ ариѳметикой!

БИРОНЪ. Сколько же трижды-три?

БАШКА. О, Боже ты мой! Сами герои, актеры-то, покажутъ вамъ, сколько это
составляетъ. А я собственно, какъ они говорятъ, долженъ представлять одного
только господина, и неважнаго господина: Помпіона какого-то Великаго.

БИРОНЪ. Такъ ты тоже одинъ изъ «героевъ»?

БАШКА. Имъ было угодно найти, что я достоинъ быть Помпіономъ Великимъ.
Что это былъ за герой, я, признаться, и не знаю, а только мѣсто его займу.

БИРОНЪ. Ступай, скажи, чтобъ они приготовились.

БАШКА. Мы ужъ это дѣло славно оборудуемъ; ужъ постараемся со всякимъ
усердіемъ. (*Уходитъ*).

КОРОЛЬ.

Они, вѣдь, насъ стыдомъ покроютъ, Биронъ:
Не надо ихъ впускать сюда.

БИРОНЪ.

И такъ

Мы терпимъ стыдъ, мой государь, и будетъ
Довольно политично, если мы
Покажемъ фарсъ грубѣй того, что сыгранъ
Былъ королемъ и трупною его.

КОРОЛЬ.

Не надо ихъ впускать, я повторяю.

ПРИНЦЕССА.

Позвольте мнѣ, мой добрый государь,
Васъ упросить. Пріятна та забава,
Что нравится помимо своего
Старанія. Когда усердье тщится
Намъ угодить и всѣ его труды
Отъ рвенія самихъ актеровъ гибнутъ,
Тогда смѣсь формъ является сама
Уродливой и шутовскою формой,
И эти всѣ тяжелые труды
При самомъ ихъ рожденіи умираютъ.

БИРОНЪ.

Какъ правильно изобразили вы
Комедію, разыгранную нами!

Входитъ АРМАДО.

АРМАДО. Помазанникъ Божій, умоляю тебя истратить такое количество твоего благодатнаго царственнаго дыханія, какое потребно для произнесенія двухъ словъ. *(Отходитъ въ сторону съ королемъ и передаетъ ему бумагу).*

ПРИНЦЕССА. Скажите, этотъ человѣкъ служить Богу?

БИРОНЪ. Почему вы это спрашиваете?

ПРИНЦЕССА. Потому что онъ не говоритъ такъ, какъ говорятъ люди, созданные по подобію Божьему.

АРМАДО *(вслухъ королю)*. Это все равно, мой прекрасный, драгоценный, медоточивый монархъ; ибо я клянусь, что школьный учитель надѣленъ чрезмѣрною фантастичностью; онъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ тщеславенъ, но мы все-таки рискнемъ, положимся на fortuna della guerra. Желаю тебѣ, о, царственная чета, душевнаго спокойствія!

(Уходитъ).

КОРОЛЬ. Мы увидимъ сейчасъ недурное собраніе героевъ. Вотъ этотъ, что только-что вышелъ, изображаетъ Гектора троянскаго; пастухъ – Помпея Великаго; приходскій священникъ – Александра; пажъ Армадо – Геркулеса; педантъ-учитель – Іуду Маккавея.

Когда жъ четыре сихъ героя
Понравятся въ роляхъ своихъ,

173

То, въ платьѣ облачась другое,
Они сыграютъ остальныхъ.

БИРОНЪ.

Но ихъ не четверо, а пять.

КОРОЛЬ.

Вѣрнѣй должны вы сосчитать.

БИРОНЪ. Педантъ, фанфаронъ, попъ, шутъ и мальчишка.
И ни въ какой игрѣ, какъ ни бросай костей,
Ужъ пятерикъ такой не выкинешь, ей-ей!

КОРОЛЬ.

Корабль подъ парусомъ, и вотъ онъ у дверей.

*(Всѣ садятся. Начинается представленіе
интермедіи «Девять героев»).*

Входитъ БАШКА, изображающій Помпея.

БАШКА *(декламируя)*.

«Я — Помпей...»

БОЙЕ. Ты лжешь!

БАШКА.

«Я — Помпей...»

БОЙЕ. Съ головой леопарда на колѣнѣ.

БИРОНЪ. Славно сказано, старый насмѣшникъ! Послѣ этого я мирюсь съ тобою.

БАШКА.

«Я — Помпей, Помпей, который прозванъ
Толстымъ...»

ДЮМЕНЪ. Великимъ.

БАШКА. Точно, мессеръ — великимъ.

«Я — Помпей, Помпей, который прозывается
Великій;

Я, врага разившій часто и щитомъ моимъ
и пикой,

Я приплылъ сюда случайно, и оружіе теперь
Здѣсь у ногъ твоихъ слагаю, королей французскихъ
дщерь!»

Если вашему высочеству угодно будетъ сказать мнѣ: «спасибо, Помпей», то я кончилъ.

ПРИНЦЕССА. Очень тебѣ благодарна, великій Помпей.

БАШКА. Не стоитъ такой большой благодарности; но, надѣюсь, что сыгралъ молодцомъ. Вотъ только маленькую ошибку сдѣлалъ въ словѣ «великій».

БИРОНЪ. Ставлю мою шляпу противъ мѣднаго гроша, что Помпей окажется лучшимъ изъ героевъ.

Входитъ НАТАНИИЛЪ, въ роли Александра.

НАТАНИИЛЪ *(декламируя)*.

«Когда я въ мірѣ жилъ, я міромъ управлялъ;

Югъ, сѣверъ, и востокъ, и западъ побѣждалъ;
Мой гербъ – свидѣтельство, что я тотъ
Александръ...»

БОЙЕ.

Вашъ носъ - свидѣтельство, что вы не Александръ;
Онъ слишкомъ прямъ.

БИРОНЪ (*къ Бойе*).

А вашъ почуялъ это.
Чутье у васъ тончайшее, мессеръ.

ПРИНЦЕССА.

Совсѣмъ смущенъ завоеватель! Добрый
Мой Александръ, прошу васъ продолжать.

НАТАНИИЛЬ (*декламируя*).

«Когда я въ мірѣ жилъ, я міромъ управлялъ...»

БОЙЕ.

Да, Александръ, ты точно міромъ правилъ.

БИРОНЪ (*Башкѣ*).

Герой Помпей!

БАШКА.

Башка и вашъ слуга!

БИРОНЪ. Уведи-ка ты завоевателя, уведи Александра.

БАШКА (*Натаниилу*). О, сударь, вы погубили Александра завоевателя! За это съ васъ снимутъ разрисованное платье и вашего льва, который сидитъ съ своимъ оружіемъ на ночномъ стулѣ, отдадутъ Аяксу: онъ будетъ девятый герой. Завоеватель, а боится говорить! Стыдъ какой! Бѣги, Александръ! (*Натанииль уходитъ*). Онъ, съ вашего позволенія, тихенькій дурачокъ. И честный-то человѣкъ, да его сейчасъ собьешь съ толку. Сосѣдъ онъ чудесный, увѣряю васъ; въ шары тоже славно играетъ; но для Александра — сами изволите видѣть — не совсѣмъ-то годится. Зато — вотъ идутъ другіе герои; они заговорятъ совсѣмъ иначе.

ПРИНЦЕССА. Посторонись, добрый Помпей.

(*Башка уходитъ*).

174

*Входятъ ОЛОФЕРНЪ, въ роли Иуды Маккавея,
и МОЛЬ, въ роли Геркулеса.*

ОЛОФЕРНЪ (*декламируя*).

«Здѣсь Геркулесомъ великимъ является
этотъ ребенокъ -
Тѣмъ, что Цербера дубиной убилъ — трехголового
capus;

Будучи малымъ младенцемъ, дитятей, едва
изъ пеленокъ,
Змѣевъ огромныхъ вотъ такъ удушаль въ
своихъ собственныхъ *manus*.

Quoniam онъ малолѣтнимъ является,
Ergo онъ мной восхваляется.»

(Моли).

Укрась величіемъ твой *exit* и исчезни.

(Моль уходитъ).

ОЛОФЕРНЪ (продолжая декламировать).

«Іуда я...»

ДЮМЕНЬ. Іуда!

ОЛОФЕРНЪ. Не Искаріотскій.

«Іуда я, что прозванъ Маккавеемъ...»

ДЮМЕНЬ. Отыми Маккавея, останется все-таки Іуда.

БИРОНЪ. Лобызающій измѣнникъ, какъ это ты сдѣлался Іудой?

ОЛОФЕРНЪ.

«Іуда я...»

ДЮМЕНЬ. Тѣмъ болѣе это стыдно тебѣ, Іуда!

ОЛОФЕРНЪ. Позвольте!

БОЙЕ. Позволяю Іудѣ пойти и повѣситься.

ОЛОФЕРНЪ. Извольте показать примѣръ — вы старшій.

БИРОНЪ. Недурно сказано!

ОЛОФЕРНЪ. Я не позволю оскорблять меня въ лицо.

БИРОНЪ. Потому что у тебя не лицо.

ОЛОФЕРНЪ (показывая на свое лицо).

А это что жъ такое?

БОЙЕ. Голова волынки.

ДЮМЕНЬ. Голова гвоздя.

БИРОНЪ. Физіономія смерти, вырѣзанная на перстнѣ.

ЛОНГВИЛЬ. Стершееся лицо старой римской монеты.

БОЙЕ. Эфесь шпаги Цезаря.

ДЮМЕНЬ. Рожа, вырѣзанная изъ кости на солдатской лядункѣ.

БИРОНЪ. Поль-щеки святого Георгія на дамской брошкѣ.

ДЮМЕНЬ. Да, только на свинцовой.

БИРОНЪ. И притомъ такой, какую носятъ на своихъ шляпахъ зубные врачи.

Ну, теперь продолжай на свою голову.

ОЛОФЕРНЪ. Вы совсѣмъ меня лишили головы.

БИРОНЪ. Неправда: мы дали тебѣ много головъ.

ОЛОФЕРНЪ. Все оскорбительныя головы!

БИРОНЪ. Будь ты даже левъ, мы не прибрали бы тебѣ ничего лучшаго.

Б О Й Е .

А такъ какъ онъ осель - пускай идетъ!
Прощай, мой миленькій Іуда!

О Л О Ф Е Р Н Ъ .

Это

Нехорошо - и грубо, и жестоко.

Б О Й Е .

Огня, огня почтенному Іудѣ!
Теперь темно — пожалуй, упадетъ.

(Олофернъ уходитъ).

П Р И Н Ц Е С С А .

Ахъ, бѣдный Маккавей, какъ онъ отдѣланъ!

Входитъ АРМАДО, одѣтый Гекторомъ.

Б И Р О Н Ъ . Спрячь свое лицо, Ахиллесъ: сюда идетъ вооруженный Гекторъ.

Д Ю М Е Н Ъ . Теперь-то я позабавлюсь, хотя бы мои насмѣшки обрушились на меня самого.

К О Р О Л Ъ . Гекторъ, въ сравненіи съ нимъ, былъ не болѣе, какъ троянецъ.

Б О Й Е . Развѣ это Гекторъ?

К О Р О Л Ъ . Гекторъ, кажется, не былъ такъ плотно сложенъ.

Л О Н Г В И Л Ъ . У него нога слишкомъ толста для Гектора.

Д Ю М Е Н Ъ . И икры слишкомъ велики.

Б И Р О Н Ъ . Нѣтъ, онъ не такъ миниатюрень, какъ Гекторъ.

Б И Р О Н Ъ . Рѣшительно, это не Гекторъ.

Д Ю М Е Н Ъ . Это или богъ, или живописецъ, потому что онъ дѣлаетъ рожи.

А Р М А Д О (декламируя).

«Побѣдоносный Марсъ, властитель грозный
пики,

Даль мнѣ...»

Д Ю М Е Н Ъ . Золотой орѣшекъ.

Б И Р О Н Ъ . Лимонъ.

Л О Н Г В И Л Ъ . Украшенный гвоздикою.

Д Ю М Е Н Ъ . Нѣтъ, треснувшій пополамъ.

А Р М А Д О . Молчите! (Декламируетъ).

«Побѣдоносный Марсъ, властитель грозный
пики,

Даль мнѣ, наслѣднику троянскаго владыки,
Такую силу мышцъ, что съ ночи до утра
Я драться могъ съ врагомъ внѣ моего
шатра.

Я — тотъ цвѣтокъ...»

ДЮМЕНЬ.

Та мята.

ЛОНГВИЛЬ.

Маргаритка.

АРМАДО. Дорогой мессеръ Лонгвиль, обуздай твой языкъ.

ЛОНГВИЛЬ. Я скорѣе долженъ разнуздать его, потому что онъ бѣжитъ за Гекторомъ.

ДЮМЕНЬ. А Гекторъ — гончая собака.

АРМАДО. Дорогой воитель умеръ и сгнилъ; милые цыплята, не трогайте костей покойниковъ: когда онъ дышалъ, это былъ человѣкъ. Но я стану продолжать мою роль. (*Принцесса*). Очаровательная царственность, удѣли мнѣ чувство твоего слуха.

ПРИНЦЕССА. Говори, храбрый Гекторъ: намъ это въ высшей степени пріятно.

БАШКА *возвращается*; БИРОНЪ *говоритъ ему*
что-то на ухо.

АРМАДО. Я боготворю туфлю твоего драгоцѣннаго высочества.

БОЙЕ (*тихо Дюмену*). Онъ любить ее снизу.

ДЮМЕНЬ (*тихо Бойе*). Потому что не можетъ любить сверху.

АРМАДО (*декламируя*).

Сей Гекторъ храбростью былъ выше Аннибала!

БАШКА (*перебивая его*). Пріятель Гекторъ, послушайте: съ вашей половиной дѣло плохо, очень плохо. Уже два мѣсяца.

АРМАДО. Что ты хочешь этимъ сказать?

БАШКА. Да то, что не будь вы честный троянецъ, бѣдная дѣвушка пропала бы. Она беременна. Ребенокъ уже копошится у ней въ животѣ. Это отъ васъ.

АРМАДО. Какъ ты смѣешь диффамировать меня передъ потентатами? За это ты умрешь.

БАШКА. Стало-быть, Гектора высѣкутъ за Жакнетту, которой онъ сдѣлалъ живого человѣка, и повѣсятъ за Помпея, котораго онъ сдѣлаетъ мертвымъ человѣкомъ.

ДЮМЕНЬ. О, несравненный Помпей!

БОЙЕ. Достославный Помпей!

БИРОНЪ. Великій болѣе великаго, великаго, великаго, великаго Помпея! Неизмѣримый Помпей!

ДЮМЕНЬ. Гекторъ трепещетъ.

БИРОНЪ. Помпей взволнованъ. Трави ихъ, трави! Живѣе, горячѣе!

ДЮМЕНЬ. Гекторъ вызоветъ его на бой.

БИРОНЪ. Да, хотя бы у него въ желудкѣ было крови не больше, чѣмъ нужно для того, чтобы накормить блоху.

АРМАДО (*Башкѣ*). Сѣвернымъ полюсомъ вызываю тебя на поединокъ!

БАШКА. Не умѣю я драться сѣверными полюсами; а вотъ давайте на шпагахъ. Мессеры, позвольте мнѣ снова получить мое оружіе.

ДЮМЕНЬ. Мѣсто воспламенившимся героямъ!

БАШКА. Я буду драться безъ кафтана

ДЮМЕНЬ. Неустрашимый Помпей!

МОЛЬ (*Армадо*). Мессеръ, позвольте мнѣ разстегнуть васъ. Развѣ вы не видите, что Помпей раздѣвается для поединка? О чемъ же вы думаете? вѣдь, ваша репутація погибнетъ.

АРМАДО. Мессеры и воины, извините меня, но я не хочу драться въ рубашкѣ.

ДЮМЕНЬ. Вамъ нельзя отказаться: вызовъ сдѣланъ Помпеемъ.

АРМАДО. Дорогіе мои, я хочу только то, что могу.

БИРОНЬ. Объяснитесь.

АРМАДО. Нагая истина во всемъ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что у меня нѣтъ рубашки, такъ какъ я ношу шерстяную фуфайку въ видѣ эпитимьи.

МОЛЬ. Это правда. Въ Римѣ ему предписали не носить бѣлья — и съ тѣхъ поръ, клянусь вамъ, онъ не носилъ на себѣ никогда ничего полотнянаго, кромѣ одной тряпки Жакнетты; и эту тряпку онъ держитъ всегда около сердца, какъ воспоминаніе.

Входитъ МЕРКАДЪ.

МЕРКАДЪ.

Спаси Господь принцессу!

ПРИНЦЕССА.

Очень рада

Тебѣ, Меркадъ, хотя потѣху нашу
Ты прервалъ.

МЕРКАДЪ.

Мнѣ это очень жаль,
Тѣмъ болѣе, что вѣстью очень грустной
Отягощенъ языкъ мой. Вашъ отецъ,
Мой государь...

176

ПРИНЦЕССА.

Онъ умеръ?

МЕРКАДЪ.

Да, принцесса!

Я все сказалъ, что долженъ былъ сказать.

БИРОНЬ.

Герои — прочь: на сцену тучи сходятъ!

АРМАДО. Я же только теперь начинаю дышать свободно. На день оскорбленія я взглянулъ сквозь маленькую дырочку умѣренности, но удовлетвореніе получу, какъ истинный воинъ. *(Герои уходятъ)*.

КОРОЛЬ.

Какъ чувствуете вы себя, принцесса?

ПРИНЦЕССА.

Бойе, готовляйтесь: ѣду я
Сегодня въ ночь.

КОРОЛЬ.

О, нѣтъ, останьтесь съ нами —
Я умоляю васъ.

ПРИНЦЕССА.

Готовьтесь въ путь,
Я говорю. Любезные мессеры,
Благодарю васъ всѣхъ за вашу всю
Привѣтливость, и сердцемъ, омраченнымъ
Внезапною печалью, умоляю,
Чтобъ мудростью богатою своей
Прикрыли вы иль оправдали нашу
Чрезмѣрную насмѣшливость. Когда
Мы перешли интимности границы,
То въ этомъ вы должны винить свою
Любезную привѣтливость. Прощайте,
Мой государь! Когда душа болитъ,
Тогда языкъ нѣмѣетъ. Извините,
Что не могу распространиться я
Въ признательныхъ словахъ за ту готовность,
Съ которой вы исполнили мое
Столь важное желанье.

КОРОЛЬ.

Время, въ быстромъ
Теченіи, рѣшаетъ часто дѣло
Въ послѣднюю минуту — и не разъ
Трудъ долгихъ лѣтъ вѣнчается успѣшно
Въ тотъ самый часъ, когда ужъ все почти
Потеряно. Хотя при видѣ горя,
Мрачащаго дочернее чело,
Уста любви не смѣютъ улыбаться
И говорить за то святое дѣло,
Что выиграть желала бы любовь —
Но если ужъ она пошла открыто

Своимъ путемъ, то съ этого пути
Пускай ее не совращаютъ тучи
Печали злой! Оплакивать друзей
Потерянныхъ — невыгоднѣй, вреднѣе,
Чѣмъ радоваться новымъ.

ПРИНЦЕССА.

Не могу

Я васъ понять; удвоиваетъ это
Мою печаль.

БИРОНЪ.

Чѣмъ откровеннѣй рѣчь

И чѣмъ простѣй, тѣмъ глубже проникаетъ
Въ слухъ горести. Я объясню сейчасъ
Мысль короля. Мы тратили здѣсь время,
Нарушили преступно клятву мы
Лишь изъ-за васъ. Своею красотою,
Красавицы, вы исказили насъ,
Заставили пойти всѣ наши чувства
Наперекоръ желанію — и вотъ,
Вотъ почему казались мы такими
Смѣшными вамъ. Любовь вся создана
Изъ прихотей, до неприличья странныхъ.
Она рѣзка, капризна, какъ дитя;
Ее родятъ глаза, и потому-то
Она, какъ глазъ, полна страннѣйшихъ

формъ

И образовъ, и видовъ; точно такъ же,
Какъ глазъ людской, съ предмета на предметъ
Вращается — она свои предметы
Мѣняетъ непрерывно. Если мы,
Подъ пеструю одежду, что надѣла
На насъ любовь, предъ вашими глазами
Небесными явились въ такомъ
Постыднѣйшемъ разладѣ съ нашей клятвой
И съ нашею серьезностью, то эти
Небесные глаза виной всего,
Что въ насъ они увидѣли дурного.
Поэтому, коль вамъ принадлежитъ
Нашъ пылъ любви, то вамъ и заблужденья,
Рождаемые имъ, принадлежать.
Лишь для того нарушили мы клятву,
Чтобъ разъ ее нарушить и потомъ
Не измѣнять во-вѣки тѣмъ, кто сдѣлалъ

Измѣнниками насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ
Хранителями клятвы — вамъ, созданья
Прекрасныя! И эта лживость — грѣхъ
Самъ по себѣ — сама и очищенье
Себѣ даетъ, и благомъ для души
Становится.

ПРИНЦЕССА.

Мы получили ваши
Любовныя посланья и при нихъ -

177

Посланниковъ любви - подарки ваши;
И нашъ совѣтъ дѣвическій рѣшилъ,
Что это все лишь свѣтская любезность,
Пріятная забава для того,
Чтобъ чѣмъ-нибудь занять и скрасить
время.

Серьезнѣе смотрѣть на это мы
Не думали — и потому-то вашу
Любовь сочли за шутку, по ея
Всѣмъ признакамъ.

ДЮМЕНЬ.

Принцесса, наши письма
Доказывали вамъ, что далеко
Не шутимъ мы.

ЛОНГВИЛЬ.

И наши взгляды — тоже.

РОЗАЛИНА.

Мы поняли ихъ иначе.

КОРОЛЬ.

Теперь,
Въ послѣднюю минуту, наградите
Любовью насъ.

ПРИНЦЕССА.

Коротокъ слишкомъ срокъ,
Мнѣ кажется, чтобъ торгъ могли навѣки
Мы заключить. Нѣтъ, нѣтъ, мой государь!
Нарушили вы клятву, совершили
Тяжелый грѣхъ — и потому теперь
Послушайте. Когда готовы сдѣлать
Хоть что-нибудь вы изъ любви ко мнѣ -

А этому предлогу я не вѣрю —
То сдѣлайте вы вотъ что. Вашихъ клятвъ
Не нужно мнѣ, но вы должны сейчасъ-же
Отправиться въ какой-нибудь пріютъ,
Заброшенный, пустынный, отдаленный
Отъ всякаго веселья; будьте тамъ,
Пока мѣстъ всѣ двѣнадцать знаковъ неба
Не совершатъ свой годовой обходъ.
И если жизнь суровая, глухая
Нетронутымъ оставить то, что ты
Мнѣ предложилъ въ разгарѣ страсти, если
Морозы, постъ, угрюмое жилище
И грубая одежда не убьютъ
Роскошнаго и молодого цвѣта
Твоей любви и устоятъ она
Передъ такимъ тяжелымъ испытаньемъ —
Тогда, чуть годъ окончится, приди
И именемъ твоей заслуги требуй
Меня къ себѣ — и дѣвственной рукой,
Которая теперь твою сжимаетъ,
Клянусь я быть твоею. Въ это время
Я въ траурной обители запру
Мою печаль и буду неутѣшно
Оплакивать умершаго отца.
Но если ты на это не согласенъ -
Разъединятся руки, и сердца
Навѣки другъ отъ друга отрекутся.

КОРОЛЬ.

О, милая, когда я не рѣшусь
На это испытанье, иль другое
Сильнѣйшее, которое должно
Бездѣйствіемъ сковать мои всѣ чувства -
Пусть смерть смежитъ внезапною рукой
Мои глаза. Съ минуты этой сердце
Мое лежитъ въ груди твоей, принцесса!

ДЮМЕНЬ (*Катаринъ*).

А мнѣ вы что назначите? Жену?

КАТАРИНА.

Хорошее здоровье, честность сердца
И бороду — три эти вещи я
Желаю вамъ съ тройнымъ расположеньемъ.

ДЮМЕНЬ.

О, смѣю ль я сказать: «благодарю,
Прелестная жена?»

КАТАРИНА.

Нѣтъ, годъ и сутки
Не буду я выслушивать рѣчей
Вздыхателей-льстецовъ. Когда къ принцессѣ
Придетъ король, придите вы ко мнѣ,
И если я въ то время буду много
Имѣть любви, то дамъ частичку вамъ.

ДЮМЕНЬ.

До той поры я буду вашимъ вѣрнымъ
И преданнымъ слугою.

КАТАРИНА.

Только вы
Мнѣ въ этомъ не клянитесь, чтобы снова
Не сдѣлаться отступникомъ.

ЛОНГВИЛЬ.

Что скажетъ

Марія мнѣ?

МАРІЯ.

Я черезъ годъ смѣню
Мой траурный нарядъ на друга сердца.

ЛОНГВИЛЬ.

Я буду ждать съ терпѣніемъ, но срокъ
Не маленькій.

МАРІЯ.

Тѣмъ больше это кстати,
И сами вы не маленькій, хотя
Такъ молоды.

178

БИРОНЪ (*Розалинъ*).

О чемъ моя дѣвица
Задумалась? О, милая, взгляни
Въ мои глаза - они, вѣдь, окна сердца:
Ты въ нихъ прочтешь покорную мольбу,
Которая ждетъ твоего рѣшенья.
О, прикажи мнѣ сдѣлать что-нибудь,
Чтобъ доказать любовь мою.

РОЗАЛИНА.

Нерѣдко

Я слышала о васъ, мессеръ, когда
Еще совѣмъ не знала васъ. Широкій
Языкъ молвы провозглашаетъ васъ
Насмѣшникомъ неистоцимымъ, полнымъ
Язвительныхъ намековъ и остротъ,
Которыми кидаете вы смѣло
Во всякаго, кѣмъ можетъ завладѣть
Вашъ острый умъ. Чтобъ отъ полыни этой
Очищенъ былъ вашъ плодоносный мозгъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ вы снискали —

если

Желаете того — мою любовь —
А вы ее не купите иначе,
Какъ этою цѣною — я хочу,
Чтобъ цѣлый годъ, день за день, за нѣмыми
Страдальцами ухаживали вы
И съ бѣдными больными говорили
Безъ умолку. И будетъ ваша вся
Обязанность — всѣ силы остроумья
Употреблять на то, чтобы могли
Несчастные страдальцы улыбаться.

Биронъ.

Какъ, дѣлать такъ, чтобъ хохотала смерть?
Но, Боже мой, вѣдь, это невозможно!
Веселостью нельзя расшевелить
Предсмертное страданье.

Розалина.

Въ этомъ средство

И вижу я — смирять злой, ѣдкій умъ,
Обязанный своимъ успѣхомъ только
Ничтожнымъ похваламъ, что расточаетъ
Передъ глупцомъ нелѣпый хохотунъ.
Успѣхъ остротъ ни мало не зависитъ
Отъ языка, слагающаго ихъ:
Онъ весь въ ушахъ того, кто ихъ внимаетъ.
Поэтому, когда больного слухъ,
Стенаньями недуга оглушенный,
Найдетъ въ себѣ возможность выносить
Всю болтовню насмѣшливую вашу —
Ее вы продолжайте, и возьму
Я васъ тогда съ порокомъ этимъ вмѣстѣ.
Иначе же старайтесь отъ него

Отдѣлаться — и я чистосердечно
Порадуюсь, когда увижу васъ
Избавленнымъ отъ этихъ недостатковъ.

БИРОНЪ.

Такъ цѣлый годъ? Ну, будь, что будетъ: я
На цѣлый годъ иду острить въ больницу.

ПРИНЦЕССА

*(королю, съ которымъ она все это время
разговаривала).*

Да, государь; затѣмъ проститься съ вами
Имѣю честь.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, мы проводимъ васъ.

БИРОНЪ.

Мы кончили не такъ, какъ въ старыхъ
пьесахъ
Влюбленные оканчиваютъ: Петръ
Не женится на Марьѣ. Эти дамы
Своею благосклонностью могли бы
Окончить все развязкою комедій.

КОРОЛЬ.

Что жъ, подождемъ; всего, вѣдь, годъ и
день —
И явится развязка.

БИРОНЪ.

Нахожу
Я этотъ срокъ для пьесы слишкомъ длиннымъ.

Входитъ АРМАДО.

АРМАДО. Драгоцѣнное величество, удостой...

ПРИНЦЕССА. Не Гекторъ ли это?

ДЮМЕНЬ. Доблестный рыцарь троянскій!

АРМАДО. Я желаю облобызать твой царственный палецъ и откланяться. Я произнесъ обѣтъ: я поклялся Жакнеттѣ, ради моей любви къ ней, ходить за плугомъ три года. Но, досточтимое величество, угодно будетъ тебѣ выслушать діалогъ, который два ученыхъ мужа сочинили во славу совы и кукушки? Этимъ діалогомъ должно было закончиться наше представленье.

КОРОЛЬ. Ведите ихъ поскорѣе. Мы согласны.

АРМАДО. Эй! приблизьтесь!

Входятъ Олофернъ, Натаниль, Моль,

АРМАДО. Съ этой стороны *Niets*, зима; а съ этой — *Ver*, весна; первую изображаетъ сова, вторую — кукушка. Весна, начинай.

179

П Ъ С Н Я .

ВЕСНА .

Когда фіалки голубыя
И цвѣта моря васильки,
И маргаритки росписныя,
И золотые пѣтушки
Поляну уберутъ цвѣтами —
Тогда, смѣясь надъ мужьями,
Поетъ кукушка на суку:
 «Ку-ку!»
Ку-ку! ку-ку! О, этотъ звукъ
Для всѣхъ мужей — источникъ мукъ!
Когда птенцовъ выводятъ птицы,
Пастухъ беретъ свою свирѣль,
Къ ручьямъ идутъ съ бѣльемъ дѣвицы
И служить жаворонка трель
Въ часъ утра пахарю часами —
Тогда, смѣясь надъ мужьями,
Поетъ кукушка на суку:
 «Ку-ку!»
Ку-ку! ку-ку! О, этотъ звукъ
Для всѣхъ мужей — источникъ мукъ.

ЗИМА .

Когда сверкаютъ крыши въ льдинкахъ
И дуетъ Томъ пастухъ въ кулакъ,
И замерзаютъ сливки въ крынкахъ,
И хворостъ тащитъ въ печку Жакъ,
И стынетъ кровь, и грустно взору —
Тогда сова въ ночную пору
Заводитъ пѣсенку свою:
 «Ту-ю!»
Ту-ю! Какъ весело звучитъ,
Межъ-тѣмъ, какъ Жанна супъ варитъ!
Когда бушуетъ вѣтръ суровый
И птицы все въ снѣгу сидятъ,
И носъ Марьянны весь багровый,
И яблоки въ огнѣ свистятъ,
И кашель портитъ рѣчь пастору -

Тогда сова въ ночную пору
Заводитъ пѣсенку свою:
«Ту-ю!»

Ту-ю! Какъ весело звучить,
Межъ тѣмъ какъ Жанна супъ варить.

АРМАДО. Слова Меркурія оскорбляютъ слухъ послѣ пѣсенъ Аполлона. Вы —
сюда, мы — туда. (*Уходятъ*).

П. Вейнбергъ.

180

¹ Опечатка: было «простого здраваго смысла», исправлено на – «простого здраваго смысла».

² Опечатка: было «не на одномо дѣлѣ, а на трехъ дѣлахъ», исправлено на – «не на одномъ дѣлѣ, а на трехъ дѣлахъ».